M 59
60

801-95
4610-5

О НОВОМЪ ЗАВѢТѢ

ГОСПОДА НАШЕГО

ІИСУСА ХРИСТА.

Сочиненіе

Архимандрита Ѳеодора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

О НОВОМЪ ЗАВѢТѢ

ГОСПОДА НАШЕГО

ІИСУСА ХРИСТА.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. 15 Февраля 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

Въ типографіи Іосафата Огризко.

2007097162

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	1
Духовныя нужды и обстоятельства времени открытія новаго завѣта	1—15
Основаніе и устроеніе Господомъ новозавѣтнаго порядка вещей	15—123
Порядокъ открытія и первоначальнаго распространенія въ мірѣ новосозданной Христовой Церкви, и новыхъ откровеній чрезъ св. Апостоловъ	123—171
Порядокъ начертанія новозавѣтныхъ откровеній въ письменахъ чрезъ извѣстныхъ св. писателей, съ извѣстнымъ характеромъ, содержаніемъ и значеніемъ книгъ новаго завѣта	171—203

СОДЕРЖАНИЕ.

Дѣти Православной отечественной Церкви получаютъ, въ настоящее время, отъ своей Матери даръ и утѣшеніе — читать новый завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на простомъ русскомъ языкѣ. Правда, есть между ними такіе, которые не совсѣмъ рады и переводу слова Божія на общедоступную рѣчь: они опасаются, какъбы святыня слова Божія не унизилась чрезъ общеупотребительную, во всякой потребѣ, рѣчь русскую. Но они забываютъ или не имѣютъ въ виду, что Отецъ небесный преподавалъ Церкви свои откровенія всегда на той рѣчи, которая была общедоступна и общеупотребительна во время сообщенія Церкви этихъ откровеній. Мало этого, Отецъ небесный послалъ въ міръ Самого Своего Единороднаго Сына и Слова, Который, вочеловѣчась и обитая между людьми, бесѣдовалъ съ ними и поучалъ ихъ на простомъ общеупотребительномъ между іудеями того времени, языкѣ. Вотъ съ этимъ и сообразуется св. Церковь, заботясь о переложеніи всего Св. Писанія на общепонятную русскую рѣчь! Этого достаточно для успокоенія неразсудительной ревности объ охраненіи святыни слова Божія отъ мнимаго униженія чрезъ простую и общеупотребительную рѣчь.

Разсудительной же вѣрѣ, любящей *сопть* въ Божіей истинѣ, изданіе въ русскомъ переводѣ новаго завѣта можетъ давать поводъ и побужденіе — глубже вникать въ самый порядокъ открытія новаго завѣта Господомъ нашимъ, — и лично Самимъ и чрезъ св. Апостоловъ. Это тѣмъ болѣе, что порядокъ, въ какомъ совершенъ Господомъ переходъ Церкви изъ ветхаго завѣта въ новый, представляетъ Божественное руководство и верховный образецъ для всякаго переходнаго времени, какимъ во многихъ отношеніяхъ оказывается наше время. Въ особенности въ раскрытіи Христовой истины, вѣрѣ нашей необходимо нынѣ внимательнѣе присматриваться къ образу и порядку открытія новаго завѣта Самимъ Господомъ, чтобы остеречься отъ прираженій къ самой ревности нашей по Православію того самаго іудейскаго духа, въ борьбѣ съ которымъ Господь открывалъ новый завѣтъ Своей благодати и истины, и отъ рѣшительнаго осужденія водящихся, положимъ, еще языческимъ духомъ, который не попрепятствовалъ Спасителю водворить новозавѣтную Свою Церковь въ мірѣ особенно языковъ, съ отверженіемъ не увѣровавшихъ іудеевъ.

ДУХОВНЫЯ НУЖДЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ ОТКРЫТІЯ НОВАГО ЗАВѢТА ВЪ МІРѢ.

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа есть единственный, спасительный для человѣчества всѣхъ временъ. Но человѣчеству на вѣки данъ онъ въ одно извѣстное, опредѣленное время. Видно, въ ряду временъ одно это извѣстное время и имѣло готовую пріемлемость къ первоначальному открытію въ мірѣ Новаго Завѣта. Само слово Божіе подтверждаетъ это, называя время первоначальнаго открытія Новаго Завѣта «полнотою времени». Такъ апостолъ Павелъ, указавъ на необходимость держать спасаемаго человѣка *подъ повелители и приставники* во всѣ времена ветхозавѣтной его младости, продолжаетъ: *егда же прiиде* «полнота времени», *посла Богъ Сына своего.... да всыновленiе воспрiемлемъ* (Галат. IV, 1—5). Посему для раскрытія внутренняго порядка преподанія или открытія въ мірѣ Новаго Завѣта должно обратить вниманіе на пріемлемость къ тому самого тогдашняго времени.

Каковы же были обстоятельства и нужды времени открытія и первоначальнаго распространенія въ мірѣ христіанства? Это время было единственное въ ряду

временъ и по внѣшнему положенію міра. Раздѣленія между *языками* [1]) и избраннымъ народомъ, въ гражданскомъ отношеніи, уже не существовало. Въ Палестинѣ хотя еще появлялись и цари (каковъ Иродъ Агриппа): но эти цари были сами рабами римскаго императора; земля обѣтованная, вмѣстѣ съ Сиріею, была въ числѣ римскихъ провинцій, пока наконецъ не была рѣшительно опустошена римскимъ оружіемъ. Римская же имперія обнимала почти весь тогдашній гражданскій міръ; не входящіе въ ея составъ и не зависящіе отъ нея — или были разобщены со всѣми, или не достигли еще до гражданскаго устройства.

Что касается до внутренняго состоянія міра: языческая религія (каковы бы ни были частные ея виды), — какъ священное и вѣковое преданіе отцовъ, какъ колыбель, въ которой были положены языки въ своемъ младенчествѣ, какъ почва, на которой они росли и развивались, какъ форма, проникшая весь гражданскій организмъ, и у образованнѣйшихъ изъ нихъ вполнѣ развитая, — была ожесточенно-твердымъ въ мірѣ заблужденіемъ. Но внутреннія основанія язычества были уже подорваны и убиты. Наглядная сторона міра и природы уже довольно была неплѣнительна, чтобы духу увлекаться и успокоиваться въ ней, какъ въ своей родной области, чтобы т. е. свѣтло отражать въ себѣ духовное и Божественное. Искусство, пришедшее на помощь природѣ къ обольщенію духа человѣческаго призраками Бо-

---

[1]) Подъ *языками*, по словоупотребленію библейскому, мы разумѣемъ весь языческій міръ или всѣ народы многобожные и идолопоклонническіе.

жественнаго (идолами), отчасти продолжило очарованіе видимаго и нагляднаго, отчасти же само, раскрывая въ человѣкѣ внутреннія силы, могущія властительно распоряжаться видимымъ и естественнымъ, подрывало основаніе къ обожанію этого видимаго и естественнаго. И умъ язычника (по крайней мѣрѣ, въ мудрецахъ языческихъ) на столько уже возвышался надъ естественнымъ и видимымъ, что Божества искалъ выше видимаго. И, такимъ образомъ, искренность вѣры въ языческія божества стала изчезать; боги осмѣиваемы были даже на народныхъ зрѣлищахъ. Слѣдовательно, язычество внутренно распадалось и разрушалось. Что же созидалось въ замѣнъ его? Сократъ и Платонъ во многихъ отношеніяхъ достойно любомудрствовали о Богѣ; они стремились отрѣшить истину отъ чувственныхъ формъ: однакожъ, или въ самыхъ высшихъ созерцаніяхъ прибѣгали къ чувственнымъ же образамъ (Платонъ), или же ясно и прямо сознавали только одно свое невѣдѣніе (Сократъ). Аристотель доказалъ, что, въ самомъ дѣлѣ, человѣку, если отрѣшить мысль его отъ всего нагляднаго и дѣйствующаго на чувства, останется только пустота. Когда столь сильно бросалось въ глаза, хотя и не было понимаемо, отчужденіе нашей природы отъ Божества: то стоики заботились уже только о томъ, чтобы не унижать во мнѣніи другихъ и своемъ собственнаго достоинства; а епикурейцы—о томъ, чтобы, по крайней-мѣрѣ, жизнь была пріятнѣе; тѣ и другіе о божествѣ говорили только или по навыку, или для виду. Что было дѣлать далѣе? Кланяться истуканамъ—или по одной вѣковой формѣ, одушевляя оную развѣ только *иносказательнымъ* значеніемъ истукановъ (чего начало

видно и у Платона), или же по осязаемому мраку привычнаго суевѣрія. И за тѣмъ охотникамъ мудрствовать оставалось уже переливать изъ пустаго въ порожнее, — играть словами и мыслями, бросаться на всякую новость... Такъ и было у Грековъ [1]). А людямъ практическимъ свойственно было устроивать свои дѣла, придерживаясь правилъ стоическихъ или епикурейскихъ (судя по характеру). При внутреннемъ распаденіи религіозныхъ началъ, раскрытіе нравственнаго зла было чрезмѣрное (Рим. I); нéчѣмъ было его ограничивать, кромѣ внѣшняго гражданскаго закона. За то политика провозглашала римскаго императора — dominus deus. Это въ древнемъ мірѣ есть послѣдній, уже совершенно безжизненный, видъ извращенія религіи по началамъ язычества — обоготворять мірское! Таково было внутреннее состояніе языческаго міра, даже въ его представителяхъ. Возмите же во вниманіе то, что духъ язычника, и въ такомъ состояніи, не былъ однакоже безнадежнымъ мертвецомъ, что религіозныя и духовныя потребности и стремленія были сильны, хотя уже не было и призрачной пищи къ ихъ удовлетворенію: и — вы поймете, что вообще духовное состояніе язычника нельзя лучше выразить, какъ оно выражено было откровеніемъ, даннымъ Апостолу языковъ предъ начальнымъ, еще вступленіемъ его въ Европу, гдѣ былъ центръ и престолъ язычества: *видѣніе въ нощи явися Павлу: мужъ нѣкій бѣ македонянинъ стоя, моля его и глаголя: пришедъ въ Ма-*

---

[1]) Доказательствомъ сего — софистика, славившаяся особенно въ Аѳинахъ. Дѣян. XVIII.

кедонію помози намъ (Дѣян. XVI, 9. 10). Разносимая же по міру слава Бога Израилева (особенно во время вавилонскаго плѣненія и при Маккавеяхъ) и разсѣваемые всюду сыны Израиля, съ родовыми своими надеждами и божественными обѣтованіями, указывали языкамъ, откуда должна была явиться для міра помощь. По свидѣтельству Флавія, Тацита и Светонія, было общее какое-то ожиданіе всемірныхъ завоевателей изъ Іудеи. Въ нѣкоторыхъ изъ язычниковъ требованія духовныя, не удовлетворяемыя и даже не обольщаемыя уже никакою пищею язычества, такъ сильно раскрывались, что самъ Господь приводилъ ихъ къ своему Израилю — въ Іудею [1]), или указывалъ для руководства къ истинѣ на израильтянина [2]). Видно, что времена невѣдѣнія языковъ проходили, и—можно было открыться Свѣту языковъ, безъ опасенія того, чтобы они отъ свѣта увлеклись своими призраками [3]).

Но іудеи смотрѣли на язычниковъ, какъ на отверженныхъ. Посмотримъ, могъ ли самъ этотъ гордый Израиль удовлетворить духовнымъ требованіямъ языковъ... Правда, въ избранномъ народѣ оказывались такіе ревнители своей вѣры и блага языковъ, что *проходили море и сушу сотворити единаго пришельца*, т. е. ввести кого-либо изъ язычниковъ въ свой избранно-народный составъ. Но *егда будетъ*, сказано было о такихъ ревнителяхъ самимъ

---

[1]) Волхвовъ, при рожденіи Спасителя, на поклоненіе Ему.

[2]) Именно — Корнилію сотнику на Петра.

[3]) См. о томъже въ книгѣ: «нѣсколько статей о св. Апостолѣ Павлѣ».

Господомъ, *творите его сына геенны сугубьйша васъ* (Мѳ. XXIII, 15).

Въ самомъ дѣлѣ, духовное состояніе наибольшей части израильтянъ было еще безотраднѣе, нежели состояніе язычниковъ. Уже во время происхожденія неканоническихъ книгъ Ветхаго Завѣта оказалось, что, хотя духъ вѣры еще былъ живъ въ членахъ ветхозавѣтной Церкви и прекрасно выразился въ сихъ самыхъ книгахъ, но онъ уже только въ «общемъ» держался образовъ и сѣней ветхозавѣтнаго церковнаго устройства, — что, слѣдовательно, сіи послѣднія уже не имѣли своего прежняго, свѣтлаго и живаго значенія для вѣры. Не умѣя найти себѣ въ оныхъ достаточной пищи и живаго возбужденія, вѣра наибольшей части израильтянъ утратила наконецъ совсѣмъ внутреннюю свою жизнь; и — все ветхозавѣтное устройство церковное оказывалось для такихъ мертвою законною буквою, безъ благодатнаго духа. Большая часть іудеевъ разумѣли это устройство даже совсѣмъ противъ его духа и силы благодатной.

И во-первыхъ, благодать предрекалась и предъявлялась Израилю, какъ родовое его наслѣдіе, въ народныхъ установленіяхъ; такъ что самыя даже почти евангельскія о ней откровенія не только не были совсѣмъ отрѣшены отъ сихъ преходящихъ формъ ветхозавѣтной ѳеократіи, но, напротивъ, внутреннимъ образомъ съ ними были связаны и къ нимъ же были прикрѣпляемы. Отсюда, съ истощеніемъ истиннаго и живаго духа вѣры, произошло, что небесную духовную область обѣтованной Христовой благодати и стали представлять земнымъ

наиблистательнѣйшимъ царствомъ, спасительныя для всего міра дѣйствія и проявленія ея воображали всемірнымъ завоеваніемъ, обѣтованіе—чисто-плотскими родовыми правами на участіе въ славѣ и преимуществахъ сего царства; а потому плотской Израиль воображалъ себя въ будущемъ единственнымъ полновластнымъ наслѣдникомъ и участникомъ обѣтованныхъ благъ, низлагающимъ всѣхъ враждебныхъ языковъ и только благопокорливымъ изъ нихъ, какъ добрымъ рабамъ, властительно удѣляющимъ блага.... Сказать коротко: по поводу столь свѣтлыхъ и прекрасныхъ нѣкогда формъ духа благодатной жизни, проникнутыхъ вполнѣ ея значеніемъ, погибшія овцы дому Израиля мечтали въ царствѣ благодати найти пищу и покой растлѣнной, грѣховной плоти.

Во-вторыхъ, строгія требованія правды въ ветхомъ Завѣтѣ стояли обыкновенно на первомъ планѣ и рѣзко выдавались для обузданія грѣховнаго человѣческаго естества: такъ что уже за грозою суда или угрозою закона являлось свѣтлое лице Богодарованной правды съ ея благодатнымъ духомъ и началами. Отсюда, съ затемнѣніемъ духовнаго взора вѣры у наибольшей части іудеевъ, произошло, что благодатнаго духа и началъ правды они не примѣчали, а потому законныя требованія правды представляли единственно и существенно нужными, непреложными и спасительными (Гал. V, 2—4). И такимъ образомъ они усиливались поставить собственную законную правду вмѣсто благодатной правды Божіей (Рим. X, 3),—не хотѣли т. е. принять правды, какъ дара Божія, но мечтали сами оправдать себя исполненіемъ за-

конныхъ требованій. Между тѣмъ само по себѣ понятно, что если бы и въ неповрежденномъ состояніи человѣкъ, въ дѣлѣ правды, положился на свои силы, то неминуемо лишился бы правды (ибо она состоитъ въ проникновеніи всѣхъ силъ и дѣйствій самимъ духомъ Божіей благодати, истины и святыни); и, слѣдовательно, въ грѣховномъ состояніи мечтая о самооправданіи, онъ долженъ необходимо остаться внутренно только при своей грѣховности, и, слѣдовательно, съ правдою, только болѣе или менѣе наружною, и, притомъ, проникнутою рабскимъ страхомъ, потому что въ глубинѣ духа человѣческаго не могло быть удовлетворенія и успокоенія сею правдою. Посему законная правда іудеевъ, и при благонамѣренности и добросовѣстной ревности, оставалась слѣпымъ фанатизмомъ, могущимъ войти въ ожесточенную вражду противъ Бога и человѣковъ (какъ и было въ Савлѣ); а, при самохвальствѣ и своекорыстіи, она оказывалась одною личиною внѣшней строгости и набожности, подъ которою могли гнѣздиться въ душѣ самые низкіе и злые пороки и страсти. Таковы и были наибольшею частію книжники и фарисеи. И понятно, почему они, при своемъ глубокомъ духовномъ паденіи, пользовались всеобщимъ уваженіемъ; они дѣйствовали, и при томъ какъ вожди, въ общемъ духѣ своего народа. Такъ, по своимъ вѣрованіямъ и по правиламъ дѣятельности, іудеи, наслѣдники завѣтовъ и обѣтованій благодати, становились въ наибольшей своей части и особенно въ представителяхъ своихъ — на сторонѣ, враждебной духу и началамъ благодати. Были, правда, между ними такіе, которые не увлекались господствующимъ въ народѣ ложнымъ на-

правленіемъ: зато расторгали всѣ узы закона и, въ составѣ Израиля, являлись язычниками; таковы были саддукеи. Были и такіе (хотя не многіе), которые ревновали по правдѣ и всякое праведное дѣло признавали даромъ Божіимъ: зато отвергали Богоучрежденныя, и еще ничѣмъ не замѣненныя, жертвоприношенія, въ которыхъ предъизображалась благодать,—предавались мечтательному и слѣдовательно ложному мистицизму, не понимая настоящей тайны ветхаго завѣта; таковы были ессеи. Были и такіе (хотя еще менѣе было ихъ число), которые, сохраняя любовь и благоговѣніе къ слову Божію и преданіямъ, сознавали однакожъ нелѣпость представленія о всемірныхъ завоевателяхъ изъ Іудеи: зато сами еще нелѣпѣе обѣтованіе о всемірномъ владычествѣ относили къ язычникамъ—къ римскимъ императорамъ; таковъ Іосифъ Флавій, въ своемъ описаніи іудейской войны. Указываемъ на сіи послѣдніе три рода іудеевъ не потому, чтобы они были представителями своего народа,—нѣтъ, они были исключеніемъ изъ общаго,—но для того, чтобы видѣть невозможность естественными способами пособить духовному бѣдствію Израиля. Ясно, что такое состояніе наибольшей части іудеевъ было «погибшее», какъ не разъ самъ Спаситель называетъ ихъ погибшими овцами дома Израилева. Самый законъ, на основаніи котораго они мечтали поставить собственную правду, — своею буквою, не оживляемою духомъ вѣры, только осуждалъ ихъ и подвергалъ проклятію наравнѣ съ язычниками. И отъ такихъ іудеевъ истинно нечего было ждать язычнику, кромѣ того, что они, введя его

въ свой народный составъ и въ свои понятія, сдѣлаютъ его *сыномъ геенны сугубѣйшимъ*, нежели они сами.

Возмемъ, наконецъ, во вниманіе ту часть или остатокъ *истинныхъ израильтянъ*, которые одни принадлежали къ спасаемымъ среди всеобщей гибели Израиля и языковъ. Они жили въ *духовномъ* чаяніи Утѣхи израилевой, — т. е. въ царствѣ Обѣтованнаго надѣялись не для плоти найти успокоеніе, но *безъ страха, изъ рукъ враговъ своихъ избавльшеся, служити* Богу *преподобіемъ и правдою предъ Нимъ во вся дни живота* (Лук. I, 74. 75) (какъ это выразилъ одинъ изъ таковыхъ израильтянъ въ божественномъ восторгѣ). И хотя эти израильтяне смиренно подчинялись ветхозавѣтному порядку и взирали на самую благодать еще отчасти изъ-за сѣни онаго (какъ видно изъ приведенныхъ же словъ праведнаго Захаріи, особенно—взявъ ихъ въ связи рѣчи): однако самая духовная ихъ вѣра уже не находила себѣ достаточной пищи и свѣта въ образахъ, взятыхъ изъ естественнаго и земнаго, уже не столь ощутительно разительнаго. Такова была, напримѣръ, благодатная Маріамъ, которая, по движенію самой вѣры и любви къ Господу, отреклась отъ основнаго и коренного ветхозавѣтнаго выраженія вѣры — имѣть въ избранномъ народѣ свои живыя лѣторасли—дѣтей и, можетъ быть, самое обѣтованное Сѣмя,— и рѣшилась пребыть дѣвою. Таковъ же былъ старецъ Симеонъ, который, уже увидя въ семъ мірѣ Спасеніе всѣхъ людей и славу Израиля, не желалъ однако оставаться въ семъ мірѣ, но съ радостію исповѣдалъ свое отпущеніе изъ онаго, ясно сознавая, какъ видно, окончательною областію спасенія другой, горній міръ. Если

же такимъ образомъ истинная, духовная вѣра не удовлетворялась уже вполнѣ ветхозавѣтнымъ сѣновнымъ порядкомъ: то она, въ самыхъ высокихъ и сильныхъ душахъ воспаряя въ чистую область духа и благодати, въ менѣе сильныхъ могла затрудняться и быть въ опасности отъ узкихъ понятій іудейства. Таковы, напримѣръ, были избранные послѣ въ Апостолы: въ нихъ духовная вѣра не была подавлена господствующими плотскими понятіями о благодати и законно-мертвыми понятіями о правдѣ (какъ видно изъ ихъ свободной и всецѣлыной преданности Учителю правды благодатной, чуждому всякихъ мірскихъ притязаній),—но сія самая вѣра ихъ даже и при самомъ Господѣ, исполненномъ благодати и истины, не рѣдко затруднялась и запутывалась плотскими и мертвыми понятіями современнаго іудейства. Видно, что ветхозавѣтный порядокъ вещей уже становился до того недостаточнымъ для озаренія и оживленія вѣры, что еще не много болѣе времени,—и вѣра была бы въ опасности совершенно затрудниться и наконецъ изсякнуть....

Сообразите теперь это состояніе Церкви, и по отношенію къ языкамъ и въ самыхъ іудеяхъ, съ тѣмъ всеобщимъ закономъ, или порядкомъ сообщенія Церкви Божественныхъ откровеній, чтобы, при затемнѣніи и извращеніи той или другой стороны сѣновнаго церковнаго устройства, въ соразмѣрной сему мѣрѣ приподнимать завѣсу сѣней и являть самое лицо благодати. Извѣстно, что этотъ законъ дѣйствовалъ чрезъ все продолженіе ветхаго завѣта [1]). По этому закону, теперь, уже самому на-

[1]) Раскрытіе этого см. въ статьѣ «объ особенностяхъ ветхоза-

значенію Церкви—быть сокровищемъ *всемірнаго* спасенія, самому духу и силѣ благодати спасать *гибнущихъ*, готовить благословеніе *всѣмъ языкамъ земнымъ* — рѣшительно противно было бы отверженіе язычника, этого блудпаго сына, истратившаго уже всѣ остатки Отеческаго наслѣдія и теперь гладомъ гибнущаго, и въ наилучшихъ своихъ представителяхъ уже сдѣлавшаго движеніе возврата ко Отцу. Но принять язычника какъ сына, съ безусловнымъ прощеніемъ, было бы не согласно съ *ветхозавѣтнымъ* порядкомъ вещей, по которому роды и племена, во всѣхъ отношеніяхъ отдѣлившіеся отъ избраннаго рода, были уже въ состояніи отверженія отъ Церкви и благодати; самимъ закономъ Божіимъ возбранялось соединеніе и смѣшеніе съ ними избраннаго народа; язычнику оставалось одно только прозелитство и, слѣдовательно, совершенная утрата духовной самостоятельности, въ пользу духовнаго самовластительства іудеевъ. Итакъ, по отношенію къ язычникамъ, ветхозавѣтная форма, очевидно, оказывается теперь непомѣстительною для заключеннаго доселѣ въ ней же самой духа благодати; ветхозавѣтное устройство Церкви, сколько нѣкогда было благопотребно для сохраненія благословенія всѣмъ племенамъ и языкамъ земнымъ, столько теперь оказывается неблагопріятнымъ и непригоднымъ къ этому же самому назначенію. Надо открыть новый порядокъ для Церкви и вѣры,—Новый Завѣтъ.

Въ отношеніи къ самимъ израильтянамъ, ветхозавѣтное устройство церковное своимъ духомъ и сущностію

вѣтныхъ воззрѣній и жизни»—въ книгѣ: *о современности въ отношеніи къ Православію.*

имѣло единственно грядущую Христову благодать, только образно выражаемую и предъявляемую въ патріархально-семейномъ, народномъ, земно-царственномъ порядкахъ и развѣ отчасти, и то во внутренней связи съ образами, открывавшуюся въ своихъ существенныхъ духовныхъ тайнахъ. Чѣмъ же теперь оказывалось для израильтянъ сіе самое устройство? Большинство изъ нихъ, съ одной стороны, подъ самой сѣнію ветхаго завѣта мнило найти удовлетвореніе не духовнымъ потребностямъ, а собственно плотскимъ желаніямъ и надеждамъ, а съ другой—прямо на перекоръ духу благодати, заключенному въ ветхозавѣтной законной буквѣ, мечтало на основаніи закона же оправдаться собственною правдою, подвергаясь, на самомъ дѣлѣ, только законной клятвѣ и осужденію за свою грѣховность. Потомъ нѣкоторые даже самовольно, и, слѣдовательно, не къ спасенію, разрывали обязательность для себя ветхозавѣтнаго порядка вещей. И, наконецъ, сами избранные, при смиренномъ подчиненіи сему порядку, или уже не находили въ немъ удовлетворенія своимъ духовнымъ требованіямъ и желаніямъ и свободно возвышались въ чистую область духа, или же, иначе, стали встрѣчать въ семъ самомъ порядкѣ затрудненіе и искушенія для своей вѣры (все это выше уже было доказано). Итакъ, и по отношенію къ самымъ іудеямъ, столько же, или еще болѣе, чѣмъ относительно языковъ, ветхозавѣтное устройство Церкви изветшало со всѣхъ сторонъ и въ самыхъ основаніяхъ. Въ своихъ преходящихъ формахъ, оно становилось уже въ противорѣчіе съ собственнымъ назначеніемъ и духомъ, съ выражаемой въ снхъ самыхъ формахъ силою. Необходимо замѣнить из-

вступившее ветхозавѣтное устройство новоблагодатнымъ домостроительствомъ, Новымъ Завѣтомъ.

Слѣдовательно, по всеобщему закону домостроительства нашего спасенія, настало срочное время, когда завѣса сѣпей должна быть отъята всецѣло и благодать открыта во всемъ своемъ духѣ и истинѣ. Въ этомъ была самая крайняя, самая настоятельная потребность Церкви: ибо иначе грозила бы гибель для всего міра,—равно и для іудеевъ, какъ для язычниковъ, и не разрѣшались бы духовныя затрудненія для самихъ избранныхъ; всѣ же божественные уроки спасенія, данные Церкви въ прежнія времена, оставались бы неразгаданными и даже уже крайне мало ощутимыми въ своемъ благодатномъ духѣ, въ своемъ смыслѣ и значеніи, и потому были бы безъ всякаго спасительнаго приложенія и употребленія (какъ теперь у іудеевъ). Было къ тому и совершенное удобство: ибо благодать, явясь въ своемъ духѣ и истинѣ, уже никакъ не могла быть смѣшена со всесторонне-растлѣннымъ или затемненнымъ для вѣры порядкомъ земнаго міра и естества; увлекаться этою областію «стихій міра,» нѣкогда довольно свѣтло предъизображавшихъ Христову благодать, стало свойственно уже только упорно не хотящимъ понять и принять истину. Словомъ: судя по обстоятельствамъ и нуждамъ времени, можно видѣть, что вообще благопотребно и благовременно было ветхій завѣтъ раскрыть и дополнить новымъ завѣтомъ, или откровеніемъ благодати во всемъ ея духѣ и истинѣ, — сказать тоже точнѣе, замѣнить ветхій завѣтъ завѣтомъ новымъ, раскрывающимъ и всю силу ветхаго. Какимъ же это образомъ? Изслѣдуемъ обстоятельства и

порядокъ самаго появленія новаго завѣта, чтобы понятна была внутренняя послѣдовательность и цѣлость самаго новаго завѣта.

ОСНОВАНІЕ И УСТРОЕНІЕ ГОСПОДОМЪ НОВОЗАВѢТНАГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ.

Прежде всего нужно было, конечно, *основать и устроить* новозавѣтный порядокъ вещей,—тотъ порядокъ, въ которомъ бы благодать открыта была всецѣло, во всей своей духовности, и столько же для языковъ, сколько для Израиля. Тайна сего благодатнаго порядка, по предвѣчному Божественному опредѣленію, состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы единородному Сыну Божію, естественному и существенному наслѣднику любви и жизни Отчей — чрезъ воплощеніе, земную жизнь, страданіе и смерть во плоти ради человѣковъ, — взять на Себя всю немощь человѣческаго естества, всѣ вины и долги человѣческія предъ правосудіемъ Божіимъ, а чрезъ свое воскресеніе и превознесеніе—открыть для всѣхъ человѣковъ источникъ своей Божественной любви и жизни, въ изліяніи Св. Духа: чтобы такимъ образомъ, всякой вѣрующій — іудей ли, язычникъ ли — вѣрою входилъ въ духъ Его земной жизни и смерти, къ разрѣшенію отъ всѣхъ своихъ грѣховъ и немощей, и вмѣстѣ усвоялъ себѣ животворную силу Его воскресенія и благодати, къ своему духовному обновленію и житію, небесному даже еще и на землѣ, не производящему впрочемъ подавленія и остановки земнаго хода вещей,— открыто блаженному уже въ

вѣчности. Легко ли и вдругъ ли можно было основать этотъ Божественно-духовный порядокъ благодати, хотя онъ уже и предъявлялся доселѣ въ *многочастныхъ и многообразныхъ* видахъ?

Затрудненіе къ сему, во-первыхъ, представлялось такое, что съ устроеніемъ сего благодатнаго порядка Церкви необходимо соединено отмѣненіе преходящихъ формъ ветхозавѣтнаго церковнаго порядка; а онѣ учреждены самимъ Богомъ. И притомъ въ слѣдствіе того, что при ихъ учрежденіи еще не раздѣлимъ былъ отъ нихъ духъ благодати, въ нихъ выражаемый,—онѣ были учреждены съ обязательностію непреложною. На это послѣднее ожесточенно настаивали церковные представители іудейства, и притомъ именно — противъ Господа (сколько разъ напр. злобились они на Него изъ-за мнимаго нарушенія субботы!). Итакъ слѣдовало основать и законоположить новый благодатный порядокъ, не дѣлая насилія и оскорбленія прежнему порядку или устройству Церкви, древле основанному отъ Бога; не трудно понять, что это и возможно только самому же Законодателю и древняго и новаго завѣта.

Во-вторыхъ, и для самой вѣры перейти въ чистую область духовной новозавѣтной благодати изъ-подъ ветхозавѣтной сѣновности возможно было не безъ тяжкаго и опаснаго подвига, хотя вѣра и сама уже не удовлетворялась послѣднею и стремилась въ первую. Такъ раждающійся въ сей свѣтъ младенецъ страдаетъ и плачетъ при замѣненіи прежняго темнаго жилища, уже недостаточнаго для него, новымъ, столь свѣтлымъ и раздоль-

пымъ! [1]) Возмемъ во вниманіе поразительнѣйшій примѣръ указаннаго затрудненія. Святый Іоаннъ Крестителъ, еще не дознавъ въ Господѣ Іисусѣ Мессію, свидѣтельствовалъ, что Мессія грядетъ за нимъ — очищать свое гумно съ Божественною властію, и что самъ Іоаннъ не достоинъ у Него и сапогъ понести; потомъ увидѣлъ открыто нисходящаго на Іисуса Святаго Духа и услышалъ при этомъ раздающійся гласъ самого Бога о Христѣ какъ о возлюбленномъ Сынѣ (что́ служило для Іоанна нарочитымъ указаніемъ на Мессію); потомъ снова самъ свидѣтельствовалъ о Немъ, какъ объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, какъ о женихѣ Церкви, какъ о небесномъ посланникѣ и Сынѣ Божіемъ, обладающемъ безмѣрною полнотою Духа Святаго и вводящемъ вѣрующихъ въ жизнь вѣчную (Іоан. III, 27—36). Можно понять, что Крестителъ имѣлъ уже нравственную невозможность не вѣритъ Іисусу Христу; самъ Господь призналъ нестоющею и опроверженія мысль объ Іоаннѣ, не трость ли— онъ, вѣтромъ колеблемая. Между-тѣмъ сей самый мужъ, величайшій изъ пророковъ, слѣдя за дивными дѣлами Господа (Лук. VII, 18), смиренно однако странствую-

---

[1]) Другое, болѣе близкое къ предмету, сравненіе: получившій направленіе и навыкъ къ духовнымъ размышленіямъ при созерцаніи великолѣпія и красоты природы,— обыкновенно падаетъ мыслію при внѣшнихъ впечатлѣніяхъ безобразія, нечистоты, нестройнаго шума и т. п., хотя духовные предметы размышленій его, и при такихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, сами по себѣ высоки и прекрасны. Такъ и вѣрѣ, предощущавшей Христову благодать въ образахъ, взятыхъ изъ области «стихій міра», неизбѣжно было испытывать затрудненіе, когда приходилось ей воззрѣть уже прямо на саму истину и благодать, открывающуюся притомъ въ *умаленіи* Сына Божія до воспріятія плоти, до креста....

щаго изъ веси въ весь, изъ града въ градъ (Мѳ. XI, 1.), да и самъ, другъ пришедшаго уже Жениха Церкви, оставаясь въ темницѣ безъ надежды освобожденія, — встрѣтилъ неразрѣшимое для себя противорѣчіе между вѣруемымъ и видимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ тверже и несомнѣннѣе онъ вѣровалъ въ Господа, какъ Мессію, съ Божественнымъ величіемъ очищающаго свое гумно, крестящаго не только Духомъ Святымъ, но и огнемъ (по ветхозавѣтному), не только вземлющаго грѣхи міра, но и грѣшниковъ предающаго неутасающему огню, но не разграничивалъ въ семъ случаѣ духовнаго и видимаго съ точностію (какъ то изъ его же проповѣди очевидно): тѣмъ естественнѣе самой вѣрѣ его затрудниться при слухахъ о Господѣ—въ разрѣшеніи того, гдѣ же торжество брака сего Божественнаго Жениха, какъ же это Онъ отдѣляетъ на своемъ гумнѣ пшеницу отъ плевелъ, собирая первую въ житницу, а послѣднія предавая огню, какъ именно Ему подобаетъ расти, и т. под. И такимъ образомъ, онъ посылаетъ двоихъ учениковъ къ Господу съ вопросомъ не сомнѣнія и маловѣрія, но вѣры, не довольно разграничивающей духовное отъ видимаго, по ветхозавѣтному [1]). Господь, указавъ въ подкрѣпленіе недоумѣвающей вѣры на Божественныя дѣла свои, выставивъ на видъ чрезвычайное величіе Іоаннова служенія и духовнаго достоинства, слѣдовательно, и его вѣры, раскрылъ самый источникъ затрудненія или недоумѣнія вѣры Іо-

---

[1]) Что Іоаннъ Креститель не для однихъ своихъ учениковъ, а и для себя самого спрашивалъ Христа чрезъ учениковъ: *Ты ли еси грядый* и проч., — это очевидно изъ отвѣта Господня, назначаемаго именно Іоанну: *шедше возвѣстите Іоанну* (См. Матѳ. XI гл. 3, 4).

анновой: «изъ рожденныхъ женами не было болѣе Іоанна Крестителя; но меньшій въ царствіи небесномъ больше его. Отъ дней Іоанна Крестителя до нынѣ царствіе небесное силою берется, и усильные искатели достаютъ оное» (Мат. XI, 11—13), т. е., какъ видно изъ обстоятельствъ, Господь какъ бы такъ говоритъ: «Іоаннъ—самый великій пророкъ; однако и самый послѣдній изъ тѣхъ, предъ коими раскроются тайны царствія Божія во всей своей духовности и, слѣдовательно, въ раздѣльности невидимаго отъ видимаго,—не придетъ въ Іоанново затрудненіе и недоумѣніе отъ того, что Я такъ смиренно и просто странствую изъ одного мѣста въ другое, а Мой другъ томился въ темницѣ: *меньій въ царствіи небесномъ болій его есть.* Духовная тайна сей видимости будетъ понятна ему. Дѣло въ томъ, что отъ времени служенія Іоанна началось такое переходное время, объ одну сторону котораго — Моисей и пророки, духовное представлявшіе болѣе или менѣе въ видимомъ, а по другую сторону — царствіе Божіе, открывающееся уже въ своемъ духѣ. Потребенъ великій и напряженный подвигъ для уразумѣнія и усвоенія духовныхъ тайнъ царствія Божія». Съ намѣреніемъ распространились мы о семъ случаѣ, чтобы видѣть, сколь велико затрудненіе для вѣры перейти отъ ветхаго завѣта къ новому, хотя бы она уже и такъ созерцала и исповѣдала Христа, какъ Креститель Іоаннъ. Нужно обращаться, въ семъ случаѣ, съ нею, именно какъ съ новорожденнымъ младенцемъ, у котораго — истинно «жизнь на волоскѣ». Это дѣло свойственно только Божественному *Начальнику и совершителю вѣры.*

Посмотримъ же, что́, къ устраненію сихъ двухъ затрудненій, было благопотребно, или, что тоже, благоугодно Господу [1])? Для перехода вѣры изъ великой области ветхозавѣтнаго устройства въ новозавѣтную благодать потребно прежде всего быть явною самой Божественной Десницѣ, чтобы вѣра могла прямо на нее опереться. Равно и для пересозданія церковнаго порядка изъ ветхозавѣтнаго въ новозавѣтный—потребно быть явленію и дѣйствію творческаго и властительнаго надъ тѣмъ и другимъ Божія перста. И вотъ Господь, отъ самаго начала сего переходнаго времени сталъ торжественно являть Себя дѣйствующимъ Божественною силою въ чудотвореніяхъ, и именно съ тою цѣлію, чтобы открылась и была непререкаема Божественность Его посольства и полномочія, и чтобы вѣра имѣла достаточное основаніе — водительству Его ввѣриться и тайнамъ Его вѣрить. Такое общее значеніе евангельскихъ многочисленныхъ чудесъ, уясняемое изъ потребностей Христова времени и дѣла, прямо и многократно указывается въ Евангеліи (см. Лук. I, 36. 37; Мѳ. XI, 4—6; Лук. XI, 20; Іоан. X, 37—38; XIV, 11). Итакъ, вотъ почему во все

---

[1]) При семъ считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія въ предотвращеніе недоразумѣній и перетолковъ... 1) Въ дѣлахъ Божіихъ все зависитъ отъ премудраго благоволенія Божіяго, но все поэтому, совершенно благопотребно и премудро по самому своему предмету. Потому, опредѣляя требуемое обстоятельствами и нуждами вѣры и времени, не колеблемъ истины, что все въ дѣлѣ Божіемъ зависитъ единственно отъ благоволенія Божія. Впрочемъ 2) опредѣлять благопотребное въ дѣлѣ Божіемъ нельзя иначе, какъ чрезъ соображеніе самаго дѣла Божія (сколько оно открыто); и въ этомъ случаѣ такъ же нѣтъ логическаго круга (circulus), какъ нѣтъ круга въ томъ, что мы видимъ солнце при помощи свѣта солнечнаго же.

продолженіе евангельской исторіи идутъ чудеса: онѣ полагаемы были въ *общее* основаніе къ устроенію новозавѣтнаго порядка и образованію новозавѣтной вѣры. Потому же самому, перетолковывающимъ значеніе чудесъ (злонамѣренно, а не просто по недоразумѣнію) не оставляется уже ни малѣйшей надежды спасенія: *а яже на Духа хула, не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.* Чудеса, по отношенію къ невѣрующимъ еще, составляютъ открытое и торжественное дѣйствіе и явленіе Божіей благодати; слѣдовательно, съ злонамѣреннымъ отверженіемъ чудесъ, человѣкъ подрывалъ бы самый доступъ къ нему Божіей спасительной благодати. Что́ требовалось *въ частности* для устроенія новозавѣтнаго чисто-благодатнаго порядка, среди еще ветхозавѣтнаго порядка, безъ насилія и оскорбленія сему Богоучрежденному и, слѣдовательно, непреложно-обязательному порядку ветхозавѣтному? Требовалось, безъ сомнѣнія, вступить въ этотъ ветхозавѣтный порядокъ и строго выдерживать его, пока еще онъ не замѣненъ новымъ. Но такъ какъ ветхозавѣтный порядокъ изветшалъ уже до того, что (какъ выше было показано) становился непомѣстительнымъ для собственнаго живаго духа и оказывался безжизненною и убивающею внѣшностію: то слѣдовало, стоя подъ симъ порядкомъ, не останавливаться на одной его внѣшности, что́ собственно было бы уже извращеніемъ его, а раскрывать самый его духъ и живую сущность, и—чрезъ это долженъ былъ раскрываться уже новый порядокъ прямо благодати и истины. И такимъ образомъ ветхозавѣтное церковное устройство должно было уступить мѣсто новозавѣтному, не только безъ

всякаго оскорбленія и насилія для себя, но по требованію собственнаго же духа и для оживленія своего же убитаго достоинства. Присемъ само по себѣ понятно, что вполнѣ раскрыть животворный духъ благодати и истины, завитый въ ветхомъ законѣ, и притомъ раскрыть въ то время, когда сей послѣдній становился уже мертвою и убивающею буквою,—возможно уже только самому Исполненному благодати и истины, т. е. существенному наслѣднику любви Отца небеснаго, единородному Его Сыну, чрезъ свое вочеловѣченіе ставшему представителемъ или ходатаемъ предъ Нимъ всѣхъ человѣковъ. Отсюда же прямое и необходимое слѣдствіе, что ветхозавѣтное устройство, какъ строго выдерживаемое самимъ Ходатаемъ или Представителемъ всѣхъ человѣковъ и, слѣдовательно, какъ бы всѣми людьми—отмѣнялось бы какъ бы уже вполнѣ выполненное человѣчествомъ; а напротивъ, новоучрежденное домостроительство, какъ прямое раскрытіе спасающей всѣхъ человѣковъ любви Божіей, должно было становиться доступнымъ и во вѣки обязательнымъ для всѣхъ,—и для Израиля, и для языковъ. Этотъ чудно благопотребный и какъбы самъ собою изъ существа дѣла опредѣляющійся способъ устроенія новозавѣтнаго порядка мы и находимъ въ дѣятельности нашего Спасителя.

Раскроемъ это обстоятельнѣе, чтобы не нуждаться въ частномъ изъясненіи многаго въ дѣлахъ и ученіи Спасителя. Ибо, при общемъ соображеніи обстоятельствъ устроенія новозавѣтнаго порядка, удобно подводить къ оному и изъяснять изъ него частные случаи. А между тѣмъ, чрезъ тоже самое будетъ для насъ выясняться

стройная и законченная цѣлость внутренняго состава откровеній Новаго Завѣта.

Итакъ, во-первыхъ, Господь, совершитель новозавѣтнаго порядка, явился именно подъ ветхозавѣтнымъ порядкомъ и благоволилъ строго и вѣрно его выдерживать во всю земную жизнь, пока не былъ имъ совсѣмъ обоснованъ и совершенъ новый завѣтъ (Его смертію и воскресеніемъ). Онъ, какъ родился, такъ и всю земную жизнь провелъ въ нѣдрахъ подзаконнаго народа, *бывся подъ закономъ* (Гал. VI, 4): былъ обрѣзанъ, потомъ, какъ одинъ изъ первенцевъ, принесенъ во храмъ, ходилъ въ Іерусалимъ на праздники, какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ продолженіи своего общественнаго служенія, посылалъ исцѣленныхъ Имъ же самимъ отъ проказы къ іудейскимъ священникамъ для законнаго освидѣтельствованія, заповѣдалъ соблюдать и творить, *елика аще рекутъ сидящіе на Моисеовомъ сѣдалищи* (Мѳ. XXIII, 2. 3), овецъ дома Израилева, уже и погибшихъ, удостоивалъ имени *чадъ*, а язычниковъ, и при начаткахъ въ нихъ *великія вѣры*, называлъ *псами* (Матѳ. XV, 26—28), запретилъ своимъ ученикамъ, при извѣстномъ приготовительномъ опытѣ ихъ проповѣданія, ходить и на дороги къ языкамъ (Матѳ. X, 5. 6.), пламенно ревновалъ о святости Іерусалимскаго храма (Іоан. II, 14—17), вожделѣвалъ ясти пасху и вообще дѣйствовалъ и училъ твердо и рѣшительно такъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити.... дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона.... Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній на-*

речется въ царствіи небесномъ (Мѳ. V, 17—19). Все это по своему духу и значенію, показываетъ намъ, какъ строго должно блюсти и выполнять всякіе церковные порядки, даже и не существенные, — что́ значитъ самочиніе въ Церкви, когда такое священное значеніе имѣлъ еще не отмѣненный сѣновный чинъ ветхаго завѣта для самого Господа, который и пришелъ дать новый завѣтъ духа и истины!...

Но Господь, признавая законъ и пророковъ или вообще ветхозавѣтный порядокъ столь непреложно обязательнымъ и потомъ строго выдерживая оный, разумѣлъ и выполнялъ его, безъ сомнѣнія, не въ томъ превратномъ смыслѣ, какой *во днехъ плоти* или земной жизни Господа давали ему представители и большинство іудеевъ,—не́ въ смыслѣ, т. е. безжизненной внѣшности или мертвой буквы, отрицающей самую благодать съ ея человѣколюбивымъ духомъ и, слѣдовательно, идущей противъ собственной же силы и только осуждающей человѣка. Отсюда, посмотрите, какія слѣдствія произошли въ дѣятельности и ученіи Господа. Произошло то, что изъ духа и существа ветхаго завѣта сталъ Имъ раскрываться новый завѣтъ. Такъ, сказавъ (см. Мѳ. V, съ 17 ст. и дал.), что Онъ пришелъ не разорить, а исполнить законъ и пророки и что разореніе самомалѣйшей заповѣди влечетъ всякаго къ паденію въ царствіи Божіемъ (ст. 19), Господь въ связи съ этимъ самымъ поставляетъ такую истину: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (ст. 20), т. е. не спасетесь, слѣдовательно, погибнете. Это необходимо должно быть по извѣстному же уже намъ

изветшанію ветхаго завѣта, или по извращенному его значенію современнымъ іудействомъ. Мало того, изъ того самаго начала, чтобы не разорить, а исполнить ветхозавѣтный непреложно-обязательный порядокъ, Господь доходитъ до различенія собственнаго, прямо благодатнаго законодательства отъ ветхозавѣтнаго, а въ иныхъ частяхъ даже до противоположенія перваго послѣднему и до совершеннаго отмѣненія сего послѣдняго (напр. см. тамъ же ст. 32 и 34). Какимъ же это образомъ? Это уже естественно и просто выходитъ. Извольте смотрѣть продолженіе той же нагорной бесѣды Спасителя. *Слышасте,* говоритъ Господь, *яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду,* и проч. (ст. 22). *Речено бысть древнимъ: не убіеши.* И это было достаточно для древнихъ: человѣка, съ довольными остатками первоначальной жизни, свѣжести, бодрости,—у котораго мысль и расположеніе обыкновенно сейчасъ и обнаруживаются внѣ, а еще почти не дѣйствуютъ въ своей чисто духовной области, отвлеченно отъ внѣшняго обнаруженія,—довольно удержать отъ грубаго *обнаруженія* ненависти къ ближнему, и — онъ сохранитъ или возстановитъ любовь къ нему. Если бы Каинъ, который уже сейчасъ, по возбужденіи ненависти къ брату, сталъ мраченъ и поникъ взорами,— удержался отъ дальнѣйшаго ужаснаго проявленія этой ненависти (о чемъ Богъ и имѣлъ попеченіе): то онъ легко возвратилъ бы въ свое сердце брата. Надо было удержать израильтянина отъ убійства имъ своего собрата по роду (о чемъ и старался мирившій ихъ Мои-

сей), чтобы братское отношеніе его къ своему соплеменнику возстановилось. Потому и данъ законъ противъ собственно обнаруженія, и притомъ всецѣлаго обнаруженія, ненависти, противъ убійства; въ этомъ законѣ, какъ уже очевидно, завита духовная заповѣдь любви къ ближнему—сердечной и истинной, прямаго выраженія которой человѣкъ и не понялъ бы. Теперь уже не то время: теперь ты не совершаешь грубаго убійства по буквѣ закона, и потому мечтаешь даже о законной своей праведности, дозволяя однако себѣ питать въ сердцѣ злобу и ненависть на брата и даже дѣлать всякую обиду, кромѣ убійства. Ты поступаешь противъ самаго духа и существа законной заповѣди. Итакъ, именно для того, чтобы законъ не былъ извращенъ и забытъ въ своемъ существѣ, а напротивъ, сохранился бы въ своемъ истинномъ значеніи, чтобы, т. е., по выраженію евангельскому, *не разорити, а исполнити* законъ,—*Азъ же глаголю,* говоритъ Господь, уже не такъ, какъ речено древнимъ, а даю заповѣдь духовной правды—прямо: *яко всякъ, гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ есть суду,* какъ убійца, и проч. (Мат. V, 22).

Также изъясняется и сказанное Господомъ о законѣ противъ прелюбодѣянія. Іосифъ, убѣжавъ отъ безстыдной Пентефріевой жены, сохранилъ цѣломудріе не тѣлесно только, но и духовно, и потому достаточно было законоположить: *не прелюбы сотвориши.* Теперь сохраняя по буквѣ законной внѣшнее цѣломудріе, ты въ сердцѣ и духѣ можешь развратничать въ высшей степени, и однако усвоять себѣ законную праведность, и, слѣдоват., идти противъ благодати, не только не замѣчая сего, но и съ полнымъ самодовольствомъ. Итакъ, чтобы не разо-

рилась, а сохранилась и исполнилась и эта заповѣдь въ своемъ истинномъ духѣ и существѣ,—нужно и здѣсь законоположить уже различно отъ прежняго,—духовно и во всей истинѣ: *Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (ст. 27 и 28). Далѣе Господь даже и отдѣляетъ нѣкоторые законы, но въ самомъ дѣлѣ, не только не разоряя, а также исполняя законъ. Такъ, первопачальный законъ брака о соединеніи двоихъ въ плоть едину—человѣку древнему былъ еще хорошо и непосредственно внятенъ, по живости и свѣжести самой природы; но еще болѣе громокъ былъ въ его поврежденной природѣ голосъ другаго естественнаго, Богомъ положеннаго для падшаго уже человѣка, закона: *и къ мужу твоему обращеніе твое* (жена), *и той тобою обладати будетъ*. Этотъ послѣдній законъ таковъ, что, по смыслу его, жена поставляется въ совершенную и строгую зависимость отъ мужа. И потому въ тѣхъ случаяхъ, когда жена становилась противною мужу, и это противленіе, по свойству древняго, неудержимаго въ своихъ движеніяхъ, человѣка, не медлило и внѣ обнаружиться, — въ этихъ случаяхъ жена подвергалась опасности, и притомъ, отчасти въ силу же послѣдняго естественнаго закона, неминуемо подвергалась опасности сдѣлаться жалкою и беззащитною жертвой жестокости и своенравія мужа. Что же было дѣлать? Когда законъ чистой первозданной природы о соединеніи двоихъ въ плоть едину уже заглушался страстностію физически бодраго человѣка (не смотря на свою еще естественно-сильную дѣйственность въ человѣкѣ) и, притомъ, заглушался отчасти по

силѣ другаго естественнаго закона: то понятно, что напрасны были бы, въ подобныхъ случаяхъ, какія-либо законныя ограниченія жестоковыйности человѣка. Оставалось уступить сей неудержимой жестоковыйности и только защитить, сколько возможно, права и безопасность жены. И законъ, дозволивъ разводъ, требовалъ только, чтобы самовластный мужъ самъ письменно отрекался отъ жены, и она уже была бы развязана отъ него въ своей дальнѣйшей судьбѣ. *Речено же бысть: яко аще пуститъ жену свою, да дастъ ей «разводную»* (ст. 31.). Теперь опять другое время. Неудобосдержимая нѣкогда страстность человѣка, отличавшагося именно живостію и свѣжестію юнаго возраста (Гал. IV, 1.), теперь уже далеко не имѣетъ прежней силы и энергіи, и человѣкъ порочный предается злымъ страстямъ не столько по едва удержимому ихъ увлеченію, сколько прямо по духовному разврату. Теперь развратный человѣкъ станетъ брать и отпускать женъ, какъ ему угодно, нисколько не думая о правахъ жены и собственныхъ обязанностяхъ, о предохраненіи себя и ея отъ распутства, и однако, какъ предъ отвергаемою женою, такъ и предъ закономъ будетъ считать себя чистымъ, если только дастъ ей разводную на бумагѣ. Законъ о разводѣ данъ въ смыслѣ охраненія безопасности и защищенія правъ жены, предотвращенія опасныхъ безпорядковъ въ супружествѣ, и теперь удобно уже употребляется именно къ порожденію и преумноженію самыхъ гибельныхъ безпорядковъ въ брачныхъ союзахъ, къ подавленію правъ жены до того, что она становится уже просто игрушкою развратности мужа. Итакъ, опять—чтобы не разорился, а именно исполнился и былъ

непреложенъ законъ, по смыслу и духу самаго закона о разводѣ же, теряетъ обязательную силу буква сего закона: *Азъ же глаголю, яко всякъ, отпущаяй жену развѣ словесе прелюбодѣйна* (чѣмъ бы нарушался уже самый существенный и первоначальный законъ и сила брачнаго союза), *творитъ ю прелюбодѣйствовати...*

Таково же другое законоположеніе о клятвѣ. Нѣкогда, при довольныхъ остаткахъ первоначальной близости къ Богу человѣка, достаточно было бы сдѣлать обращеніе или указаніе къ Богу, только бы благонамѣренное, чистое, достаточно было сдѣлать такое добросовѣстное указаніе даже и не прямо на Бога, но только на свѣтлые и живые образы наприм. величія Божія (небо и землю), или царства Его (Іерусалимъ), или власти надъ самимъ человѣкомъ (собственную голову и жизнь): и чрезъ это человѣкъ поставляетъ себя въ своемъ духѣ уже въ присутствіе Божіе; потому слова и дѣла Его утверждаются истинно свидѣтельствомъ самого Бога. И законъ только заботился о чистотѣ и добросовѣстности сихъ удостовѣрительныхъ въ чемъ-либо указаній на Бога, однимъ словомъ—клятвъ, одобряя ихъ такъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу клянешися, воздаси же Господеви клятвы твоя.* Теперь опять не то. Остатки въ человѣкѣ естественной пріемлемости и чувствительности къ Божественному столько истощились, что онъ, и не нарушая клятвъ, станетъ только суесловить,—будетъ свидѣтельствоваться Богомъ, не только не входя духомъ въ присутствіе Божіе, но занимаясь житейскою суетою; а на Іерусалимъ, на небо и землю и проч. станетъ дѣлать удостовѣрительныя

указанія, и самъ не зная истиннаго смысла своихъ указаній: до того померкли эти образы величія и царства Божія! Какъ нѣкогда добросовѣстная клятва поставляла человѣка духовно въ присутствіе Божіе и потому составляла часть истиннаго богопочтенія: такъ теперь она можетъ оставаться уже только выраженіемъ легкомысленнаго, но страшнаго пренебреженія къ Божеству — къ Его вездѣприсутствію и образному проявленію, и, слѣдовательно, выраженіемъ того самаго безстыднаго лицемѣрія предъ Богомъ, противъ котораго вооружился законъ: *не во лжу клянешися....* Итакъ, чтобы въ концѣ не разорился и сей законъ, чтобы сохранить его въ существенномъ его смыслѣ и духѣ, нужно измѣнить букву и сего закона: *Азъ же глаголю вамъ: не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій; ни землею, яко....* и проч. Понятно теперь, отъ чего Господь указываетъ здѣсь на такую причину запрещенія клятвъ, которая собственно утверждаетъ и значеніе должной клятвы; истинное значеніе и сила клятвъ, превращаемыя въ современномъ іудействѣ, и требовали измѣненія законной буквы. Приводя такую причину, Господь какъбы такъ говоритъ: «видишь, что Я дѣйствительно *не придохъ разорити законъ и пророки, но исполнити;* клятвами ты можешь теперь ругаться надъ существомъ и силою твоего же ветхозавѣтнаго сѣновнаго порядка — надъ самымъ Іерусалимомъ, не говоря о другихъ образахъ славы Божіей. Ты, употребляя клятвы этими святынями, не думаешь уже поставлять себя въ присутствіе Божіе. Итакъ во имя твоего же ветхозавѣтнаго порядка,

истиннаго его значенія и духа, также, какъ и значенія закона клятвы, Азъ глаголю: *не клятися всяко, ни небомъ, яко престолъ есть Божій, ни землею, яко подножіе ногу Его есть, ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя.* Такъ должно быть по значенію твоего же ветхозавѣтнаго порядка!» Вполнѣ изъяснена отрицательная сторона закона Христова; не теряя изъ виду духа ветхозаконной заповѣди, разрѣшаемой Спасителемъ отъ мертвой буквы, легко поймемъ и положительную. Духъ законной клятвы, какъ выше уже показано, состоялъ въ томъ, чтобы чрезъ нее поставлять человѣка въ присутствіе Божіе и удостовѣренія человѣческія утверждать свидѣтельствомъ Божіимъ. Теперь, при извѣстномъ ветхозавѣтной сѣни и законной буквы, также уже выше раскрытомъ въ отношеніи къ настоящей частности, — при истощеніи первоначальной близости и чувствительности къ Божественному, — что должно дѣлать? Слѣдуетъ уже чисто духовнымъ подвигомъ вѣры ставить себя въ присутствіе Божіе, слѣдуетъ — слово, дѣло и самыя мысли всегда своимъ вѣрующимъ сердцемъ предоставлять вся испытующему суду Божію: и — тогда простое утвержденіе или отрицаніе чего бы то ни было будетъ истинно засвидѣтельствовано самимъ Богомъ и, слѣдовательно, будетъ самое твердое и достовѣрное; а иначе, всякія клятвенныя указанія на Бога, на небо и землю будутъ безсмысленныя, только наружныя или лицемѣрныя и, слѣдовательно, происходящія не отъ Отца свѣтовъ, а отъ отца лжи и лукавства. Сказать тоже короче: *буди же слово ваше: ей ей, ни ни, лишше же* «сего», *отъ*

непрілзни (*ἀπὸ τοῦ πονηροῦ*, отъ лукаваго) [1]) *есть.* [2]) Затрудненіе въ разсужденіи клятвъ, употребляемыхъ и въ новомъ завѣтѣ, напр. апостоломъ Павломъ, и необходимыхъ вообще въ жизни общественной и частной въ извѣстныхъ случаяхъ, также изчезаетъ. Значеніе духовной заповѣди Спасителя то, чтобы всѣ дѣйствія наши были совершаемы нами всегда въ очахъ Божіихъ, и чтобы, потому, простое «да» или «нѣтъ» имѣло полную удостовѣрительную силу, утверждаемую въ духѣ и истинѣ свидѣтельствомъ Божіимъ, а не такъ, какъ въ мертвой законной клятвѣ. Но Апостолова клятва, наприм. *истину глаголю о Христѣ, не лгу послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ* (Рим. IX, 1),—такая клятва что́ иное есть, какъ не тоже Христово «да», только выраженное прямо и опредѣленно? Давай клятву такъ, чтобы

---

[1]) Слово *непріязнь*, какъ видно изъ древнихъ отечественныхъ писаній, употреблялось въ значеніи духа злобы.

[2]) Таже Христова заповѣдь у апостола Іакова: *прежде всѣхъ, братіе моя, не кленитеся ни небомъ, ни землею, ни иною коею клятвою: буди же вамъ еже, ей, ей, и еже, ни, ни: да не въ лицемѣріе впадете* (V, 12). Понятно уже должно быть намъ, почему Апостолъ внушаетъ исполненіе сей евангельской заповѣди *прежде всего;* это потому, что нарушеніе ея отрицаетъ истинное богопочтеніе, оставляя только одну личину онаго. Понятно отсюда и послѣднее выраженіе: *да не въ лицемѣріе впадете.* Греч. *ὑπόκρισις* именно значитъ ханжество, лицемѣрная набожность; тоже въ арабскомъ переводѣ: ne incidatis in simulationes; тоже и въ нашемъ славянскомъ—даже и въ древнѣйшихъ спискахъ. Измѣненіе сего понятія въ прежнемъ русскомъ переводѣ произошло, конечно, отъ неудобопонятности мысли апостольской, безъ точнаго разумѣнія обстоятельствъ и потребностей апостольскаго времени. Также просто этою мыслію изъясняется и подобная русскому разность чтенія въ Сирійскомъ и Вульгатѣ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ очевидно, что чтеніе греческ. *ὑπόκρισις* насильственно изъясняютъ за *κρίσις.*

твое показаніе не по мертвой законной буквѣ, а въ духѣ и истинѣ утверждалось свидѣтельствомъ Божіимъ: это и будетъ Христово «да» и «нѣтъ». Но ключь къ рѣшенію затрудненія о подобныхъ выраженіяхъ Спасителя вполнѣ обозначится у насъ, по порядку дѣла, еще въ послѣдствіи.

Продолжимъ разсмотрѣніе той же нагорной бесѣды Спасителя, при соображеніи съ современнымъ извѣщаніемъ ветхозавѣтнаго домостроительства. Было время, когда естественное чувство Божіей правды и человѣческаго Богоподобнаго достоинства было такъ сильно и дѣйственно, что снести и оставить безъ наказанія оскорбленіе и обиду, наносимыя человѣку, значило нарушить Божію правду, оставить на безнаказанное поруганіе и попраніе образъ въ человѣкѣ Божій (Быт. IX, 6). Отсюда законъ: *око за око, зубъ за зубъ*. Отсюда же происходило, что и въ общественной и въ частной жизни израильтянъ, по волѣ самого Бога и по требованію благочестія, мало было пощады врагамъ и обидчикамъ общественнымъ и личнымъ; какъ открытые и возмущающіе душу до всей глубины разорители порядка правды Божіей и образа въ человѣкѣ Божія,—они потому имѣли, для благочестія и по истолкованію самого Духа Божія, ясное значеніе представителей подлинныхъ или духовныхъ враговъ Бога и человѣческихъ (выразительно, напримѣръ, высказывается это въ псалмахъ). Выражая эту мысль закона и пророковъ кратко и вообще, надобно сказать словами Господа: *слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего* [1]).

[1]) Послѣднихъ словъ буквально нигдѣ нѣтъ въ ветхомъ завѣтѣ.

Въ бесѣдѣ Спасителя дѣло о законѣ и пророкахъ — вообще. А нетерпѣніе враговъ, какъ нарушителей правды Божіей и правъ человѣка, идетъ чрезъ все продолженіе и весь составъ ветхаго завѣта. Слѣдовательно, и нечего искать другаго чего къ изъясненію словъ Господа. И— само собою разумѣется, что, когда тотъ же врагъ, общественный или личный, берется не въ смыслѣ разорителя правды (напр. когда кто увидитъ осла своего врага понавшимъ въ яму): тотъ же законъ указываетъ въ немъ уже брата (велитъ вынуть животное изъ ямы). Замѣчательно еще, что, когда пророкъ Давидъ, по поводу извѣстныхъ обстоятельствъ своей жизни, вводимъ былъ пророческимъ духомъ въ общеніе страданій Христовыхъ, или, когда еще только созрѣвала въ немъ пріемлемость къ сему пророчественному вдохновенію, онъ отъ души прощалъ самого злаго врага, именно Семея, ругательствами и каменьями сопровождавшаго Давида въ лютый его день бѣгства отъ Авессалома. Но самъ же Давидъ, при смерти завѣщалъ своему наслѣднику казнить сего преступника. Видно, что у Давида, простившаго врагу, легло однако на совѣсти это дѣло, какъ не уплаченный долгъ предъ правдою. Иначе и быть не могло по тому

Потому нѣкоторые толкователи разумѣютъ здѣсь даже прямо превратное ученіе фарисейское. Но, во-первыхъ, изъ связи рѣчи видно, что слово *речено* равносильно выраженію *речено бысть древнимъ* (XXVI, 31), и что оба они означаютъ заповѣданное въ законѣ и пророкахъ. Во-вторыхъ, ученіе фарисейское или вообще современнаго іудейства содержитъ букву собственно закона и пророковъ (хотя дополняетъ ее и преданіемъ), но только лишаетъ сію букву духа и истиннаго значенія. Отсюда и правило Христово: *вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите* (XXIII, 3), только въ духѣ и истинѣ, а не какъ творятъ фарисеи.

времени.... Но теперь другое время. Теперь естественное чувство правды и ощущеніе Богоподобнаго достоинства человѣка уже не столь сильно, чтобы собственно это чувство возставало противъ прощенія обиды врага и противъ общенія со врагомъ. Теперь ты будешь просто питать памятозлобіе и предаваться мстительности изъ оскорбленнаго самолюбія, изъ одной злобы на врага, и — вздумаешь еще покрыть свое человѣконенавидѣніе закономъ, представишь свою самоуправную, посягающую на права ближнихъ и самого Бога, мстительность, какъ законную праведность; тогда какъ законъ именно и направленъ къ соблюденію правды Божіей и правъ Богоподобнаго человѣка, и даже къ усовершенію человѣка въ истинной духовной праведности (когда т. е., дѣйствуя противъ враговъ видимыхъ, благочестивый въ духѣ своемъ ратоборствовалъ собственно противъ враговъ невидимыхъ, что́ уже было и выше указано). Да не будетъ же этого! Законодатель, чтобы не разорился Его законъ, разрѣшаетъ духъ и значеніе его отъ извѣтшавшей буквы: *Азъ же глаголю вамъ: не противитеся злу.... любите враги ваша, благословите клянущія вы.* Иначе же, тогда какъ чрезъ соблюденіе того же закона, еще не обратившагося въ мертвую букву, ветхозавѣтные избранные возвышались въ правдѣ и совершенствѣ, — вы не будете разниться даже отъ язычниковъ и послѣднихъ грѣшниковъ, которые также *любящія ихъ любятъ.* И такимъ образомъ, Господь именно изъ духа самаго же закона и пророковъ, или, по Его выраженію, *не разоряя, а исполняя* законъ, раскрываетъ новозавѣтное духовное совершенство благодатныхъ сыновъ Божіихъ: *будете сы-*

нове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ. Будите вы совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.

Такимъ же порядкомъ можно слѣдить и, послѣ сказаннаго выше уже не трудно выслѣдить, въ продолженіи нагорной бесѣды Спасителя, какъ Господь исправляетъ новыми духовными заповѣдями нравственные безпорядки, не только вошедшіе въ современное іудейство именно подъ прикрытіемъ буквы законной (такіе безпорядки нравственные были: лицемѣрная набожность, двоедушіе въ мысляхъ и стремленіяхъ или въ началахъ жизни), но и нравственные безпорядки язычниковъ, происходящіе отъ оскудѣнія у нихъ послѣднихъ остатковъ искренняго религіознаго чувства и замѣненія онаго также однимъ внѣшнимъ многословіемъ (см. VI гл. Матѳ.).

Также изъ духа ветхозавѣтнаго порядка, изветшавшаго до мертвой и убивающей буквы, раскрываетъ Господь и другія существенныя стороны новаго завѣта. Такъ, когда іудеи собственно на плотскомъ своемъ происхожденіи отъ Авраама основывали и, слѣдовательно, по плотскому разумѣли значеніе и преимущество избраннаго народа (Іоан. VIII, 33. 39): то, — при такомъ извращеніи значенія избраннаго народа, или, что тоже, Церкви, собравшія благодатныхъ сыновъ Божіихъ, какимъ сѣновно и былъ Израиль, — Господь совершенно отрѣшаетъ духовное значеніе свободныхъ сыновъ Божіихъ отъ ветхозавѣтной изветшавшей буквы. *Рѣша Ему: сѣмя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ никогижде: како ты глаголеши, яко свободни будете? Отвѣща имъ Іисусъ: аминь аминь глаголю вамъ, яко всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ домѣ во вѣкъ:*

сынъ пребываетъ во вѣкъ. Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете (Тамъ же ст. 34. 35. 36). Т. е. по соображенію сего мѣста съ другими подобными и съ обстоятельствами, какъбы такъ было сказано: всякой преданный грѣху есть рабъ грѣха; а такой рабъ, будь онъ по плоти и сѣмя Авраама, безъ сомнѣнія, не принадлежитъ къ духовному семейству Отца небеснаго, и если еще терпимъ въ Его дому (какъ невѣровавшіе Спасителю іудеи), то это временно: *рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ.* Въ дому Отца небеснаго вѣчно и какъ домохозяинъ пребываетъ единый истинный и единородный Его Сынъ, и потомъ вступаютъ также на вѣкъ тѣ, кого Онъ освободитъ отъ рабства грѣховнаго и *дастъ область чадомъ Божіимъ быти*, т. е. *вѣрующіе во имя Его: Сынъ пребываетъ во вѣкъ.* Итакъ, если Сынъ васъ свободитъ (а это можетъ быть не иначе, какъ когда (по ст. 31 и 32) *пребудете во словеси Моемъ*, т. е. истинно и дѣятельно въ Меня увѣруете), *воистину свободни будете*, будете истинно чадами Божіими. И, если бы въ васъ, говоритъ далѣе Господь, были какіе либо начатки благодатнаго усыновленія Богу: быть не можетъ, чтобы вы Меня, виновника и начало сего усыновленія, не узнали, не приняли, не возлюбили: *аще Богъ Отецъ вашъ бы былъ, любили бысте убо Мене, Азъ бо отъ Бога изыдохъ*, [1]) *и пріидохъ* (ст. 42). Но вы даже не можете слышать слова Моего (ст. 43). Слѣдствіе очевидно (ст. 44): *вы отца*

[1]) *Отъ Бога изыдохъ* означаетъ не просто: «Я посланникъ Божій», но, какъ изъяснено понятіе грядущаго съ небеси въ III гл. Іоан. 31—36, посланника небеснаго, Божественнаго, *надъ всѣми сущаго*, самого Сына Божія.

вашего діавола есте и проч. И это сказано тѣмъ и о тѣхъ, которыхъ однихъ самъ Господь удостоиваль имени *чадъ*, сказано же сіе именно на основаніи истиннаго смысла и значенія *чадъ* или «дѣтей» Отца небеснаго, уже не приходящагося къ плотскому Израилю. Такъ Спаситель и раскрываетъ болѣе и болѣе свое духовное, новозавѣтное законодательство изъ духа и значенія закона и пророковъ!

Равнымъ образомъ, о тѣхъ самыхъ язычникахъ, которыхъ Господь, въ слѣдствіе неотмѣненнаго еще ветхозавѣтнаго порядка Церкви, называлъ *псами*, — Онъ же самъ совсѣмъ иное говоритъ, когда обнаруживалась въ нихъ несравненно большая, нежели у Израиля, духовная жажда и пріемлемость къ спасающей любви Божіей, и когда, потому, ветхозавѣтный порядокъ Церкви былъ уже не помѣстителенъ для силы и значенія самой Церкви—этой всемірной области спасающей Божіей любви. *Слышавъ Іисусъ* (слова сотника: *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой), удивися, и рече грядущимъ по Немъ: аминь глаголю вамъ, ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ. Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, во царствіи небесномъ. Сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромѣшнюю* (Матѳ. VIII, 10—12). Здѣсь указанъ уже такой порядокъ Церкви, по которому язычнику не только предоставляются равныя права наслѣдія обѣтованной отцамъ благодати, но даже достанется и предвосхитить эти права у плотскихъ ихъ наслѣдниковъ — іудеевъ.

Даже болѣе глубокія и внутреннія тайны новозавѣт-

наго домостроительства раскрываетъ Господь по тому же самому имъ принятому закону. Такъ, по случаю извѣстнаго великаго чуда Христова — напитанія пятп тысячъ пятью хлѣбами и двумя рыбами, іудеи хотѣли было *восхитить Іисуса и сотворить Его царемъ* (Іоан. VI, 15), имѣя въ виду, разумѣется, только мірскія преимущества и блага царственныя,—искали Его, переходили для этого съ мѣста на мѣсто. Но, когда наконецъ обрѣли Его, Господь прямо имъ сказалъ, что имъ нужны и вожделѣнны собственно не духовныя блага царства Божія, но плотскія, служащія къ насыщенію одной плоти: *ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы, и насытистеся* (ст. 26). И, какъ Учитель духа и истины, представленной въ ветхомъ завѣтѣ, но подавленной современнымъ іудействомъ, Онъ сейчасъ же раскрылъ предъ ними духъ и значеніе истиннаго царства Мессіи: *дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный, еже Сынъ человѣческій вамъ дастъ: сего бо Отецъ знамена Богъ* (ст. 27 — 29). Т. е. по соображенію съ обстоятельствами, Господь какъбы такъ говоритъ: «вы, по поводу чувственнаго чудеснаго насыщенія, возмечтали, что уже наступило для васъ царство чувственности и сластолюбивой плоти, какъ вы представляете себѣ царство Мессіи, — и хотѣли Меня объявить царемъ сего царства. Нѣтъ, дѣлайте *не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный*. Ищите не плотскаго наслажденія чувственными благами, но духовнаго общенія въ дарахъ и вѣчныхъ благахъ животворящей любви Божіей, какія подастъ Сынъ человѣческій, существенно отпечатлѣвающій въ Себѣ и своего

небеснаго Отца, Бога, и какія принимаются вѣрою въ Него».

Но эта высокая духовная истина, сокращающая въ себѣ всю мысль новаго завѣта, только вызвала наружу въ искателяхъ мірскихъ благъ въ царствѣ Мессіи — *плотскія* ихъ понятія и желанія и чаянія. Они стали представлять Господу, что исканіе ими чрезвычайныхъ чувственныхъ благъ не противно закону и пророкамъ, но напротивъ, даже оправдывается закономъ и пророками: *отцы наша*, говорили іудеи, *ядоша манну въ пустыни, якоже есть писано: хлѣбъ съ небесе даде имъ ясти.* Но Ты, какъбы такъ они говорили, обѣщая небесныя и вѣчныя блага, тутъ же и отказываешься давать намъ хлѣбъ съ небесн. Какъ же можемъ Тебѣ вѣровать? *Кое убо Ты творишн знаменіе, да видимъ и вѣрію имѣмъ Тебѣ?* Итакъ открылось, что этимъ іудеямъ нужна не благодать спасенія, принимаемая покорною вѣрою, но блистательная видимость, льстящая чувственности и страстямъ.

Чтобы ясно понять дальнѣйшую рѣчь Спасителя, нужно имѣть понятіе о семъ ветхозаконномъ событіи: *хлѣбъ съ небесе даде имъ ясти*, — какъ выше, для разумѣнія заповѣдей духовнаго законодательства (въ нагорной бесѣдѣ Спасителя), нужно было намъ напередъ уразумѣть значеніе заповѣдей ветхозавѣтнаго закона и пророковъ. Иначе мы не поймемъ первыхъ же словъ Господа. У Псалмопѣвца сказано именно о манѣ, ниспосланной Израилю при Моисеевомъ водительствѣ: *хлѣбъ съ небесе имъ даде ясти;* а Господь съ твердостію и рѣшительно это отрицаетъ: *не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ*

небесе, «нѣтъ, то не былъ хлѣбъ съ небесе». Что же это значитъ? Сыны Израиля, изводимые Моисеемъ изъ Египта, были, какъ извѣстно, наслѣдники обѣтованія и залоговъ всемірнаго благословенія въ Сѣмени Авраама, Исаака и Іакова; въ силу сего обѣтованія и было совершаемо спасеніе Израиля отъ истребленія въ Египтѣ, какъ то видно изъ обстоятельства призыванія Моисея къ сему служенію [1]). Отсюда спасаемый Израиль получаетъ значеніе (разумѣется, еще образно) избранниковъ благословляющей въ Сѣмени Авраама или, что тоже, спасающей во Христѣ любви Божіей, т. е. значеніе Церкви, совокупности спасаемыхъ. Отсюда Моисей, которому дано совершить избавленіе сего народа, является представителемъ самого всемірнаго спасителя-Христа, какъ и говоритъ Моисей о своемъ отношеніи ко Христу: *пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, якоже мене.* Отсюда и всѣ обстоятельства избавленія Евреевъ отъ египетскаго порабощенія получаютъ духовное значеніе, только образно выраженное: стремящіеся истребить Израиля Египтяне суть, по духу, враги спасенія, враги Бога и спасаемыхъ; послѣдній шагъ изъ Египта, или переходъ чрезъ Чермное море, есть рѣшительное вступленіе въ область спасенія (что совершается въ Новомъ Завѣтѣ именно въ крещеніи), и проч. Отсюда, наконецъ, и манна, безъ которой Израиль, спасшійся изъ Египта, погибъ бы въ пустынѣ, имѣетъ значеніе (только сѣновно или образно выраженное) духовнаго брашна

---

[1]) *Азъ есмь Богъ Авраама, Исаака и Израиля.* См. о семъ въ книгѣ «о православіи въ отношеніи къ современности» статью: *о Божественномъ законодательствѣ чрезъ Боговидца Моисея.*

или хлѣба небеснаго, безъ общенія котораго, по слову Господню, люди *живота не имѣютъ въ себѣ*. И поелику то было такое время, когда требовались самыя чрезвычайныя и постоянныя доказательства невидимости истиннаго Божества, и когда, между тѣмъ, въ первую же удобную минуту человѣкъ самъ себѣ создавалъ видимаго Бога, когда, потому, сама Благодать свои тайны и уроки предъявляла въ видимомъ и чувственномъ, удерживая въ чистой духовности одну только основную идею о невидимомъ Богѣ (безъ чего ничто видимое уже не имѣло бы никакого истиннаго духовнаго значенія): то понятно, что въ видимой и чувственной манѣ для Израиля, сколько нибудь подымающаго свои очи къ истинному Богу, долженъ быть ощутителенъ Божественный животворящій духъ брашна духовнаго, хотя безъ сомнѣнія и не могъ Израиль дать себѣ въ этомъ опредѣленнаго отчета. Апостолъ Павелъ положительно сіе утверждаетъ, когда объ отцахъ, изводимыхъ Моисеемъ изъ Египта, говоритъ: *вси тожде брашно духовное ядоша*, разумѣя подъ духомъ собственно благодать Христа,—и *вси тожде духовное питіе пиша, піяху бо отъ духовнаго.... камене, камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. IV, 1—4). Въ пс. 77-мъ, откуда взяты были іудеями слова о *данномъ съ небесе хлѣбѣ*, говорится о манѣ именно въ этомъ духовномъ значеніи, какъ это открывается, во-первыхъ, изъ самаго названія Псалмопѣвцемъ своей пѣсни *притчею*, *гаданіемъ* (ст. 2.), тогда какъ въ немъ говорится объ историческомъ обстоятельствѣ, и, во-вторыхъ, изъ самаго названія манны — *хлѣбомъ съ небесе*, и далѣе (ст. 25), *хлѣбомъ ангельскимъ*: Ангелы питаются, конечно, не манною, какую собирали

израильтяне, но свойственнымъ своей духовности образомъ питаются также отъ Христа, Сына Божія, единственнаго источника и подателя духовной жизни. Но вотъ теперь это же самое обстоятельство нисхожденія манны, свѣтло указывавшее нѣкогда на духовное, общее намъ съ Ангелами, брашно, которое подаетъ Христосъ самъ въ себѣ, — этотъ же самый псаломъ, выразительно обозначившій такое духовное значеніе манны,—іудеи стали уже *противопоставлять* Христу и Его ученію о духовныхъ благахъ благодати; они не видѣли и даже не предполагали въ маннѣ ничего болѣе, кромѣ извѣстнаго, правда чудесно подаваемаго, но плотскаго и гибнущаго брашна. Чтобы и въ семъ случаѣ не разорились, а были исполнены и удержаны въ своемъ истинномъ значеніи ветхозавѣтный законъ и пророки, Законоположникъ духа и истины не обинуется и здѣсь отрѣшить духъ отъ мертвой буквы, духъ любви Божіей къ человѣкамъ, простертой въ самомъ Христѣ, отъ іудейскаго закоснѣнія на одной буквѣ завѣта Божія, и предъ этими же плотскими людьми изрекаетъ самыя сокровенныя и внутреннія тайны духа и жизни благодатной. Не бросаетъ ли Онъ здѣсь бисера предъ свиніями, вопреки собственнымъ заповѣдямъ? Нѣтъ, Онъ собираетъ и выставляетъ во всей красѣ и на всенародное зрѣлище бисеръ истины, попранной—было современнымъ іудействомъ. «Если вы въ Моисеѣ никого не видите и не чувствуете, кромѣ его чувственной личности, и въ маннѣ ничего, кромѣ гибнущаго брашна,—какъбы такъ началъ говорить Господь—такъ прямо и точно скажу вамъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе.* Такъ должно ска-

зать по истинному значенію ниспосылаемой нѣкогда Израилю манны, такъ и по смыслу этого самаго вами приведеннаго изреченія пророческаго: *хлѣбъ съ небесе даде ясти.* Не отрицаю пророчества, говоря по буквѣ [1]) напротивъ ему, но раскрываю и утверждаю истинный его смыслъ, вами извращенный до прямой противоположности истинѣ. Хлѣбъ истинно небесный и самъ по себѣ истинный, не гибнущій, предуказанный въ манѣ, но вами уже никакъ не примѣчаемый въ ней — этотъ небесный и Божественный хлѣбъ собственно и существенно даетъ вамъ Отецъ Мой; это есть истинно хлѣбъ, сходящій съ небеси и дающій жизнь міру» (ст. 32 и 33). И далѣе, именно по мѣрѣ обнаруженія въ приверженцахъ мертвой буквы — іудеяхъ плотскихъ желаній или недоумѣній, Господь и раскрываетъ свое ученіе о Себѣ Самомъ, какъ о небесномъ хлѣбѣ, подаваемомъ людямъ отъ Отца. Такъ, услышавъ о сходящемъ съ неба животворномъ хлѣбѣ, іудеи остановились именно только на буквѣ сихъ словъ и вообразили, что это — какой-то чувственный чудесный хлѣбъ. «Подавай намъ всегда такой хлѣбъ, Господи», говорили эти испорченные дѣти ветхаго завѣта, сдѣлавшіе точно игрушкою своей чувственности внушаемые имъ духовные уроки; они подумали, что Господь ласкаетъ ихъ какою-то чувственною живительною пищею, и просили себѣ этого лакомства. И вотъ Господь уже изъясняетъ имъ прямо, какой Онъ разумѣетъ хлѣбъ: Онъ указуетъ имъ въ Себѣ Самомъ животворное и ис-

---

[1]) Ибо буква говоритъ: *манна* есть *хлѣбъ съ небесе,* а Христосъ говоритъ: нѣтъ, не это — хлѣбъ съ небеси.

тинно питательное брашно, пріемлемое вѣрою, но не понимаемое и отвергаемое ими по невѣрію: *Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый ко Мнѣ, не имать взалкатися, и вѣруяй въ Мя, не имать вжаждатися никогда же; но видѣсте Мя, и не вѣруете* (ст. 35 и 36). И въ объясненіе сказаннаго животворнаго сего брашна указуетъ на привлекающую къ Нему всѣхъ *пріемлющихъ* и именно въ Немъ содержащуюся, спасающую человѣка по душѣ и тѣлу,— любовь Отца небеснаго (37—40). Но плотскимъ ли іудеямъ признать во Христѣ хлѣбъ небесный? «Мы знаемъ Его отца и мать, разсуждаютъ они по своему плотскому, далѣе чувственнаго не проникающему, образу мыслей. Какъ же Онъ сшелъ съ небеси?» Мысль, что Онъ усвоялъ себѣ достоинство небесное, видимо Ему не принадлежащее, естественно возбуждаетъ ихъ и недоумѣніе и ревность не по разуму: *роптаху убо іудеи о Немъ*. Господь, по сему поводу, продолжаетъ раскрывать слѣдующее: «Оставьте недоумѣнія и ропотливые толки (ст. 43). Сказано уже, да и пророки тоже свидѣтельствуютъ, что надобно быть привлеченнымъ ко Мнѣ дарующею вѣчное спасеніе любовію Отца небеснаго (ст. 44 и полов. 45); а къ сему надобно имѣть пріемлемость: *всякъ слышавый отъ Отца и навыкъ, пріидетъ ко Мнѣ,*— впрочемъ Отецъ открывается и, слѣдовательно, влечетъ ко Мнѣ чрезъ Меня же, сущаго отъ Отца» (ст. 46). И затѣмъ, повторивъ съ новымъ удостовѣреніемъ, что Онъ есть хлѣбъ жизни, пріемлемый вѣрою (ст. 47 и 48), какъ бы такъ продолжаетъ: «если вы въ маннѣ, ниспосылаемой вашимъ отцамъ, ничего не видите, кромѣ чувственнаго, плотскаго брашна: то судите по вашему же такому раз-

сужденію. Не обращая вниманія на то, что̀ ваши отцы, питаясь манною, усвоили и понесли въ своихъ душахъ въ другую жизнь, а остановясь на одной плотской сторонѣ дѣла, вы не можете не признать въ вашихъ отцахъ, питавшихся манною, жертвы смерти и тлѣнія. *Отцы ваша ядоша манну въ пустыни, и умроша* (ст. 49). Этотъ ли хлѣбъ небесный, хлѣбъ безсмертныхъ Ангеловъ? Судите. Поймите же, что̀ такое истинно небесный хлѣбъ: онъ таковъ, *да, аще кто отъ него ясть, не умретъ* (ст. 50). Но Я и есмь такой животворный хлѣбъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе; аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣкъ».* Іудеямъ, такъ премудро пойманнымъ въ своемъ плотскомъ образѣ мыслей, нельзя уже было защищать плотскія свои мысли ветхозавѣтною манною. И Господь выражаетъ еще опредѣленнѣе тайну спасенія и духовнаго питанія: *и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра.*

У людей, не видящихъ ничего далѣе одной мертвой буквы или вообще далѣе чувственнаго и плотскаго, не могли уже, видно, словами Господа возбудиться духовныя мысли о самопожертвованіи любви Его за грѣшный и погибающій міръ, объ устроеніи отъ Него нѣкотораго таинственнаго способа къ внутреннѣйшему соучастію вѣрующихъ въ животворной силѣ и духѣ сего самаго человѣколюбія Христова — чрезъ вкушеніе истиннаго Его тѣла. Въ нихъ возникли снова только недоумѣнные и ропотные грубо-плотскіе толки: *како можетъ сей намъ дати плоть свою ясти?* По сему поводу Господь раскрываетъ предъ ними всю Божественную глубину тайны

спасительнаго питанія истинною плотію и кровію, соединяющаго внутренно съ Нимъ, вводящаго въ общеніе жизни Его и въ Немъ жизни Отца небеснаго (значитъ — и Его святости и человѣколюбія), и имѣющаго раскрыться въ вѣчную блаженную жизнь для самаго тѣла причастника, безъ чего, съ другой стороны, неизбѣжно лишеніе истинной жизни для кого-бы-то-ни-было: *аминь аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради* (ст. 53—57). Какъбы такъ здѣсь изречено Господомъ: «Отецъ, пославый Меня, есть истинно *живый Отецъ*, — сама любовь, живущая самосущею жизнію, и Я въ самомъ существѣ своемъ имѣю отъ Отца эту же самосущую жизнь любви; и нѣтъ другаго начала и источника жизни духовной и небесной. Посему пріобщеніе плоти и крови Моей, проникнутыхъ Божественною жизнію, есть необходимый способъ, чрезъ который безмѣрною любовію предоставляется вамъ, отчужденнымъ «отъ жизни Божественной, возможность укрѣплять себя, какъ истинною пищею и питіемъ, въ общеніи Моей и Отчей жизни. Итакъ, если не примете и не вкусите съ должною вѣрою сего небеснаго истиннаго хлѣба и сего истиннаго, неиблющаго питія, въ которыхъ преподаю вамъ для вкушенія Себя Самого и, значитъ, всю Мою безконечную любовь къ чело-

вѣку, то *живота не имате въ себѣ;* а пріемлющій и вкушающій Мою плоть и кровь, разумѣется не наружно только, но съ усвоеніемъ вѣрою самой силы такой Моей любви къ человѣку, получаетъ чрезъ это въ себя начало жизни небесной и вѣчной, которое благодатно и раскроется въ вѣчную жизнь во всемъ существѣ Его — въ душѣ и тѣлѣ: *и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.*»

Сей есть хлѣбъ, сшедый съ небесе, заключаетъ наконецъ Господь, — «вотъ истинно небесный хлѣбъ, предуказанный и въ вашей маннѣ, которая по этому одному и названа у вашихъ пророковъ *хлѣбомъ съ небесе!* Безъ отношенія же къ этому хлѣбу жизни, ваша манна есть простая, тлѣнная снѣдь смертной плоти: *не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша;* напротивъ, вкушающій отъ небеснаго Божественнаго хлѣба съ вѣрою, усвояющею себѣ силу такой Моей къ вамъ любви, — *живъ будетъ во вѣкъ!* Плотскіе по разумѣнію и расположеніямъ слушатели поняли по-плотски и слова Господа, какъ въ ветхозавѣтномъ писаніи остановились только на плотской сторонѣ, не проникая въ духъ. *Жестоко есть слово сіе*, говорили они, *кто можетъ его слышати,* что т. е. Онъ сошелъ съ неба, при извѣстномъ однако намъ Его происхожденіи, и что Онъ изготовитъ пищу изъ Своего тѣла и крови? По поводу сего, Господь присовокупилъ указаніе еще на тайну грядущей Своей славы, имѣющей открыться и предъ врагами: «вы соблазняетесь Моими словами о питаніи Моимъ тѣломъ и кровію. Что же вы скажете наконецъ, когда увидите Меня и съ Моимъ воспріятымъ ради васъ человѣковъ, человѣчествомъ — во всей славѣ Божественной Моей жизни, ко-

торую отъ вѣка имѣю во Отцѣ, и которая откроется къ славѣ Моихъ сопричастниковъ и предъ вами? *Сіе ли вы блазнитъ: аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде.* Оставите свои плотскія, мертвыя мысли о чувственныхъ благахъ царства Мессіи, о земномъ происхожденіи Моемъ, о плотяности духовнаго брашна, о которомъ говорю; возведите ваши духовныя очи къ Моему небесному происхожденію, къ благамъ Божія царствія, къ брашну Моей плоти и крови — такому, которое открываетъ и содержитъ въ себѣ всю животворную силу Моей самоотверженной любви къ вамъ и которое въ этой силѣ и слѣдуетъ принимать и усвоять вѣрою; и вы въ словахъ Моихъ найдете духъ спасающей васъ Божіей благодати и истины, духъ Божественной, самоотверженной любви Моей къ людямъ, единой животворной и спасительной для человѣчества.» Таково прямое, необходимо слѣдующее изъ обстоятельствъ и всего хода бесѣды, значеніе сихъ словъ (63 ст.): *духъ есть, иже оживляетъ: плоть*, мертвая буква, дальше которой не простирается іудейство, *не пользуетъ ничтоже: глаголы, яже Азъ глаголю, духъ суть и животъ суть. Духъ оживляющій*, по смыслу рѣчи Господней, составляютъ вообще тайны спасающей насъ во Христѣ любви и благодати Божіей, доступныя не плотскому грубому воззрѣнію іудейства, по созерцанію духовному — свѣтлыми и живыми очами разумѣнія и ощущенія вѣры.

Другой подобный случай, когда Господь также раскрываетъ самое существо новаго завѣта, по поводу плотскихъ понятій ветхозавѣтныхъ изображеній царства Христова, представляется въ XVIII гл. евангелія Матѳея.

Господь согласился удовлетворить требованію собирателей подапія въ храмъ, съ объясненіемъ впрочемъ, что такъ поступаетъ не въ рабскомъ, подневольномъ закону духѣ, пензбѣжномъ для іудеевъ при остановкѣ ихъ на одной мертвой буквѣ закона, но по свободѣ и высокой разумности Духа Сыновняго: рабскія подати, училъ при семъ Господь учениковъ, берутся царемъ не съ своихъ царскихъ дѣтей (каковы у Бога всѣ соучастники Христа Сына Божія), а съ чужихъ (XVII, 24—27). Но по сему поводу ученики Господа сейчасъ же занялись мыслію и, какъ изъ ихъ совокупнаго вопрошенія должно заключить, даже словеснымъ между собою разсужденіемъ о царствѣ сыновъ Божіихъ или царствіи небесномъ, которое обѣтовано было въ Христѣ. Въ ветхомъ завѣтѣ оно было представлено во образѣ царства израилева, и у пророковъ часто изображается чертами блистательнѣйшаго земнаго царства. Согласно съ современнымъ общимъ направленіемъ іудейства, и ученики, видно, въ началѣ представляли благодатное царство Мессіи такимъ царствомъ, гдѣ должны быть также видимыя, только самыя блистательныя, царственныя отличія и преимущества. Что они имѣли именно такое воззрѣніе на сіе царство, хотя, конечно, не въ такомъ растлѣнномъ смыслѣ, какъ прочіе іудеи, видно изъ сего же мѣста—изъ прямыхъ словъ Господнихъ: *аще не обратитеся*, не оставите обычныхъ понятій и расположеній. Блестящія видимыя отличія царства небеснаго и остановили ихъ все вниманіе; недоумѣвали они только о томъ, по какому закону и условіямъ будутъ раздаваться сіи отличія. Это недоумѣніе и выразили они съ общаго согласія предъ своимъ

Божественнымъ Учителемъ: *въ той часъ приступиша ученицы ко Іисусу, глаголюще: кто убо болій есть въ царствіи небесныхъ?* Въ семъ случаѣ наиболѣе необходимо было разрѣшить духовную истину о благодатномъ царствѣ отъ буквы ветхозавѣтнаго порядка, изветшавшаго до стѣсненія собою вѣры учениковъ, проявившихъ уже прочные начатки своей духовности, и притомъ слышавшей уже отъ Господа высокія духовныя тайны (какъ можно видѣть изъ предъидущаго въ семъ самомъ Евангеліи). И Господь возвѣщаетъ имъ прямо и рѣшительно, что они извратили истинный смыслъ царствія Божія, и что имъ необходимо еще только начинать дѣло своего спасенія или достиженія царствія — *обратитеся: аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное.* И за симъ указуетъ имъ на такіе законы своего царства: дѣтское чистосердечіе и смиреніе вѣры въ воспріятіи и усвоеніи себѣ Христа, нравственную безпреткновенность для ближнихъ, самоотверженіе и высокое уваженіе любви къ самому послѣднему члену Его царства (3 — 11). Законы, совершенно несогласные съ плотскими іудейскими мечтами о самовозвышеніи въ царствѣ Мессіи, но дѣйствительно предъявляемые и въ ветхомъ завѣтѣ (Евр. XI гл.)! Углубляетъ, далѣе, взоръ ихъ вѣры въ самое основаніе сихъ законовъ и всего благодатнаго царства: *пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (ст. 11), и раскрываетъ самымъ близкимъ къ разумѣнію и сердцу образомъ, располагающій не къ возношенію надъ худшими и заблуждающими, а къ братскому попеченію о нихъ, духъ спасающей Божіей любви: *что вамъ мнится? Аще*

будетъ нѣкоему человѣку сто овецъ, и заблудитъ едина отъ нихъ? не оставитъ ли девятьдесятъ и девять въ горахъ, и шедъ ищетъ заблудшія?.... Тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ (ст. 12—14).

Особенно замѣчательные случаи такого же рода—бесѣда Спасителя съ Никодимомъ и бесѣда съ женой самарянкой. Никодимъ (см. III гл. Іоан.) хотя былъ чудесами Іисуса Христа привлеченъ къ Нему, какъ Божественному Учителю (ст. 2); но изъ его примѣра въ особенности открывается общій упадокъ народнаго духа: онъ не прикрывалъ въ себѣ личиною законной праведности пороковъ и сердечной растлѣнности, подобно прочимъ фарисеямъ, — тѣмъ неменѣе, услышавъ о горнемъ рожденіи, — послушайте, — какъ онъ возражаетъ сему духовному ученію: *како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися* (ст. 4). Мысль сего начальника и учителя іудейскаго такъ оплотянѣла, что кромѣ грубо-плотскаго не представлялось ему ничего и тогда, какъ сказано уже было ему отъ Спасителя: надо *родитися* именно *свыше*. Мы знаемъ изъ разсмотрѣннаго уже нами случая, что такъ же точно разсуждали іудеи *о хлѣбѣ съ небеси*. Итакъ, Никодимъ, видно, также былъ занятъ правами и преимуществами чисто плотскаго происхожденія отъ Израиля, какъ и другіе іудеи, не проникая уже нимало вѣрою въ духовный смыслъ сего плотскаго происхожденія. Симъ и объясняется то, почему Господь съ пришедшимъ къ Нему нощію учителемъ израильскимъ открываетъ бесѣду такъ неожиданно и безъ всякаго, по ви-

димому, повода, сильнымъ указаніемъ на необходимость, для вступленія въ царство Божіе, рожденія свыше. Никодимъ говорилъ Ему: *вѣмъ, яко отъ Бога пришелъ еси, Учитель... Отвѣща Іисусъ и рече ему: аминь аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія.* Какая, по-видимому, связь отвѣта съ словами Никодима? Изъ раскрытаго нами состоянія послѣдняго ясна связь — самая внутренняя и прямая. «Вѣмъ и Азъ, — какъбы такъ глаголалъ Господь пришедшему фарисею, на его слово о Божественномъ учительствѣ, — вѣмъ, что ты пришелъ ко Мнѣ учиться, совершенно утративъ изъ сознанія и чувства вѣры истинный смыслъ закона и пророковъ, занятый плотскими представленіями о своемъ плотскомъ происхожденіи, о плотскихъ правахъ и преимуществѣ Израиля. Такъ и тебѣ, какъ и всѣмъ такимъ, по долгу небеснаго Свидѣтеля истины и благодати, уже прямо и точно скажу.... *аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія.* Не льзя войти въ духъ спасительной истины и въ общеніе благодати никому — безъ обновленія мыслей и чувствъ самою благодатію, безъ божественнаго духовнаго рожденія.» Въ Никодимѣ эта тайна возбудила и раскрыла только плотяность образа его мыслей, что̀ и выразилось въ извѣстномъ уже намъ его отвѣтѣ. По сему поводу, когда т. е. духовный смыслъ плотскаго происхожденія отъ избраннаго рода очевидно былъ убитъ для самаго учителя израильтянъ, Господь, во-первыхъ, уже опредѣленно и съ точностію указываетъ тайну духовнаго рожденія: *аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царст-*

вїе Божіе [1]). «Чтобы войти въ общеніе спасающей благодати и въ духъ спасительной истины, — нужно человѣку принять въ себя новую благодатную жизнь чрезъ крещеніе (и — именно благодатное возрожденіе, гдѣ чрезъ посредство воды дѣйствуетъ возраждающій въ новую жизнь самъ Духъ Святый).» Во-вторыхъ, раскрывъ тайну духовнаго рожденія, уже въ силу оной уничтожаетъ всякое спасительное значеніе одного просто — плотскаго рожденія или происхожденія отъ кого бы ни было: *рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть.* «Происхожденіе чисто—плотское, или рожденіе по грѣховному естеству и можетъ дать только то, что принадлежитъ испорченному естеству—жизнь естественно—грѣховную, духовно-мертвую. Что же тутъ общаго съ жизнію духовною и благодатною, получаемою чрезъ духовное рожденіе? Очевидно, это—противоположныя начала и области.» Итакъ, и здѣсь, какъ во всѣхъ прежде разсмотрѣнныхъ случаяхъ, духъ, отрѣшаемый отъ мертвой буквы, отмѣняетъ уже послѣднюю: Исаакъ, такъже по естеству происшедшій отъ Авраама, какъ и Измаилъ, но названъ у апостола Павла *духовнымъ* (Гал. IV, 29): столь свѣтлое значеніе могло имѣть нѣкогда

---

[1]) Понятіе *царствія Божія* извѣстно: это — область спасительной истины и благодати. *Духъ*, какъ видно изъ Его самостоятельности, властности и таинственности (ст. 8), есть Духъ Святый *Рожденіе*, поколику оно, по 8 ст., существенно основывается на силѣ и дѣйствіи Св. Духа, есть духовно-благодатное. *Вода* здѣсь, по связи рѣчи, разумѣется такая, которая необходима для духовнаго рожденія вмѣстѣ съ Духомъ: *аще кто*, сказано, *не родится водою и Духомъ*,— но которая по 8 ст. имѣетъ здѣсь значеніе не причины дѣйствующей, какою поставляется воля и дѣйствіе Духа, но значеніе того, *идѣже Духъ дышетъ* при тайнѣ рожденія.

плотское же рожденіе; но теперь, когда въ плотскомъ не видно уже ничего высшаго, рожденное отъ плоти только плоть и есть. Надобно уже прямо родиться отъ Духа, чтобъ войти въ царствіе Божіе — обѣтованное наслѣдіе Израиля. По такому-то ходу и смыслу сей бесѣды совершенно понятенъ тотъ упрекъ, который сдѣлалъ Господь Никодиму, который, и послѣ присовокупленнаго Господомъ нѣкотораго объясненія тайны благодатнаго возрожденія, по плотскому образу мыслей остался только съ недоразумѣніемъ: *како могутъ сія быти*? Господь ему говорилъ: *ты учитель израилевъ, и сихъ ли не вьси?* «Тебѣ, учителю Израиля, должно быть стыдно не понимать Моихъ словъ. Въ нихъ раскрытъ духъ и смыслъ израильскаго же избраннаго рода: *и — сихъ ли не вьси?*» И сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія о томъ, что Онъ и есть самоподлинный Свидѣтель истины и виновникъ благодати (ст. 11—13), сталъ, раскрывая духъ ветхозавѣтнаго событія, преподавать ученіе о тайнѣ искупленія: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвнестися Сыну человѣческому* и проч.

Обратимся къ бесѣдѣ Господа съ женой самарянской (IV гл. Іоан.). Какова въ духовномъ отношеніи была эта жена, — хорошо видно изъ обстоятельствъ сей бесѣды. Она называетъ Іакова отцемъ своимъ (ст. 12); хотя Господь вѣру ея (въ смыслѣ религіи вообще) отличаетъ отъ іудейства, какъ раскольническое невѣдѣніе отъ правовѣрія (ст. 22), но образъ воззрѣнія ея былъ одинаковъ съ современными іудеями: она не восходила мыслями выше чувственнаго, считая это само по себѣ вожделѣннымъ и священнымъ, существеннымъ въ дѣлѣ

богоугожденія, и думала, что собственно отъ внѣшняго мѣста зависитъ богоугодность и святость богопочитанія. Эти начала мы увидимъ у ней въ самомъ дѣйствіи. Обстоятельства встрѣчи Господа съ нею извѣстны. Утомленный отъ пути и жару полуденнаго времени, Господь сидѣлъ у колодезя Іаковлева и, когда пришла за водою самарянская женщина, желалъ напиться. Женщина примѣтила, что Онъ изъ іудеевъ, и — сейчасъ же въ ней возбудились и стали дѣйствовать религіозныя начала: «вы признаете насъ хуже, чѣмъ за раскольниковъ, и не хотите имѣть съ нами никакого общенія: а вотъ теперь, въ утомленіи и жаждѣ отъ жара, Ты требуешь питья отъ самарянки (ст. 9). *Како Ты, жидовинъ сый...*» и проч. Въ устахъ женщины слышенъ упрекъ іудею за отверженіе тѣхъ, въ братской помощи которыхъ можно иногда нуждаться и іудею. Обстоятельства совершенно оправдывали этотъ упрекъ; ибо, если самарянинъ, оказавъ пособіе *впавшему въ разбойники* іудею, чрезъ это оказывается [1]) истиннымъ въ отношеніи къ нему братомъ, то самарянка, утоливъ жажду утомленнаго іудея, явила бы тотъже духъ спомоществованія человѣку, какъ брату. И, слѣдовательно, іудейство, не терпящее по своимъ началамъ [2]) самарянъ, оказывается здѣсь до того извѣтшавшимъ и непомѣстительнымъ для истинной праведности и любви, что даже самаряне становятся, въ семъ отношеніи, выше іудея, и своимъ братскимъ къ нему участіемъ осуждаютъ законное, по-видимому [3]), его от-

---

[1]) Не только по суду Христову, но и законниковъ іудейскихъ.

[2]) и [3]). Зах. I, 14. 15. Самаряне, по возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, остановили-было созиданіе храма Іерусалимскаго.

вращеніе отъ нихъ, какъ отъ отверженныхъ. По такому-то смыслу (для истины) упрека самаряпки, Господь и отвѣчаетъ на упрекъ жены не обличеніемъ и упрекомъ, а словомъ уже благодати, отрѣшающей негодящуюся букву закона, и для самарянки доступной не менѣе, чѣмъ для другихъ: *аще бы вѣдала еси даръ Божій, и кто есть глаголяй ти, даждь ми пити: ты просила бы у Него, и далъ бы ти воду живу* (ст. 10); т. е. по извѣстному значенію Говорящаго и ходу обстоятельства, какъбы такъ было сказано самарянкѣ: «ты упрекаешь іудея въ отвращеніи отъ самарянъ, которые однако не отказываются, при случаѣ, оказать ему братское участіе и пособіе. Но область обѣтованнаго спасенія всё же содержится въ Божіемъ народѣ; и потому въ этомъ самомъ іудеѣ, которому ты высказываешь упреки въ духовной безчеловѣчности іудейства, можетъ быть открыто для тебя сокровище самой всеобъемлющей любви Божіей — сама благодать, не дѣлающая уже различія между іудеями и самарянами, вожделѣнная наравнѣ для всѣхъ и всѣмъ *доступная*. Если бы ты поняла это, то сама прибѣгла бы къ источнику спасающей и животворящей любви Божіей, и — тебѣ не было бы отказано въ этой истинно живой водѣ, какъ ты медлишь дать Мнѣ простую воду изъ сего колодца.»

Но сейчасъ же открывается въ женѣ и то, что она далѣе чувственнаго ничего не видѣла въ самомъ священномъ для нея предметѣ. Какъ іудеи, услышавъ о хлѣбѣ жизни, долженствующемъ преподаваться въ тѣлѣ Христовомъ, остановились на объемлемой простыми чувствами человѣческой плоти, или какъ Никодимъ, услышавъ о

духовномъ рожденіи, остановился мыслію на плотскомъ рожденіи, и разсуждалъ, — какъже это снова родиться старику: такъ, и потому же, жена самарянка, услышавъ о животворной водѣ благодати, остановилась мыслію на чувственной живой или ключевой водѣ, и стала возражать Ему (ст. 11—12): «да гдѣ же Тебѣ взять такую воду? Почерпнуть тебѣ нѣчѣмъ; колодезь же этотъ такъ глубокъ.... А Ты, конечно, не другую воду разумѣешь, говоря о ней такъ высоко и въ такомъ спасительномъ ея смыслѣ, какъ воду сего святаго колодца, изъ котораго пилъ, со всѣмъ домомъ и домашнимъ скотомъ, патріархъ Іаковъ. Или Ты будешь пререкать достоинству Израиля и ставить свой авторитетъ выше его? *Ни почерпала имаши, и студенецъ есть глубокъ: откуду убо имаши воду живу? Еда Ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него питъ, и сынове его, и скоти его.*

Послику здѣсь очевидно, что женщина самарянская смотрѣла и на Іакова и на принадлежащее ему — только по плоти, безъ отношенія т. е. къ чему либо высшему личности сего Патріарха, и однако усвояла ему и всему употребляемому отъ него существенно важное значеніе: то, по извѣстному, и вездѣ, какъ мы видѣли, дѣйствующему закону Христова дѣла, слѣдовало уже и здѣсь духовное значеніе великаго Патріарха отрѣшить отъ чувственной его личности, болѣе которой въ немъ ничего уже не видятъ, и, слѣдовательно, отнять чисто уже плотской авторитетъ, основанный на несмысленной памяти объ Іаковѣ: *всякъ, піяй отъ воды сея* (изъ Іаковлева колодца) *вжаждется паки.* «Что же ты хвалишься своимъ

Іаковлевымъ кладеземъ, дающимъ воду обыкновенную и тлѣнную? Ничего нѣтъ существенно важнаго и спасительнаго въ водѣ сего кладезя израилева; она, коль скоро берется во вниманіе только по плоти, есть простая чувственная вода. Вотъ что существенно важно и спасительно: вода, по употребленіи которой уже не вжаждетъ человѣкъ во вѣки, которая будетъ въ немъ живымъ потокомъ вѣчной жизни» (ст. 14).

Съ чувственными воззрѣніями, женщина захотѣла этой воды: *да ни жажду*, говоритъ она, *ни прихожду сьмо почерпати*. Подобное: *даждь всегда намъ хльбъ сей ясти*.

Чтобы сколько нибудь поднять къ духовному мысленные взоры самарянки, Господь являетъ предъ нею опытъ Божественнаго вѣдѣнія тайнъ ея сердца и жизни (ст. 16—18). И, когда пораженная симъ женщина не могла не признать проявленія въ Немъ силы и свѣта Божественнаго, то не замедлила сама же открыть предъ Нимъ новое плотское воззрѣніе въ дѣлахъ вѣры. Она сейчасъ же предлагаетъ на разрѣшеніе прозорливаго Мужа вопросъ, лежащій на совѣсти у самарянъ, о законности своего богослуженія. Но при семъ она ни мало не занималась самымъ существомъ богослуженія; богоугодность и законность онаго для нея опредѣлялись собственно внѣшнимъ мѣстомъ богослуженія (ст. 19 и 20).

Для разумѣнія отвѣта Господня, нужно примѣтить: 1) было время, когда такъ близко и повсюду слышенъ былъ Господь человѣку, что не было и нужды въ опредѣленномъ храмѣ: въ любомъ мѣстѣ человѣкъ воздвигалъ по свойству ветхозавѣтнаго богослуженія жертвенникъ, и здѣсь былъ для него храмъ, или, по прямому выраженію

праотца Іакова, *домъ Божій* (Быт. XXIII, 17). Было, потомъ, время, когда человѣку уже не столь удобно было входить въ духовную близость къ Богу въ мірѣ: нужно стало опредѣленное къ сему мѣсто, — хотя, съ другой стороны, еще столько было чуткости къ Божественному, что при одномъ указаніи на такое опредѣленное богослужебное мѣсто, и вѣрующій поставлялся въ молитвенное расположеніе *къ храму святому*. Но теперь, какъ изъ словъ самарянки видно, существенно важнымъ и спасительнымъ уже стали полагать собственно мѣсто, а не молитвенное духовное расположеніе и не благодать, открывающую доступъ къ Богу. Это — первое. 2) У самарянъ и самое мѣсто для богослуженія было самочинно опредѣлено въ значеніи святаго богослужебнаго мѣста. Такимъ мѣстомъ, по Божію закону, былъ собственно Іерусалимъ, храмъ. Итакъ, обстоятельства требовали, во-первыхъ, чтобы и въ семъ случаѣ отрѣшить духъ отъ мертвой законной буквы и, однако, во-вторыхъ, не сравнять іудейства съ самарянствомъ, право-законный церковный порядокъ (хотя и мертвый) съ расколомъ. Господь такъ и отвѣчаетъ самарянкѣ: *жено, вѣруй Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣ поклонитеся Отцу* (ст. 21), т. е. наступаетъ время, когда существо и спасительность богослуженія будутъ признавать въ самой благодати и любви Отца небеснаго во Христѣ Сынѣ Его удободоступной для вѣры, и потому не будутъ уже поставлять во внѣшнемъ мѣстѣ, какое бы оно ни было — Іерусалимъ ли, по іудейскому порядку тоже изветшавшему до плотской буквы, или — гора Гаризинъ, по вашему плотскому же воззрѣнію. Но, — про-

должаетъ Господь, — *вы кланяетесь, Егоже не вѣсте: мы кланяемся, Егоже вѣмы: яко спасеніе отъ іудей есть.* Законъ и пророки, возвѣщающіе спасеніе, положены и блюдутся всёже у іудеевъ въ своей неприкосновенности; слѣдовательно, православное, на законѣ основанное и закономъ опредѣленное мѣсто богослуженія есть іудейское, а не самаряпское: вы, самаряне, не можете представить законныхъ основаній своего богослуженія; клапяетесь, слѣдовательно, *Егоже не вѣсте.*»

Сдѣлавъ нужное разграниченіе раскола отъ право—закопнаго іудейства, Господь возвращается къ разрѣшенію духовной истины о богопоклоненіи и отъ буквы закона, которою эта духовно-благодатная истина привязывалась уже собственно къ мѣсту, какъ къ чему-то существенно спасительному. «Поелику же и іудеи и самаряне наравнѣ полагаютъ спасительную силу богослуженія собственно во внѣшнемъ мѣстѣ, — какъбы такъ продолжаетъ Спаситель, — то *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (ст. 23 и 24). Предъ Отцемъ небеснымъ, какъ предъ чистѣйшимъ и любвеобильнѣйшимъ Духомъ, благоугодно не такое богослуженіе и поклоненіе, которое основываетъ свою важность только на выборѣ внѣшняго мѣста (это, лишенное духа, богослуженіе можетъ ли быть Ему пріятно?), но поклоненіе самымъ сердцемъ и умомъ, поклоненіе въ духѣ живой вѣры въ Божію во Христѣ любовь, въ духѣ и силѣ Божіей благодати. И наступаетъ время, и уже наступило,

когда, въ замѣнъ законнаго, мертваго уже богопоклоненія, откроется это новоблагодатное служеніе Богу духомъ и истиною, искреннею духовною вѣрою, съ которою будутъ открытымъ предъ Отцемъ небеснымъ сердцемъ взирать на открытую Его благодать въ Сынѣ Его, содѣлавшемся человѣкомъ для усыновленія или приведенія всѣхъ людей къ Отцу. Вотъ ужъ какихъ поклонниковъ ищетъ нынѣ любовь Отца! . . . .

(Итакъ, собственно наружное ли богослуженіе отмѣняется здѣсь, какъ толкуютъ нѣкоторые? Напротивъ, только—законное, сдѣлавшееся бездушнымъ; и на мѣсто его, изъ его же духа, поставляется новое духовное богослуженіе, духовное — не по отрѣшенію отъ всякой внѣшности, но по отрѣшенію благодати и вѣры отъ мертвой законной буквы, отъ лицемѣрнаго іудейства. Подобное: въ заповѣди о клятвѣ, въ молитвѣ — не многословной по примѣру язычниковъ, и т. п.).

Жена, при раскрытомъ ей боголѣпномъ зрѣлищѣ духовно поклоняющихся, не могла не придти въ особенно возвышенное движеніе духа: такъ что она только отъ Мессіи могла ждать открытія такого богослуженія. Это и выразила она предъ Господомъ, и — Онъ, при образовавшейся, наконецъ, ея духовной пріемлемости, открылся предъ нею прямо въ Своемъ значеніи Мессіи (ст. 25 и 26).

Довольно представленныхъ и разсмотрѣнныхъ случаевъ въ доказательство того, что, ставъ въ ветхозавѣтномъ порядкѣ, Господь именно чрезъ раскрытіе самаго его духа и значенія и развивалъ новый завѣтъ, съ его прямо духовными уроками и существенно благодат-

ными тайнами, отмѣняющими ветхозаконное устройство въ мертвой его буквѣ.

Теперь (замѣтимъ мимоходомъ) для внимательныхъ должна быть совершенно ясна вся грубость и нелѣпость тѣхъ раціоналистическихъ перетолковъ евангельской исторіи, по которымъ напр. Господа нашего почитаютъ подражателемъ или заимствователемъ секты ессейской. Извольте сличать эту секту и евангеліе: Христосъ сталъ подъ ветхозавѣтный порядокъ со всѣмъ смиреніемъ и строгостію: ессеи самочинно разорвали узы его обязательности для себя, оставивъ жертвы, священство и храмъ; Христосъ углубляетъ вниманіе слушателей въ истинное и вѣчно — живое значеніе законовъ и событій ветхозавѣтныхъ, въ нихъ дѣйствительно выраженное, но отъ времени и свойства ветхозавѣтнаго порядка вещей затемнѣнное и даже совсѣмъ было закрывшееся: для ессеевъ всѣ ветхозавѣтныя черты и принадлежности, составляющія существенный характеръ того завѣта (напр. манна въ своемъ истинномъ значеніи, рожденіе отъ Авраама, или законъ развода, и т. п.), навсегда утрачены, и много, развѣ составляли предметъ мечтательныхъ гаданій; ессеи, потому, оставивъ все характеристическое въ ветхомъ завѣтѣ и удержавъ изъ него и развивъ только общія нравственныя правила, доступныя и естественному разумѣнію, были не болѣе, какъ благонравными раціоналистами или даже деистами ветхозавѣтнаго времени: Господь Іисусъ является истиннымъ предметомъ, виновникомъ и законодателемъ какъ всего ветхаго завѣта, котораго значеніе и истину, было — подавленную, разрѣшилъ и выставилъ на видъ, такъ и новаго

завѣта, который Онъ установилъ въ положительныхъ духовныхъ урокахъ и таинствахъ.

Ясно также должно быть, какъ просто и необходимо слова: *плоть*, *міръ*, *духъ* и пр. получили свое значеніе, свойственное новому завѣту, — какъ *законъ* и *благодать* стали уже въ чистую между собою противоположность, тогда какъ въ голосѣ самаго закона прежде слышенъ былъ голосъ благодатной правды, по свидѣтельству апостола Павла (Рим. X, 6 — 9). Когда благодать, прежде предъявляемая въ плотскомъ происхожденіи, въ плотскомъ наслѣдіи и правахъ и под., теперь уже въ семъ послѣднемъ не примѣчалась человѣкомъ и потому Господомъ отрѣшилась отъ онаго: то все это плотское и стала мертвая, растлѣнная *плоть* нашего поврежденнаго естества, и — уже въ отдѣльности отъ нея, въ своей существенности является *духъ*, какъ духъ самой благодати, пріемлемой вѣрою. Опять: въ мірскомъ царствѣ, войнахъ, врагахъ предъявлялись духовныя и горнія тайны: теперь мірское только и берется во вниманіе какъ мірское, безъ отношенія къ благодатному и однако съ усвоеніемъ значенія священнаго; посему, такое мірское и представляется уже дольнею, враждебною благодати, областію. Тоже надо сказать о *законѣ*: когда стали его разумѣть въ одной буквѣ, предписывающей и грозящей, и мечтали выполнить оный къ совершенному предъ Богомъ самооправданію: то законъ уже оказывался отдѣльнымъ отъ милующей и прощающей благодати и даже ей противоположнымъ: *законъ Моисеемъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть.* Равно и спасительная божественная *истина*, и прежде извѣстнымъ болѣе

или менѣе сѣновнымъ образомъ преподаваемая и открываемая людямъ, по теперь въ сѣновномъ ветхозавѣтномъ порядкѣ людьми не примѣчаемая, и, потому, свидѣтельствуемая Господомъ уже во всей небесной своей духовности, съ разрѣшеніемъ отъ всѣхъ сѣней и образовъ, — получила значеніе также отличное отъ *закона* и *пророковъ*, и стала синонимическимъ понятіемъ *духу* и *благодати*. Итакъ одно и тоже новозавѣтное домостроительство спасенія, по отношенію къ закону осуждающему и поражающему смертію, есть *благодать*, — по отношенію же къ сѣнямъ и образамъ, взятымъ съ плотскаго и мірскаго, — *духъ и истина*.

Изъ сказаннаго могли мы усмотрѣть, какъ благопотребно и благоугодно было Господу устроить новозавѣтный порядокъ въ Церкви, не только безъ малѣйшаго оскорбленія и насилія ветхозавѣтному, а напротивъ, изъ внутренняго его значенія и къ уясненію истиннаго его достоинства. Изъ сдѣланнаго общаго о семъ соображенія много уясняется въ Евангеліи: много затрудненій и мнимыхъ противорѣчій удобно распутывается, строгая послѣдовательность и связность многихъ бесѣдъ Спасителя ясно раскрывается, и проч. и проч., что уже было показано и еще можно показать во многихъ примѣрахъ [1]).

---

[1]) Почему напр. въ Евангеліи такъ много и часто говорится о книжникахъ и фарисеяхъ? Когда извлекался истинный благодатный духъ ветхозавѣтнаго порядка, ставшаго одною мертвою и даже враждебною благодати буквою въ современномъ іудействѣ: то представители іудейства естественно должны быть на первомъ планѣ—или какъ обличаемые живою истиною, ими подавленною, и теперь во всемъ свѣтѣ отъ Господа раскрываемою,—или какъ упорно стоящіе за мертвую букву и ожесточенно вооружающіеся противъ Господа. Почему

Посмотримъ теперь, что́ благопотребно для введенія самой вѣры въ духъ и истину новаго завѣта изъ ветхозавѣтной сѣновной видимости.

Господь не оказывалъ снисхожденія къ іудеямъ, по отношенію къ ревности ихъ о субботѣ, не только совершая въ дни субботы чудеса, но иногда повелѣвая исцѣленному нести, прямо противъ буквы ветхаго завѣта (Іерем. XVII, 21), бремя собственнаго одра?—Законъ субботы сталъ у іудеевъ до того мертвою буквою, что съ оружіемъ этого закона и восставали іудеи противъ Господа и именно противъ самыхъ торжественныхъ проявленій Его благодати—чудесъ. По долгу небеснаго Свидѣтеля истины, необходимо было рѣшительно и прямо отрѣшать духъ сего закона отъ мертвой его буквы, чтобы не въ конецъ былъ разоренъ, а напротивъ, былъ уяснепъ во всемъ своемъ существѣ законъ *дня, посвященнаго Господу*. Почему Господь былъ до того снисходителенъ къ ученикамъ, что съ силою защищалъ ихъ противъ упрековъ въ нарушеніи ими субботы? Рѣшеніе тоже: не ихъ собственно Онъ защищалъ, а истину закона субботы, которымъ вооружались *противъ неповинныхъ*; кромѣ того, Спаситель чрезъ это снисхожденіе охранялъ своихъ учениковъ отъ фарисейскаго образа празднованія святаго дня. Почему Господь не только не требовалъ поста и другихъ подобныхъ подвиговъ отъ своихъ учениковъ, но считалъ ихъ даже вредными для ихъ спасенія и для истины? Потому, что они отчасти запутывались понятіями современнаго, враждебнаго благодати, іудейства. Слѣдовательно, если бы требовать отъ нихъ исполненія данной уже имъ, благодатной заповѣди поста: то они стали бы исполнять оную по іудейски, т. е. въ мертвой буквѣ, враждебной благодати; и такъ образомъ и благодатная заповѣдь пропала бы, и они бы сами погибли. *И вино проліется, и мѣси погибнутъ.* «Новая заплата къ ветхому не пристанетъ, а напротивъ, ветхое раздерется отъ нея»: благодатная заповѣдь не привьется къ мертвымъ самооправдательнымъ понятіямъ и нравамъ іудейскимъ, а, бывъ прилагаема къ нимъ, только въ конецъ ихъ растроитъ, да и сама останется невыполненною. *Никтоже піяй* ветхое не станетъ пить новаго, потому-что скажетъ: «старое лучше»: держащіеся поста по іудейски, и по изліянію Духа благодати, станутъ по привычкѣ поститься въ мертвой буквѣ, т. е. считая постъ за что-то существенно и само по себѣ важное и оправдывающее человѣка (Лук. V, 33—39). Наконецъ, почему Господь однажды спрашиваетъ: *кто есть мати Моя*, и въ отвѣтѣ не указуетъ прямо на пресвятую Дѣву Богородицу? Или въ другой разъ, на вос-

Затрудненіе для вѣры состояло, какъ мы уже знаемъ, въ неудобности разграничить и отвлечь духовное отъ видимаго, существенное отъ образнаго, вѣчно живую и спасительную истину и благодать отъ мертвой буквы изветшавшаго ветхозавѣтнаго порядка. Къ устраненію сего затрудненія не можетъ быть иного лучшаго и прямо къ сему приспособленнаго способа, кромѣ такого водительства вѣры, въ которомъ, съ одной стороны, представлялось бы видимое, образное, свойственное ветхому завѣту, а съ другой — въ тоже время указывалось бы вѣрѣ на

клицаніе о блаженствѣ чрева, носившаго Его, отвѣчаетъ нѣкоторымъ поправленіемъ и переиначиваніемъ мысли о блаженствѣ? По ветхозавѣтному, племя, родство было свѣтлымъ образомъ духовнаго рожденія, духовнаго семейства благодати и т. п.; теперь все это было понимаемо уже просто, какъ только родство по плоти, рожденіе плотское и т. под. Въ словахъ даже той женщины, которая восхитилась блаженствомъ — носить во чревѣ и питать сосцами Господа, можно примѣтить, что она имѣла въ виду только наглядную или плотскую сторону сего блаженства. Посему Господь какъбы такъ говоритъ восхищенной женѣ: «вотъ существо, духъ и основаніе блаженства Богоматери, тебя восхитившаго,—слышать и соблюдать слово Божіе». Или, сказываютъ Ему о матери и братіяхъ, отвлекая Его отъ дѣла ученія. «Вы по плотски понимаете Мои отношенія къ матери, какъбы такъ отвѣчаетъ Господь. Слышаніе и исполненіе слова Божія—вотъ узы Моего родства съ кѣмъ бы ни было: *мати Моя и братія Моя сіи суть слышащіи слово Божіе и творящіи е* (Лук. VIII, 21). При семъ уже подразумѣвается такое заключеніе: «и слѣдовательно, если мать Моя удостоилась сего превыше серафимскаго жребія, родить Меня, то это на основаніи превыше серафимской Ея преданности Слову Божію». При изветшаніи ветхозавѣтнаго порядка, уже въ немъ самомъ духовное или церковное ясно распадалось отъ мірскаго и гражданскаго. И потому, царскій динарій поставлялъ Господь въ свидѣтели высокой истины, какъ уже не по ветхозавѣтному, а новозавѣтному или по благодатно церковному соблюдать гражданскій порядокъ (Лук. XX, 24 и слѣд.). Прямыя указанія ветхозавѣтныя на Христову благодать приводилъ Спаситель, поставляя самихъ іудеевъ въ необходимость истиннаго, духовнаго о ней сужденія (Лук. XX, 41 и слѣд).

духовное, прямо благодатное, свойственное новому завѣту. Стать подъ такое водительство для вѣры сыновъ ветхозавѣтной церкви, очевидно, было просто и удобно, такъ какъ оно, съ одной стороны, вполнѣ соотвѣтствовало ветхому завѣту; но, подчинясь сему водительству, вѣра незамѣтно, однако же неуклонно и вѣрно, вступила бы въ духъ и истину новаго завѣта, такъ какъ оно, съ другой стороны, указываетъ на благодать во всей ея духовности и истинѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда для вѣры уже положено совершенно достаточное основаніе ввѣриться благодати и истинѣ Христовой, и когда потому невѣріе или колебаніе вѣры происходило бы уже не отъ упомянутаго затрудненія вѣры, но отъ добровольной слѣпоты и нехотѣнія вѣровать въ открываемую истину и благодать, — въ этихъ случаяхъ, очевидно, уже свойственно благодатной истинѣ являться прямо и единственно въ своей существенности, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе и совершеннѣе просвѣтить вѣру, обличить и отвергнуть упорное невѣріе, и такимъ образомъ отдѣлить вѣрующихъ и разумѣющихъ отъ добровольно слѣпотствующихъ и упорныхъ въ невѣріи; иначе вѣра лишалась бы той полноты свѣта истины, пріемлемость къ чему уже въ ней созрѣла, а невѣріе пользовалось бы снисходительнымъ умѣреніемъ сего свѣта, уже рѣшительно безъ пользы и даже къ злоупотребленію. Все это мы и найдемъ въ дѣлахъ и ученіи нашего Господа и Спасителя.

Самыя чудеса Христовы, являя въ Господѣ Іисусѣ вообще Божественную всевластную десницу и служа общимъ основаніемъ для вѣры ввѣриться Господу, куда бы Онъ ни повелъ ее (что было показано на своемъ мѣстѣ),

кромѣ сего общаго и столь открытаго значенія имѣютъ еще другое, болѣе глубокое, значеніе. Они именно принадлежатъ къ тому Господню водительству вѣры, въ которомъ, съ одной стороны, разительно представляется предъ нею славная видимость, особенно для ветхозавѣтныхъ потребная [1]), а съ другой — открывается чудодѣйствующею сама, пріемлемая чрезъ вѣру, благодать. Первое съ особенною ясностію видно изъ словъ Господа, сказанныхъ въ отвѣтъ на недоумѣніе и затрудненіе вѣры, выраженное чрезъ учениковъ Іоанномъ Крестителемъ: *шедше возвѣстите Іоанновi, яже слышите и видите. Слѣпiи прозираютъ, и хромiи ходятъ, прокаженiи очищаются и глусiи слышатъ, мертвiи воспаютъ и нищiи благовѣствуютъ* (Мѳ. XI, 5). Для полнѣйшаго разумѣнія сихъ словъ, надобно взять во вниманіе 1), что они сказаны по непосредственному поводу чудесъ и прямо на нихъ указываютъ (какъ это особенно ясно видно въ евангеліи Луки: VII, 21 и 22); и 2) свѣтлая картина чудотвореній, въ словахъ Спасителя, примѣтно взята съ Исаіина торжественнаго изображенія явленія Благодати: *тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Ис. XXXV, 5. 6. слич. XXIX, 18. 19). Судя по буквѣ сего изображенія пророческаго, явившаяся Благодать сейчасъ же должна была дать совершенно новый, свойственный ея существу, видъ всему видимому, или, что тоже, открыться вполнѣ въ самой блистательной видимости (см. продолженіе у Исаіи

[1]) Какъ вѣра ветхозаконная нуждалась въ видимости знаменій и чудесъ, видно изъ прямаго свидѣтельства Христова: *аще знаменiй и чудесъ не видите, не имате вѣровати* (Іоан. IV, 48).

изображенія царства Благодати ст. 7—10).' Такое представленіе Благодати и свойственно тѣмъ временамъ, когда она, въ своихъ откровеніяхъ и учрежденіяхъ, не могла еще быть и не была совершенно разграничена отъ видимаго. А въ этомъ самомъ, какъ мы уже говорили, и состояло затрудненіе вѣры Крестителя. Теперь вполнѣ понятенъ и смыслъ отвѣта Господня. Снисходя прямо къ этому затрудненію вѣры, Господь указуетъ ей на совершаемыя Имъ чудеса и какъ бы такъ говоритъ: «твоей вѣрѣ, не вступившей еще совершенно въ духъ и истину новаго завѣта, хочется и требуется, согласно съ ветхозавѣтными представленіями, созерцать дѣйствія и проявленія Благодати въ самой видимости: такъ что, при не останавливаемомъ ходѣ видимаго порядка вещей, ты уже трепещешь за самое существо, тобою же признанной и засвидѣтельствованной, Благодати. Но вникни хорошенько въ Мои чудеса, которыя ты видишь или о которыхъ слышишь: и — онѣ откроютъ предъ тобою величественное явленіе Благодати въ самой видимости, совершенно согласно съ ветхозавѣтными ея представленіями у пророковъ.» *Возвыстите Іоаннови... слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ, мертвіи востаютъ*... Здѣсь въ самой видимости еще болѣе чрезвычайности и торжественности проявленія Благодати, нежели сколько указано въ пророческомъ представленіи: *отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. . скочетъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гнивыхъ* (прямаго указанія на воскресеніе мертвыхъ нѣтъ). Другой подобный случай, въ которомъ столь ясно видна потребность для вѣры явленія Благо-

дати въ самой, соотвѣтствующей ей величіемъ и свѣтлостію, видимости и предлагается удовлетвореніе этой потребности чрезъ особенно открытое проявленіе вышеестественной Силы. Наѳанаилъ никакъ не могъ согласить своего ветхозавѣтнаго представленія о славѣ Мессіи съ происхожденіемъ Его изъ безславнаго Назарета и необинуясь выразилъ это въ извѣстныхъ словахъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* Снисходя къ сему затрудненію вѣры истиннаго израильтянина, Господь является предъ нимъ со всею очевидностію для него Своего вездѣприсутствія и всевѣдѣнія: *прежде даже не возгласи тебѣ Филиппъ, суща подъ смоковницею видѣхъ тя* (Іоан. I, 46—48). И удовлетворенная симъ вѣра побѣдоносно преподѣдила ветхозавѣтное затрудненіе, какъ это выразилось въ восклицаніи Наѳанаила: *Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь израилевъ.* Такой вѣрѣ Господь съ такимъ же снисхожденіемъ обѣщалъ новыя, еще болѣе поразительныя, явленія Своей благодати въ самой видимости, примѣтно указывая на величественное видѣніе грядущей еще Благодати ветхозавѣтнымъ патріархомъ Іаковомъ [1]): *зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши: большая сихъ узриши... Аминь, аминь глаголю вамъ, отселѣ узрите небо отверзто, и Ангелы Божіи восходящыя и нисходящія надъ Сына человѣческаго* (ст. 50 и 51). Связь рѣчи показываетъ, что симъ послѣднимъ изображеніемъ указывается на проявленіе во Христѣ новыхъ поразительнѣйшихъ опытовъ Божественной силы: *большая сихъ узриши.* А тѣмъ, что сіе изображеніе взято съ величе-

---

[1]) Видѣніе лѣствицы, по которой восходили и нисходили Ангелы.

ственнаго ветхозавѣтнаго видѣнія благодати, означается, что чрезъ чудесныя Христовы дѣйствія будетъ проявляться благодать торжественнымъ образомъ въ самой видимости, вполнѣ сообразно съ ветхозавѣтными представленіями.

Примѣчаніе. При непрерывныхъ славныхъ проявленіяхъ во Христѣ Божественной силы, небо, или область славы Божіей, въ существѣ дѣла, является истинно отверстымъ во Іисусѣ Христѣ; и небесныя служебныя силы были во всеобщемъ движеніи — по Его мановенію, — *восходили и нисходили;* и именно тѣ горнія силы, которыя служили Ему и спасаемымъ на землѣ, *восходили* въ созерцаніи въ Немъ славы Божіей и въ исполненіи Божественной Его воли, а которыя припикали на Него съ неба, тѣ въ созерцаніи Богочеловѣческихъ Его дѣйствій и служеніи Ему *нисходили надъ Сына человѣческаго.*

Тѣже самыя чудотворенія Спасителя открываютъ въ себѣ, съ другой стороны, духовную, пріемлемую только вѣрою, благодать. Они и были собственно проявленіями и изліяніями полноты благодати, обитающей во Христѣ, извлекаемыми и принимаемыми отъ Него вѣрою. Это видно изъ того, что Господь проявлялъ Свою чудодѣйственную силу подъ условіемъ вѣры пользующихся чудомъ: *вся возможна вѣрующему*, говоритъ Онъ; и еще: *вѣра твоя спасе тя* и т. под., а *за невѣрствіе не творилъ силъ* (наприм. въ Своемъ отечественномъ городѣ, Назаретѣ). Такимъ образомъ чудеса Христовы, торжественно проявляя въ самой видимости Божественную благодѣющую и спасающую силу, представляли въ тоже время сію силу духовную доступною къ созерцанію и пріятію

не иначе, какъ подъ условіемъ вѣры. Это уже свойственно духу новозавѣтной благодати, не стѣсняющей видимаго порядка вещей и не стѣсняемой отъ него, но подъ симъ самымъ порядкомъ совершающей и предлагающей спасеніе — вѣрѣ. Посему-то въ обстоятельствахъ чудотвореній Господа всегда можно отыскать какой либо урокъ къ должному духовному направленію и благоустроенію вѣры въ Христову благодать. Въ одномъ случаѣ указывается, къ назиданію вѣры, искушеніе ея временнымъ отказомъ, наприм. отказомъ женѣ хананеянкѣ исцѣлить бѣсноватую ея дочь; въ другомъ — предлагается вѣрѣ поощреніе и утвержденіе, при разныхъ затрудненіяхъ вѣры со стороны видимой дѣйствительности, какъ наприм. было при воскрешеніи дочери Іаира; въ иныхъ — указуется вѣрѣ самая тайна прощающей грѣхи и на вѣки спасающей благодати: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси*, сказано извѣстному разслабленному; *Азъ есмь воскресеніе и живот; вѣруяй въ Мя аще и умретъ, оживетъ, и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки*, сказано сестрѣ умершаго Лазаря предъ его воскрешеніемъ (Іоан. XI, 25). Святый же евангелистъ Матѳей въ безчисленныхъ Христовыхъ исцѣленіяхъ видитъ и указуетъ, какъ основаніе и духъ оныхъ, вообще ту тайну Христовой благодати, что Господь принялъ на Себя болѣзни и недуги грѣшныхъ людей: *Той недуги наши пріятъ и болѣзни понесе* (Мѳ. VIII, 17 и 16).

Итакъ, чрезъ чудотворенія вѣра поставлялась подъ водительство самой свѣтлой видимости, что совершенно согласно было съ ветхозавѣтнымъ ея настроеніемъ и представленіями; а предаваясь сему водительству, удобно

вводилась въ самый духъ и тайны новозавѣтной спасительной благодати и истины. *И видѣхомъ славу Его*, — говорятъ о себѣ вѣрно слѣдующіе такому водительству вѣры, — *видѣхомъ славу Его, яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. I, 14). Славная видимость Божественной силы и свѣта, открытыхъ въ Единородномъ, запечатлѣвалась вѣрою въ полноту благодати и истины, созерцаемую въ смиренномъ Его вочеловѣченіи. И напротивъ, по этому же самому характеру и значенію чудесъ Христовыхъ (т. е. какъ указаній на духовную, только вѣрою пріемлемую и созерцаемую, благодать), невѣрующіе, сейчасъ только сами видѣвши великое знаменіе напитанія нѣсколькихъ тысячъ пятью хлѣбами, такъ однако говорили Господу: *кое Ты твориши знаменіе, да видимъ, и вѣру имемъ Тебѣ* (IV, 30)? Не имѣя духа и взора вѣры, они и не примѣтили столь торжественнаго указанія на Божественную Благодать, даннаго въ ихъ очахъ. Въ другой разъ самъ Спаситель, изливаясь истинно рѣкою открытыхъ предъ всѣми чудотвореній, говорилъ однако о невѣрующихъ: *аминь глаголю вамъ, что не дастся роду сему знаменіе.* Повидимому, не исполнилъ Господь сего слова, когда напр. воскрешалъ Лазаря и при невѣрующихъ іудеяхъ, тутъ же поспѣшившихъ съ доносомъ о семъ къ фарисеямъ, которые, въ собравшемся синедріонѣ, говорили прямо: *человѣкъ сей многа знаменія творитъ* (Іоан. XI, 46 и 47). Но теперь, съ уясненіемъ значенія и существа Христовыхъ чудесъ, сіе кажущееся противорѣчіе Его словъ съ дѣлами устраняется само собою. «Что бы они ни видали, или ни слыхали изъ Моихъ безчисленныхъ чудесъ,—

какъбы такъ говорилъ Господь, — пусть въ ихъ глазахъ совершится и воскрешеніе Лазаря, пусть они сами придутъ посмотрѣть и осязать воскрешеннаго: однако *не дастся*, не совершится, не явится *для сего рода ни одного знаменія;* благодать, въ знаменіяхъ и чудесахъ Моихъ являемая и созерцаемая только вѣрою, будетъ на — всегда чужда и сокрыта отъ невѣрія.» Въ другомъ мѣстѣ о свидѣтельствѣ чрезвычайныхъ дѣлъ, *яже дяде Ему Отецъ*, Христосъ говоритъ подобно выше приведенному изрѣченію: *и пославый Мя Отецъ, самъ свидѣтельствова о Мнѣ: ни гласа Его слышасте, ни видѣнія Его видѣсте* (Іоан. V, 36 и 37). Это — первый, сколько недоступный для безвѣрія и упорства, столько вѣрный и удобный для вѣры, способъ къ переходу изъ-подъ видимости, свойственной ветхозавѣтнымъ представленіямъ, къ духу и истинѣ новаго завѣта! И это водительство предлагалось вѣрѣ въ чрезвычайной внѣшней дѣятельности Спасителя, впрочемъ — съ истолкованіемъ значенія оной въ самомъ ученіи.

Другой способъ такого же водительства для вѣры, и именно изъ ветхозавѣтной образности къ новозавѣтной духовной существенности, предлагалъ Господь въ своемъ ученіи, хотя и не безъ внѣшнихъ соотвѣтственныхъ дѣйствій. Сей способъ составляютъ Христовы притчи, или вообще, приточная, образная рѣчь въ Христовомъ ученіи, которою, съ одной стороны, предлагалась вѣрѣ отчасти еще ветхозавѣтная пища — *образъ*, а съ другой — указывалась *истина спасенія*, которую уже нельзя было понимать въ ея нераздѣльности отъ образа, а слѣдовало для сего отвлечь отъ образа. Изъ примѣра можно

видѣть это яснѣе. Когда Господь говорилъ о сѣятелѣ, о неводѣ, о заквашенномъ тѣстѣ и т. п.; то здѣсь на первомъ планѣ являлся *образъ*, иносказаніе: вотъ это—пища вѣрѣ съ ветхозавѣтнымъ настроеніемъ! Но всякому было ясно, что остановиться мыслію на буквѣ сего образа значило ничего не понять въ рѣчи Спасителя,—слѣдовало слѣдить въ образѣ и отвлекать отъ онаго мысль Спасителя: вотъ это уже свойственно новозавѣтной вѣрѣ, отдѣляющей истину отъ образовъ и тѣней! И такимъ образомъ, въ приточномъ ученіи Христовомъ вѣрѣ сколько удобно и просто было стать подъ привычную ей въ ветхомъ завѣтѣ образность, столько потомъ естественно и даже необходимо было (разумѣется, подъ условіемъ благодатнаго руководства Спасителя) возвышаться отъ образа прямо къ разумѣнію спасительной истины, или, что тоже, оказываться и утверждаться въ духовной области новаго завѣта. Изъ сего соображенія легко объясняется, во-первыхъ, все сказанное о притчахъ въ разныхъ мѣстахъ Евангелія,—чѣмъ и подтверждается въ свою очередь наше соображеніе, что оно не какое либо догадочное, а взятое изъ самаго существа дѣла. Такъ Господь приточную рѣчь, какъ именно обычную Ему въ земной жизни, противополагаетъ прямому откровенію объ Отцѣ и представляетъ оное еще не получившимъ тогда свободнаго себѣ мѣста въ слушателяхъ: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда кто̀му въ притчахъ не глаголю вамъ, но явь о Отцѣ возвѣщу вамъ* (Іоан. XVI, 25). *Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (тамъ же 12 ст). Итакъ ясно, что, при переходѣ изъ ветхаго завѣта въ

новый для вѣры была еще слишкомъ крѣпка и невыносима пища — прямое откровеніе таинъ, а притчи смягчали эту твердую пищу согласно съ пріемлемостію вѣры. Подобнымъ образомъ св. евангелистъ Маркъ замѣчаетъ о приточной рѣчи Христовой къ народу, что она была приспособлена именно къ духовной пріемлемости народа (IV, 33): *таковыми притчами многими глаголаше имъ слово, якоже можаху слышати.* А святый евангелистъ Матѳей притчи Христовы поставляетъ въ такую существенную связь съ ветхозавѣтными образными представленіями благодати, что въ сихъ послѣднихъ видитъ пророчественное указаніе на первыя, т. е. на притчи Христовы: *сія вся глаголa Іисусъ въ притчахъ народомъ, и безъ притчи ничесоже глаголаше къ нимъ: яко да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: отверзу въ притчахъ уста моя: отрыгну сокровенная отъ сложенія міра* (Матѳ. XIII, 34. 35). Какъ же понять это? Въ псалмѣ 77-мъ, изъ котораго цитовано евангелистомъ пророчественное мѣсто, изображаются историческія обстоятельства Божественнаго изведенія Израиля изъ Египта, но изображаются такъ, что въ сихъ обстоятельствахъ ясно выставляется на видъ сѣнь грядущей благодати, какъ это мы и имѣли случай примѣтить въ семъ же псалмѣ относительно манны, — этого (по псалму) *хлѣба съ небесе, хлѣба ангельскаго.* Пророкъ даже и опредѣленно выразилъ прообразовательное значеніе своего пѣсеннаго изображенія историческихъ обстоятельствъ древности, когда назвалъ оное *притчею, гаданіемъ испервa.* Но отвлекать и ясно отличать истину отъ образа (что замѣчается въ псалмѣ изъ опредѣленнаго названія историческаго описанія *притчею, га-*

даніемъ), принадлежитъ уже времени и самому Виновнику новаго завѣта, котораго и самое существо состоитъ въ истинѣ и благодати, прежде отъ начала міра представляемой болѣе или менѣе образно, а теперь уже отвлеченной отъ всякаго образа. Слѣдовательно, Псалмопѣвцу дано отъ Духа пророчества сказать то, что́ собственно принадлежитъ Христу. Сказать тоже другими словами: изреченіе псалма: «я отверзаю для притчи уста мои, произнесу гаданія изъ начальной древности», — имѣетъ пророчественный смыслъ и существенно относится ко Христу. Посему Евангелистъ въ притчахъ Христовыхъ, въ которыхъ отъ образа уже ясно для всѣхъ отличается истина, и видитъ осуществленіе сего пророчества: *да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: отверзу въ притчахъ уста моя, отрыгну сокровенная отъ сложенія міра* [1]). Итакъ, теперь изъ самаго же Евангелія подтверждено и то, что притчи, бывъ приспособлены собственно въ пріемлемости вѣры, неудобно вмѣщавшей прямое откровеніе объ Отцѣ, какъ это извѣстно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ изъ ев. Іоанна и Марка, —

---

[1]) *Сокровенная отъ сложенія міра*, въ еврейскомъ и въ переводѣ 70-ти: *гаданія отъ начала*, «отъ начальной древности». Мысль одна и таже: *гадательно* представляемое отъ самой начальной древности и есть *сокровенное отъ сложенія міра*. Св. Евангелистъ, приводя это мѣсто, отчасти и пояснилъ тотъ его смыслъ, что предъизображенная въ псалмѣ тайна Христова отображена уже и въ самомъ мірозданіи (въ «стихіяхъ міра,» по апостольскому выраженію), и такимъ образомъ содержитъ въ себѣ *сокровенное отъ сложенія міра*. Объ отображеніи тайны Христовой въ самомъ міротвореніи см. въ кн. «О православіи въ отношеніи къ современности»,—статью: объ особенностяхъ въ возрѣніи и жизни ветхозавѣтнаго человѣка». Тоже разслѣдовано въ особомъ сочиненіи: «изъясненіе первой гл. книги Бытія».

соотвѣтствуютъ собственно ветхозавѣтнымъ образнымъ представленіямъ о благодати. Изъ Евангелія же, съ уясненіемъ новыхъ мѣстъ о притчахъ, подтвердится и другая сторона нашего соображенія, что чрезъ притчи вѣра и вводилась въ область уже новозавѣтнаго разумѣнія таинъ, тогда какъ невѣріе и духовное ослѣпленіе оставалось *ни съ чѣмъ* и относительно притчей, какъ относительно и чудесъ Христовыхъ. Такъ въ ученикахъ Христовыхъ притчами возбуждалось духовное разумѣніе и разсужденіе вѣры, и они иногда сами разумѣвали въ нихъ спасительную истину, и такимъ образомъ оказывались въ духовной области благодатнаго царства: *глагола имъ Іисусъ: разумѣсте ли сія вся? Глаголаша Ему: ей, Господи. Онъ же рече имъ: сего ради всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовитту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (Матѳ. XIII, 51—52). *Разумѣсте ли сія вся:* а *сія вся*—это притчи, какъ можете видѣть изъ предъидущаго въ Евангеліи. «Такой-то истинный, достойный своего имени книжникъ, который вошелъ въ самый духъ и истину ученія о царствіи небесномъ,—какъбы такъ говорилъ Спаситель касательно уразумѣвшихъ смыслъ притчей,—оказывается распорядительнымъ и мудрымъ хозяиномъ, у котораго ни старое не пропадаетъ и не теряется (т. е. приточный образъ, приспособленный къ *ветхозавѣтной* сѣновности, какъ уже знаемъ), ни новое не остается внѣ сознанія и употребленія (т. е. духовная спасительная истина, свойственная уже *новому завѣту*). *Сего ради* (т. е. ради уразумѣнія смысла притчей) *всякъ книжникъ, научився царствію небесному*, духовнымъ его тай-

намъ и урокамъ, *подобенъ есть человѣку домовитому, иже износитъ изъ сокровища своего новая и ветхая»* Смыслъ словъ сихъ теперь простъ и понятенъ! Иногда же возбужденное въ ученикахъ Христовыхъ духовное разсужденіе только давало имъ понять, что спасительная истина—не въ буквѣ притчей, и возбуждало въ нихъ стремленіе и любовь къ ней, желаніе уразумѣть ее, и такимъ образомъ вѣра ихъ уже предупреждала самое уясненіе тайнъ, готовая сейчасъ же ихъ усвоить; и тогда уже удобно было открывать имъ тайны царствія прямо, во всей духовности. Такъ они спрашивали Господа о значеніи нѣкоторыхъ притчей; и Господь, при выразившейся чрезъ это готовности ихъ вѣры уразумѣть и усвоить прямое откровеніе духовной тайны или урока царства небеснаго, раскрывалъ прямо смыслъ притчей (напр. притчу о *сѣятелѣ*, о *плевелахъ сельныхъ*). И при семъ на недоумѣніе Апостоловъ, почему Господь не открываетъ также и предъ прочими іудеями смыслъ своихъ притчей (они о другихъ судили, видно по себѣ, думали, что и другимъ достаточно только открыть прямо спасительную истину, чтобы принять ее съ вѣрою, тогда-какъ и сами къ такой готовности вѣры приводились притчами же), на такое недоумѣніе ихъ Господь прямо отвѣчаетъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, оныимъ же не дано есть. Иже бо имать, дастся ему: а иже не имать, и еже имать, возмется отъ него. Сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ* (Матѳ. XIII, 11 — 13). Смотрите, какъ все до одной черты въ этихъ словахъ Господа дѣлается чрезъ наше соображеніе понятнымъ и выразп-

тельнымъ. «Въ васъ чрезъ притчи открывается благодатію духовное разумѣніе, духовное направленіе вѣры, и вамъ потому открываются прямо тайны царствія небеснаго. *Вамъ дано есть разумѣти тайны царствія*». (Что мысль о притчахъ нельзя здѣсь устранить, увидимъ изъ слѣдующихъ Христовыхъ словъ). *Внѣшніе же*, чуждые духа вѣры іудеи, *видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ;* чрезъ притчи, какъ и чрезъ чудеса, въ нихъ ни мало не поднимается мысль къ духовнымъ тайнамъ и урокамъ спасенія, не возбуждается искренняго и добросовѣстнаго желанія уразумѣть оныя, послушали, посмотрѣли, и пошли прочь; благодати нѣкъ-чему въ такихъ людяхъ привиться и открыть духовное око вѣры. *Онымъ же не дано есть.* «Вамъ, которые чрезъ самыя притчи получаете желаніе и готовность уразумѣть и принять съ вѣрою уроки царствія, — надобно и удобно преподать сіи уроки уже во всей духовной точности и полнотѣ къ усугубленію въ васъ животворнаго свѣта вѣры: *иже бо имать, дастся ему и преизбудетъ ему.* Напротивъ, тѣмъ, которые въ слушаніи притчей остаются по своему духовному коснѣнію и невѣрію *не-при-чемъ*, — какъ такимъ открывать духовныя тайны со всею точностію и полнотою? Для нихъ напрасна и у нихъ пропадаетъ или отъемлется и самая, обращенная къ нимъ, приточная рѣчь. Такъ чудно Благодать не оставляетъ въ попраніи своего Божественнаго бисера! *Иже не имать, и еже имать возмется отъ него.* Итакъ, вообще и кратко сказать: *сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ.* Да будетъ это для нихъ наказаніемъ отъ

пренебрегаемой ими истины и благодати: пусть они и остаются не-при-чемъ, когда ничего спасительнаго и духовнаго, даже и желанія узнать, въ чемъ дѣло, они не извлекаютъ изъ притчи. *Онымъ же внѣшнимъ въ притчахъ вся бываютъ* (какъ тоже сказано у св. Марка: IV, 12): *да видяще видятъ, и не узрятъ: и слышаще слышатъ, и не разумѣютъ: да не когда обратятся и оставятся имъ грѣси.* Ни-къ-чему духовно-спасительному нѣтъ у нихъ пріемлемости». Посему же Господь выражалъ неудовольствіе и на учениковъ, когда они сами не уразумѣвали смысла притчей, и такимъ образомъ поставлялъ духовное ихъ разсужденіе въ подвигъ уразумѣвать приточное и тѣмъ крѣпче усвоять вѣрою прямо открытое въ Его ученіи: *не вѣсте ли притчи сея? И како вся притчи уразумѣваете* (Марк. IV, 13)? Или: *тако ли и вы не разумливи есте?* Это говоритъ Господь, когда ученики не поняли вотъ этой притчи: *сквернитъ человѣка не входящее въ уста, а исходящее изъ устъ* (Марк. VII, 17).

Такъ подтверждена Евангеліемъ (съ уясненіемъ нѣкоторыхъ новыхъ неудобопонятныхъ въ Евангеліи мѣстъ) и остальная сторона нашего соображенія, т. е. что вѣра, подъ руководствомъ приточной Христовой рѣчи, изъ ветхозавѣтной образности удобно вводилась въ новозавѣтную область благодатнаго и духовнаго разумѣнія, хотя невѣріе должно было оставаться и здѣсь не-при-чемъ.

Изъ сдѣланнаго нами и теперь утвержденнаго самимъ Евангеліемъ соображенія о притчахъ уясняется, во-вторыхъ, то, почему приточная рѣчь столь обычна Спасителю, какъ Онъ и самъ говоритъ предъ страданіемъ вообще о своемъ ученіи: *сія*, или—доселѣ, *въ притчахъ*

глаголахъ вамъ (Іоан. VI). Это было не случайнымъ дѣломъ и должно быть изъясняемо не просто изъ обычая и любви Востока дѣлать притчи. Напротивъ, самая привычка и любовь Востока къ притчамъ должна имѣть свои глубокія основанія (на которыхъ утверждаются и всѣ особенности въ воззрѣніяхъ ветхозавѣтной древности), а обычная Спасителю приточная рѣчь есть намѣренное дѣло Премудрости, приспособляющейся къ ветхозавѣтнымъ воззрѣніямъ, безъ нарушенія и оскорбленія истины, и ведущей вѣру отъ сихъ воззрѣній или представленій именно къ новозавѣтной духовной истинѣ. Не должно же посему казаться страннымъ и непонятнымъ, что Господь, не только изрекая прямо притчи, но и извлекая изъ буквы изветшавшаго ветхозавѣтнаго порядка живую духовную истину, также какъ и изъясняя смыслъ и намѣреніе своихъ притчей,—выражается тоже приточною рѣчью (Матѳ. V, 22. 25. 29 и др. XIII, 52), или же допускаетъ загадочную неточность и вообще неполную опредѣленность (Матѳ. XIII, 12. V, 37). Это изъясняется изъ общаго-же закона и намѣренія приточной и загадочной Христовой рѣчи, т. е. изъ того, что такимъ образомъ возбуждается въ слушателяхъ духовное разумѣніе и желаніе узнать спасительную истину; духъ ихъ вводится въ подвигъ уразумѣвать духовную истину во всей точности и опредѣленности, чтобы тѣмъ тверже и внутреннѣе усвоить оную вѣрою. Отсюда понятно, что буквально понимающіе напр. это мѣсто: *аще рука десная соблазнитъ, отсѣцы ю,* или: *суть скопцы, иже скопиша себе ради царствія небеснаго,* или мечтающіе соблюсти заповѣдь Христову о клятвѣ чрезъ одно внѣш-

нее реченіе «да» и «нѣтъ», не думая о духѣ и значеніи онаго, и т. п., — всѣ такіе принадлежатъ къ сонму буквалистовъ мертваго и враждебнаго благодатной правдѣ іудейства: подобные ревнители буквы слова Божія рѣшительно суть тоже, что современные Христу іудеи, которые притчи и гаданія Христовы слушать — слушали, но ничего не слыхали. И такимъ образомъ обозначается самъ собою ключъ къ разумѣнію кажущихся неточностей и неопредѣленностей и гадательныхъ выраженій въ ученіи Господа: если останавливаться на нихъ неопредѣленной и гадательной буквѣ, то это значитъ— по-іудейски подавлять благодатное значеніе и духъ спасительной истины; и на оборотъ, при изученіи евангельскихъ бесѣдъ, всегда должно имѣть въ мысляхъ, какъ повѣряющее начало, самое существо Благодати и истины — спасающую во Христѣ Богочеловѣкѣ любовь Отца небеснаго, открывающую и предлагающую въ Немъ Св. Духомъ свои духовныя (т. е. существенныя, по пріемлемыя вѣрою) сокровища благодатныхъ даровъ и ученія, вводящую въ животворный духъ Христова человѣколюбія и мудрствованія; и, коль скоро какое разумѣніе евангельскаго мѣста (и вообще всякаго мѣста изъ слова Божія) оказывается несогласнымъ съ симъ: это значитъ, что оно чуждо истины и противно благодатной духовности, и — евангельское мѣсто не раскрыто во всей глубинѣ своего спасительнаго значенія.

Въ-третьихъ, уясняются въ самомъ основаніи своего употребленія и значенія и всѣ роды притчиной рѣчи Спасителя. Основаніе притчиной рѣчи Господа, по значенію оной, есть одно и тоже общее основаніе съ вет-

хозавѣтной образностію. Основаніе послѣдней есть проявленіе духовнаго и Божественнаго въ самомъ видимомъ, естественномъ и доступномъ чувствамъ (такъ какъ тайна Христова назначена уже въ самомъ міротвореніи, и потому отображена въ «стихіяхъ міра». Отсюда, поелику Божественное проявляется, во-первыхъ, во всей открытости своей въ мірѣ духовномъ, и, во-вторыхъ, образно отражено въ силахъ, законахъ и явленіяхъ внѣшней природы и міра земнаго, и, въ-третьихъ, посему отпечатлѣно въ силахъ, законахъ и явленіяхъ какъ нравственной стороны нашего существа, которою мы связаны съ духовнымъ міромъ, такъ и физической, которою связаны съ природой и вообще міромъ земнымъ, и, наконецъ въ-четвертыхъ, по потребностямъ благоустроенія церкви отражено и предъявлено было въ извѣстныхъ ветхозавѣтныхъ порядкахъ, видѣніяхъ, и т п: то приточная рѣчь Христова и бываетъ четырехъ родовъ, и смыслъ каждаго такого рода рѣчи опредѣляется просто и твердо изъ самаго свойства того или другаго, употребляемаго въ притчѣ, образа. Есть притчи, представляющія явленія изъ міра духовнаго (напр. о Лазарѣ и богачѣ): здѣсь истина сливается съ образомъ, какъ съ своимъ осуществленіемъ; приточный образъ есть явленіе самой истины. Есть притчи, берущія образъ изъ природы и внѣшняго міра (о сѣятелѣ, закваскѣ, неводѣ и т. п.): здѣсь является природа и внѣшній міръ—точно Едемъ, въ которомъ все видимое говоритъ о духовномъ и благодатномъ, только съ яснымъ различеніемъ между тѣмъ и другимъ, и — что въ природѣ бываетъ по законамъ естественной необходимости, то должно быть ра-

зумѣемо по законамъ свободнаго духа и благодати. Есть притчи, представляющія человѣка въ разныхъ отношеніяхъ—семейномъ, гражданскомъ и прямо духовно-нравственномъ: въ семъ послѣднемъ случаѣ (т. е. когда приточный образъ относится къ явленіямъ духовно-нравственнымъ) истина сливается съ приточнымъ образомъ, какъ съ своимъ собственнымъ явленіемъ и примѣромъ (напр. въ притчѣ о впадшемъ въ разбойники); а въ прочихъ—притчею представляется въ святомъ и духовномъ смыслѣ то, что съ человѣкомъ бываетъ естественно и житейски (напр. въ притчѣ о домоправителѣ неправедномъ, о судіи, Бога небоящемся и людей не стыдящемся). Четвертый и послѣдній родъ приточной или образной рѣчи Спасителя, по указанному выше общему основанію Его притчей, есть тотъ, когда образъ взимаемъ былъ Спасителемъ изъ самаго священнаго сѣновнаго порядка ветхозавѣтнаго, когда т. е. образъ, употребленный Спасителемъ, былъ уже освященъ для вѣры положительнымъ откровеніемъ или устроеніемъ Божественнымъ. Этотъ послѣдній родъ приточной рѣчи требуетъ особаго вниманія.

Смыслъ этого рода образной или приточной рѣчи, какъ и трехъ вышеозначенныхъ родовъ притчей [1]), опре-

[1]) Такъ въ тѣхъ родахъ приточной рѣчи, въ которыхъ образъ берется или прямо изъ духовнаго, горняго міра, или изъ религіозно-нравственнаго земнаго порядка, по свойству самаго такого образа,— истина представляется въ немъ, какъ въ своемъ существенномъ явленіи и примѣрѣ (только безъ указанія того, дѣйствительно ли былъ извѣстный приточный случай или только предположенъ былъ для примѣра), и, потому, рѣчь въ такихъ притчахъ должна быть понимаема не въ переносномъ или иносказательномъ смыслѣ, оставаясь однако приточною по своему основанію.

дѣляется свойствомъ самаго же приточнаго образа. Образъ, здѣсь употребленный, есть предметъ дѣйствительный, положительно самимъ Богомъ опредѣленный для вѣры въ своемъ прообразовательномъ значеніи. Посему, истина, открываемая въ такомъ образѣ, съ одной стороны, касается самаго сего образа, какъ предмета дѣйствительнаго, положительно-священнаго и духовно-выразительнаго для вѣры, а съ другой, въ тоже время, относится къ образуемому, по отношенію къ которому образъ и получилъ свое положительно-священное прообразовательное значеніе. Искать въ такой рѣчи истины относительно только образуемаго — значило бы отрицать или забывать, что самый образъ есть предметъ дѣйствительный, положительнымъ откровеніемъ и устроеніемъ Божественнымъ опредѣленный для вѣры въ своемъ образномъ значеніи; а разумѣть открываемую истину только касательно самаго образа — значило бы усвоять ему самостоятельное и существенно-важное для вѣры значеніе, слѣдовательно не проникать въ полную существенность истины, видную и въ образѣ, но имъ не ограничивающуюся. Такъ, слѣдя жизнь души въ проявленіяхъ оной въ тѣлѣ или смотря на тѣлесныя видоизмѣненія, какъ на живое выраженіе душевной жизни, по необходимости мы должны касаться вдругъ и жизни душевной и видоизмѣненій живаго тѣла. Тоже самое и здѣсь: положительный ветхозавѣтный образъ, взятый здѣсь, есть для вѣры, ведомой еще только въ новозавѣтный духъ, какъбы живое тѣло, а образуемый имъ предметъ новозавѣтный есть какъбы проявляющійся въ семъ тѣлѣ духъ или душа. Итакъ, смыслъ такого рода откровеній Спасителя тотъ,

что, съ одной стороны, открываетъ въ нихъ Господь то или другое относительно самой прообразовательной дѣйствительности, а съ другой — указуетъ то или другое и касательно тѣхъ предметовъ, которые прообразованы сею дѣйствительностію. Это есть смыслъ, относящійся съ одной стороны — къ прообразовательной дѣйствительности, а съ другой — къ прообразуемымъ ею предметамъ. Все это можно яснѣе видѣть въ примѣрахъ изъ Евангелія, которые и сами теперь могутъ быть яснѣе понимаемы. Образную въ семъ родѣ рѣчь Спасителя мы находимъ и въ духовно-нравственномъ, и догматическомъ Его ученіи. Наприм., когда (въ V гл. Матѳ.) Господь запрещаетъ кляться лицемѣрно, или кляться, не входя духомъ въ присутствіе Божіе, то Онъ между прочимъ говоритъ: *не клятися всяко... ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя.* Ясно, что *Іерусалимъ, какъ градъ великаго Царя,* взятъ здѣсь во вниманіе въ томъ священномъ значеніи, что онъ, съ извѣстнаго времени, по особенному устроенію и указанію Божію, сталъ собою образно представлять вѣрѣ область самой спасительной благодати и славы Божіей. Посему выходитъ такой смыслъ Христова запрещенія кляться Іерусалимомъ: «должно страшиться, какъ лукавства предъ самимъ Богомъ и, слѣдовательно, какъ дѣла отъ лукаваго, наружной, не соотвѣтствуемой духовнымъ предстояніемъ невидимому свидѣтелю — Богу, клятвы какъ ветхозавѣтными священными образами, такъ тѣмъ паче новозавѣтными, благодатными предметами.» Такимъ образомъ рѣчь Христова понята здѣсь въ отношеніи и къ образовательной и къ образуемой дѣйствительности. Другой примѣръ: когда Господь, говоря о чрезвычайномъ

обилiи и поразительности Своихъ чудесъ, выражается такъ: *отселѣ узрите небо отверсто, и Ангелы Божiи нисходящыя надъ Сына человѣческаго;* то Онъ, съ одной стороны, указуетъ на дѣйствительно бывшее пророчественное видѣнiе Iаковомъ неба отверстаго и Ангеловъ нисходящихъ и восходящихъ, а съ другой — представляетъ вѣрѣ, какъ исполненiе сего сѣновнаго пророчества, собственно духовное зрѣлище открываемой въ Немъ самомъ полноты благодати и постояннаго, но не зримаго служенiя Ему горнихъ силъ. Но особенно-выразительнымъ образомъ употребляетъ Господь образность такого рода въ пророчествахъ.

Таково пророчество или опредѣленiе Господне о разрушенiи Iерусалима (въ XXIV гл. Матѳ., XIII Марк. и XXI Луки). Пророчество сiе, какъ извѣстно, есть одно изъ самыхъ затруднительныхъ отдѣленiй Писанiя и особенно новаго завѣта. Затрудненiе въ томъ состоитъ, что, во-первыхъ, въ семъ пророчествѣ нельзя не видѣть ясныхъ и рѣзкихъ указанiй не только на разрушенiе Iерусалима и вообще опустошенiе земли обѣтованной (напр. Матѳ. 15 ст. Лук. 20 ст. и др.), но вмѣстѣ и на кончину мiра и второе славное пришествiе Iисуса Христа (см. Матѳ. 29. 30). Но при семъ, во-вторыхъ, все пророчество представляется однимъ цѣлымъ, одною цѣльною картиною, безъ строгаго и точнаго раздѣленiя между столь разными и взаимно-отдаленными событiями [1]), каковы — разрушенiе

---

[1]) Это съ особенною поразительностiю открывается въ евангелiи Матѳея: Спаситель говоритъ сначала объ обольщенiи многихъ лжехристами, о войнѣ, о гладѣ и моракъ, далѣе — о повсюдной и всеобщей ненависти къ христiанамъ, объ ослабленiи и между ними прав-

Іерусалима и кончина міра. Итакъ, задача истолкованія сего пророчества въ томъ: какъ въ семъ пророчествѣ Христовомъ — и два столь разные и разновременные предмета признать, и — не нарушить насильственно столь ясной цѣльности и единства пророчественной картины? Думаютъ разрѣшить задачу тѣмъ, что смѣшанный былъ вопросъ учениковъ *(когда сіи будутъ* — разрушеніе Іерусалимскаго храма, *и что есть знаменія Твоего пришествія, и кончины міра?)*, и что потому не имѣетъ точности и отвѣтъ Христовъ. Но этимъ, кажется, не разрѣшается, а болѣе запутывается дѣло: не понятно, почему такое странное смѣшеніе кончины міра съ разрушеніемъ Іерусалима вошло въ вопросъ учениковъ, и еще болѣе не

ды и любви, хотя и будетъ проповѣдано евангеліе во всемъ мірѣ, потомъ — о мерзости запустѣнія на святомъ мѣстѣ, о необходимости бѣгства изъ Іудеи въ горы, о наступающей затѣмъ самой страшной скорби и о самой великой и для избранныхъ опасности отъ обольщенія, — о разрушеніи, наконецъ, всего видимаго міра и о славѣ втораго пришествія. И все это Господь представляетъ столь опредѣленнымъ и яснымъ само по себѣ, какъ понятно весеннее развитіе деревъ, листьевъ (32—33); современный родъ представляется будущимъ очевидцемъ всецѣлаго исполненія пророчества (ст. 34); и пророчеству усвояется непреложность и твердость, предъ которою исчезаетъ все твердое въ мірѣ: *небо и земля мимо идутъ, словеса же Мои не мимоидутъ* (ст. 35). У евангелиста Марка — тоже, но нѣсколько короче. У Луки есть Господне указаніе на скончаніе временъ языковъ, раздѣляющее, по-видимому, пророчество о разрушеніи Іерусалима и о кончинѣ міра (ст. 24); но, во-первыхъ, *времена языковъ* неопредѣленны въ своемъ значеніи: это выраженіе даже представляется равнозначительнымъ опущеннымъ Лукою словамъ Христовымъ у Матѳея: *и проповѣстся евангеліе всѣмъ языкомъ*. Во-вторыхъ, послѣдующая рѣчь Христова соединяется съ предъидущею, какъ не раздѣльная отъ нея по предмету: *и падутъ во остріи меча и плѣнени будутъ..., и Іерусалимъ будетъ попираемъ...* и затѣмъ подобно: *и будутъ знаменія въ солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ*, и т. далѣе.

понятно, почему Спаситель не только не исправилъ, но своимъ отвѣтомъ какъбы подтвердилъ и оправдалъ смѣшанныя представленія учениковъ. «То естественно для ока вѣчнаго, говорятъ, чтобы времена сближались предъ нимъ въ одинъ взоръ.» Мысль совершенно справедливая и глубокая! Но когда Вѣчный благоволилъ открывать тайны своего совѣта столь ограниченному временемъ человѣку: то свойственно уже не превышемірное воззрѣніе Его на судьбы и предметы міра, рѣшительно не доступное для твари, но снисхожденіе къ образу воззрѣнія человѣческаго.

Изъ сдѣланнаго выше соображенія объ основаніяхъ и свойствѣ Христовой рѣчи такого рода, предреченіе Христово о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ міра можетъ быть изъяснено и проще и удовлетворительнѣе, во всѣхъ своихъ затруднительныхъ отношеніяхъ. Іерусалимъ, земля обѣтованная, избранный народъ, о судьбахъ которыхъ ближайшимъ образомъ была рѣчь у Господа съ учениками,—все это есть дѣйствительность, и дѣйствительность священная, но не самостоятельная въ своемъ священномъ значеніи. Она была священною по образовательному своему отношенію къ Христову царству, съ Его открытою благодатію: представляя въ себѣ царство Христовой благодати, Іерусалимъ и Израиль въ своемъ благословенномъ удѣлѣ являются, по ветхому завѣту, непобѣдимыми никакими опасностями, опустошеніями и разсѣяніемъ, торжествующими надъ всѣми врагами и входящими въ самое новое небо и новую землю (см. Захар. XIV, 8. 12. 17; Ис. 65 гл., 17—19 и др. весьма многія). Правда, у пророка Даніила говорится о

мерзости запустѣнія во святилищѣ и о конечномъ *опустѣніи* Іерусалима (въ пророчествѣ о *седьминахъ*, въ IX гл.), но это соединяется у него съ *скончаніемъ* самого *времени* (*и даже до скончанія времени скончаніе дастся на опустѣніе*). Итакъ, можно сказать вообще о значеніи сей святыни—іерусалимскаго храма и всего святаго града: по образовательному отношенію опой къ царству Христову, за ея опустѣніемъ, вѣрѣ ветхозавѣтной (не могущей съ точностію отвлекать духовной существенности благодати отъ ея образа) ничего уже не могло быть видно, кромѣ *скончанія* самого *времени*, кромѣ *новаго неба и земли новой*, въ которыхъ въ вѣчной славѣ явится опять тотъже Іерусалимъ и Израиль. Вѣра учениковъ Христовыхъ только еще вводилась въ духовную область новаго завѣта, въ разумѣніе духовной существенности благодати, отрѣшенной отъ сѣней и образовъ,—и, слѣдовательно, сама по себѣ не могла еще различать духовной существенности царства Христова отъ его образовъ. И отсюда дѣлается совершенно понятнымъ, почему они, услышавъ отъ Христа о конечномъ разрушеніи самого средоточія сихъ образовъ царства Христова—іерусалимскаго храма, соединили съ этимъ мысль о скончаніи времени и объ открытіи грядущимъ Христомъ новаго неба и новой земли. *Изшедъ Іисусъ, идяше отъ церкве; и приступиша къ Нему ученицы Его, показати Ему зданія церковная. Іисусъ же рече имъ: не видите ли вся сія? Аминь глаголю вамъ, не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится. Сѣдящу же Ему на горѣ Елеонстѣй, приступиша къ Нему ученицы наединѣ, глаголюще: рцы намъ, когда сія будутъ? И что*

есть знаменіе Твоего пришествія, и кончина вѣка (см. Матѳ. XXIV, 1—3). *Знаменіе пришествія и кончины вѣка:* изъ соединенія сихъ понятій видно, что пришествіе Христово разумѣли они уже такое, съ которымъ кончится сей вѣкъ и, слѣдовательно, видоизмѣнится весь міръ,— будутъ новыя и земля и небо. Итакъ, въ вопросѣ учениковъ открывается собственно не смѣшеніе понятій, но свойственное ветхозавѣтной вѣрѣ воззрѣніе на царство Христово — не въ духовной его существенности, но въ ветхозавѣтныхъ образахъ, безъ точнаго разграниченія образа отъ образуемаго. Не было это нимало не похоже и на то извращеніе ветхозавѣтной вѣры, когда напр. въ манѣ только останавливались на одной чувственной ея сторонѣ и однако считали опую *хлѣбомъ съ небесе, хлѣбомъ ангельскимъ;* напротивъ, здѣсь выразилось воззрѣніе истинной *вѣры,*—воззрѣніе вѣры именно на Христово царство, только безъ полнаго отвлеченія силы и значенія его отъ образовъ: *кое знаменіе пришествія Твоего,* говорили Христовы ученики, занятые судьбою Іерусалима, о разрушеніи котораго они узнали отъ Господа. При семъ надобно взять во вниманіе и то, что, въ порядкѣ дѣла Христова, еще не обосновалось благодатное Его царство — окончательно, во всей своей духовной существенности (крестною смертію и воскресеніемъ); слѣдовательно, съ Іерусалима и его святилища не было еще рѣшительно совлечено священное и спасительное для вѣры, образовательное ихъ значеніе. Самъ Господь возвѣщалъ, что прообразовательная тайна іерусалимскаго храма должна разрѣшиться именно чрезъ Его смерть и воскресеніе: *разорите церковь сію* («храмъ сей»), такъ

говорилъ Господь іудеямъ, *и трьми днии воздвигну ю. Онъ же глаголаше*, замѣчаетъ св. Евангелистъ, *о церкви* («о храмѣ») *тѣла своего. Егда убо воста отъ мертвыхъ, помянуша ученицы Его, яко се глаголаше* (Іоан. II, 19—22). Итакъ, въ отношеніи къ святилищу іерусалимскому, сѣнь образовъ еще не была упразднена и отмѣнена явленіемъ самаго тѣла, самой существенности благодатныхъ событій—смерти и воскресенія Христова; ветхозавѣтные здѣсь образы сохранили еще въ себѣ для вѣры жизненность духовной тайны, не открывшейся еще вполнѣ въ своей духовной существенности. Отсюда и становится понятнымъ, почему Господь, въ настоящемъ случаѣ, не отрѣшаетъ сейчасъ же духовной истины отъ ея образовъ. Онъ въ семъ случаѣ человѣколюбиво и премудро снисходитъ къ воззрѣніямъ вѣры своихъ учениковъ такъ точно, какъ то дѣлаетъ и вообще въ притчной рѣчи своей, и вмѣстѣ строго соображается съ порядкомъ собственнаго дѣла. Вотъ почему Онъ въ своемъ Божественно-властительномъ пророчествѣ не разграничиваетъ со всею точностію рѣшительной судьбы Іерусалима отъ рѣшительныхъ судебъ Своего царства! Это было бы не совмѣстно и съ пріемлемостію вѣры учениковъ, выраженной въ вопросѣ,—вѣры, не извращенной въ настоящемъ случаѣ мертвымъ іудействомъ, а только не разграничивающей по ветхозавѣтному духовной истины отъ ея образовъ, и отвѣтъ Господа, слѣдовательно, былъ бы отвѣтъ истинно не на вопросъ; да и не благовременно было это по самому порядку Его дѣла: это было бы отступленіемъ отъ премудрой послѣдовательности и истинности въ порядкѣ Его служенія. Ибо въ разсматриваемомъ

случаѣ какъ для вѣры были еще живы образы ветхозавѣтные, такъ и сами по себѣ эти образы еще не разрѣшились событіями въ выражаемой ими благодати и истинѣ.

Когда же такимъ образомъ Господь благоволилъ снизойти, въ своемъ пророчественномъ откровеніи, къ точкѣ воззрѣнія своихъ учениковъ, т. е. къ воззрѣнію на благодатное Свое царство еще отчасти въ ветхозавѣтныхъ образахъ онаго—въ Іерусалимѣ, храмѣ и проч., или къ воззрѣнію на Іерусалимъ, Израиля и проч., какъ представляющихъ въ себѣ благодатное Его царство: то уже свойственно было Ему, въ одномъ и томъ же пророчествѣ, съ одной стороны, касаться судьбы самыхъ сихъ образовъ, а съ другой — указывать на судьбы самого благодатнаго Своего царства (по отношенію къ которому Іерусалимъ, Іудея и проч. имѣли свое священное для вѣры, образное значеніе). Ибо, иначе, при ограниченіи пророчества только или Іерусалимомъ и іудеями, безъ отношенія къ Христовой церкви, или христіанскою церковію, безъ мысли объ Іерусалимѣ и іудеяхъ,—слѣдовало бы уже измѣнить принятое воззрѣніе на Іерусалимъ и іудеевъ, какъ образно представляющихъ въ себѣ благодатное царство, или, что̀ тоже, воззрѣніе на благодатное царство въ образѣ Іерусалима, храма, Іудеи, и проч. Съ удержаніемъ же этого воззрѣнія, все пророчество должно представлять такую цѣльную картину, въ которой всѣ пророчественныя черты имѣютъ свойственное своему существу приложеніе и къ Іерусалиму, къ іудеямъ, и къ царству благодатному, — къ церкви христіанской. И при томъ, по свойству сего же самаго воззрѣнія, по

которому съ разрушеніемъ Іерусалима и храма, изображавшихъ Христову церковь, неразрывно соединялся конецъ и всего міра и открытіе царства Славы, — одна половина пророчества прямымъ образомъ указываетъ именно на разрушительный конецъ всего церковно-гражданскаго устройства іудеевъ, но не опуская изъ виду послѣдующихъ судебъ Христовой церкви; а другая половина — прямо представляетъ конецъ міра и открытіе царства Славы, но, тоже, во внутренней связи сего съ разрушеніемъ Іерусалима. Такъ, когда Господь говоритъ объ опасности обольщенія лжехристами, о войнахъ между народами и царствами, о моровыхъ язвахъ, землетрясеніи и голодѣ, о соблазнѣ многихъ, объ охладѣніи во многихъ любви, о повсюдномъ проповѣданіи евангелія, о мерзости запустѣнія въ святилищѣ, о нуждѣ поспѣшнаго бѣгства изъ Іудеи, о крайней жестокости бѣдствій и скорби (Матѳ. XXIV, 4—22), объ окруженіи Іерусалима войсками (Лук. XXI, 20), о пораженіи и плѣненіи іудеевъ во вся языки, о покореніи Іерусалима (Лук. XXI, 24): то въ сей первой половинѣ пророчества Онъ ясно указуетъ на обстоятельства паденія Іерусалима и іудеевъ, предшествующія, сопутствующія и послѣдующія. Это видно изъ прямаго указанія на Іудею, на Іерусалимъ, на святилище; и — событія въ точности оправдали пророчество [1]). Но что Господь не ограничивался въ

---

[1]) *Войны* были между Оттономъ, Вителліемъ, Веспасіаномъ; *мятежи* — въ Кесаріи, Птолемандѣ, Тирѣ, и проч. *Обольстители:* Ѳевда, Симонъ — волхвъ, Досиѳей (у Флавія) и др. *Землетрясенія* разрушили цѣлые города въ Азіи, Сициліи, Калабріи, Понтѣ, Кампаніи, Македоніи и Ахаіи. *Моръ* былъ въ Римѣ, Кампаніи, Іерусалимѣ.

этомъ же самомъ пророчествѣ послѣднимъ временемъ іудейскаго церковно-гражданскаго устройства, но обнималъ и послѣднія времена прообразуемаго онымъ міра христіанскаго, послѣднія земныя обстоятельства своей Церкви, — это также совершенно ясно. И, во-первыхъ, ясно это изъ слѣдующихъ Христовыхъ выраженій: *но не тогда кончина* (ст. 6), и: *тогда пріидетъ кончина* (ст. 14). Какая это кончина? Апостолы спрашивали о *кончинѣ вѣка*. Во-вторыхъ, проповѣданіе евангелія *по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкамъ*, во всей строгой точности, не могло быть отнесено къ апостольскому времени. Такъже, въ-третьихъ, и скорбь, *яковаже не бысть отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти*, такъ что *аще не быша прекратилися дніе оны, не спаслася всяка плоть*, въ строгомъ смыслѣ сихъ словъ — есть скорбь послѣднихъ временъ, имѣющая постигнуть точно всякую плоть и рѣшительно безпримѣрная (это есть *всепгубительство*, по выраженію Апостола, 1 Сол.). Въ-четвертыхъ, такова же и крайняя опасность отъ лжехристовъ, *якоже прельстити, аще возможно, и избранныхъ*, собственно есть опасность послѣднихъ временъ, указанная тѣмъ же Апостоломъ во 2 посланіи къ Солунянамъ. Не говоримъ о прочихъ пророческихъ чертахъ, тоже слишкомъ сильныхъ для послѣдняго времени собственно церковно-гражданскаго іудейскаго порядка: напр. *востанетъ языкъ*

Голодъ три раза въ Италіи, однажды въ Іудеи. Іерусалимъ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ; святилище осквернено. Проповѣдь евангельская еще Апостолами разносима была по всей землѣ. Соблазны и оскудѣніе любви между многими въ христіанствѣ обличаемы были тогда уже Апостолами.

на языкъ, и царство на царство, изскяковеніе любви и нужда въ терпѣніи до конца — болѣе принадлежитъ послѣдующимъ временамъ, нежели тому времени. И наконецъ, въ-пятыхъ, тоже открывается и изъ самаго перехода отъ сихъ пророческихъ чертъ къ прямому изображенію втораго пришествія Христова, который выражается безъ всякаго разграниченія временъ такими словами: *тогда, — абіеже по скорби дній тѣхъ* (ст. 23. 29). Все это, особенно бывъ взято вмѣстѣ, служитъ вполнѣ достаточнымъ удостовѣреніемъ, что Господь, въ первой половинѣ своего пророчества, имѣя въ виду главнымъ образомъ *послѣднее время и конецъ сыновнаго церковно-гражданскаго устройства іудеевъ*, указуетъ въ тоже время на послѣднія времена и конецъ земнаго странствованія Церкви Христовой. И въ семъ случаѣ, наиболѣе усиленныя черты пророчества съ болѣе строгою буквальностію относятся къ послѣднимъ временамъ христіанства, нежели къ послѣднему времени іудейскаго церковно-гражданскаго устроенія; а напротивъ, прямыя указанія на святилище, на Іудею и Іерусалимъ, буквально относясь къ симъ образнымъ предметамъ, имѣютъ образное значеніе и касательно послѣднихъ временъ христіанства. Апостолъ Павелъ, говоря о наступленіи послѣднихъ временъ и о противникѣ, превозносящемся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, *якоже сѣсти ему въ церкви Божіей, аки Богу*, представляетъ въ этомъ самую ужасную, предуказанную въ Христовомъ пророчествѣ, *мерзость на мѣстѣ святѣ* (2 Сол. II, 3); тайнозритель Іоаннъ видѣлъ, что, предъ открытіемъ царства Славы, враждебные *языки, сущія на четырехъ углѣхъ земли,* окру-

жили *святыхъ станъ и градъ возлюбленный* (XX, 8. 9),— образъ, взятый изъ пророчества Христова объ окруженіи Іерусалима непріятелемъ! И въ этомъ прямое подтвержденіе того, что Господь, говоря о паденіи Іерусалима, имѣлъ въ виду и послѣднія земныя судьбы духовнаго незыблемаго Іерусалима — Церкви христіанской.

Обратимся и къ остальной половинѣ сего пророчества. Когда Господь, въ слѣдъ за великими скорбями и крайними опасностями для самой вѣры, предрекаетъ помраченіе солнца, луны, и нпспаденіе звѣздъ, пришествіе Свое, объемлющее своимъ дѣйствіемъ и явленіемъ весь міръ, славное и торжественное само по себѣ, открытое и страшно-поразительное для всѣхъ колѣнъ земныхъ, и наконецъ — собраніе Ангелами всѣхъ избранныхъ отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ (ст. 23—31 Матѳ.): то, очевидно, Онъ живописуетъ кончину міра и Свое славное и страшное второе пришествіе. Это очевидно и изъ того самаго, что Спаситель спокойно и съ исторической послѣдовательностію и опредѣленностію изображаетъ будущія событія; и потому, изображеніе кончины всего видимаго и славы Христова пришествія нельзя иначе понимать, какъ въ строгомъ собственномъ смыслѣ. Тоже видно и изъ подобныхъ мѣстъ: и именно—какъ изъ словъ самого Спасителя, когда Онъ, напр., разкрывая смыслъ притчи о неводѣ и плевелахъ сельныхъ, изображаетъ кончину міра такими же прямыми чертами (Матѳ. XIII, 40—49; тоже XXV, 31 и проч.), такъ и изъ подобнаго же изображенія кончины міра св. Апостолами (напр. 2 Сол. I, 7. 10. II, 1. и др.). Но нельзя отрицать и того, что кончина міра и славное второе пришествіе Христово и

вообще *переходъ царства Христова изъ области благодати и вѣры въ торжество вѣчной Божественной славы*, представляется Господомъ во внутренней связи съ разрушеніемъ Іерусалима и, слѣдовательно, съ особеннымъ значеніемъ для этого разрушительнаго конца іудейскаго церковно-гражданскаго порядка. Это видно всего яснѣе опять изъ того же перехода въ рѣчи Спасителя отъ описанія бѣдствій и скорбей, разрушенія Іерусалима, къ настоящему изображенію кончины міра и торжественнаго конца страннческаго состоянія избранныхъ: *тогда... абіе по скорби днiй тыхъ*. Это — у св. Матѳея. У св. Марка: *тогда... въ тыя дни, по скорби той* (ст. 21. 24). У св. Луки: *и будутъ знаменія... и тогда узрятъ Сына человѣческаго* (ст. 25. 27). Говорить, что подобными выраженіями можетъ означаться время по отношенію не къ вышеизображеннымъ, а къ послѣдующимъ обстоятельствамъ, можно; но остановиться на семъ—значитъ изъяснять неудобовразумительное непонятнымъ расторженіемъ явно-цѣльной и единой пророчественной картины. Впрочемъ самъ Спаситель всѣ черты своего пророчества прямо сводитъ въ одно общее, имѣвшее совершиться еще при современномъ Ему родѣ: *аминь глаголю вамъ, не мимоидетъ родъ сей, донделе вся сія будутъ*, говоритъ Онъ въ заключеніи своей владычественной рѣчи о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ міра (Матѳ. XXIV, 34). Итакъ, видно, сила кончины міра должна была, по слову Христову, выразиться и въ разрушительномъ концѣ ветхозавѣтнаго порядка, съ разрушеніемъ всѣхъ священныхъ его памятниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, ветхозавѣтные еще пророки указывали на нѣкоторое помраченіе солнца и луны и на страшныя

знаменія на небѣ и на земли, имѣвшія быть еще *прежде даже не прiити дню Господню великому и просвѣщенному* (Іоан. XI, 30—32), прежде кончины міра. Тайнозритель видѣлъ помраченіе солнца и луны, паденіе звѣздъ и проч. еще при самомъ началѣ своихъ таинственныхъ видѣній (Апок. VI, 12—14), въ продолженіи которыхъ, за тѣмъ, еще многократно являлись и солнце и луна и звѣзды. Итакъ, нисколько не колебля собственнаго и буквальнаго значенія Христова изображенія кончины міра и втораго Своего пришествія, мы однако-же должны признать и особенное значеніе онаго относительно Іерусалима. Разрушеніе Іерусалима, храма и вообще всего церковно-гражданскаго іудейскаго устройства должно было совершиться сплою и по суду Грядущаго — положить нѣкогда конецъ всему странническому устроенію Церкви и измѣнить весь міръ, и притомъ должно было отобразить въ себѣ оный послѣдній страшный всемірный переворотъ—кончину міра. Вотъ особенное значеніе изображенія сего всемірнаго измѣненія относительно Іерусалима! Пока не снято было окончательно съ порядковъ и памятниковъ ветхозавѣтной ѳеократіи живое значеніе образовъ благодатнаго Христова царства, —предрекаемое разрушеніе сихъ памятниковъ и порядковъ не могло не выражать въ себѣ и самаго окончанія всего земнаго устройства церковнаго, всего странствованія Христовой Церкви, — этого благодатнаго царства...

И такимъ образомъ, чрезъ все пророчество Христово имѣются въ виду, съ одной стороны, конецъ іудейскаго церковно-гражданскаго порядка, а съ другой — конецъ и всего настоящаго порядка міра и Церкви; и

все пророчество есть одна внутренно-стройная и цѣльная картина опредѣленныхъ и божественно-непреложныхъ Христовыхъ судовъ, исполненія которыхъ долженъ быть свидѣтелемъ относительно Іерусалима—родъ современниковъ Христовыхъ; относительно всего міра и Церкви христіанской — вѣчно живой и непрестающій родъ, по мысли св. Златоуста, духовнаго Израиля-христіанъ. Низойдя къ воззрѣнію вѣры учениковъ, не довольно разграничивающей еще сѣновнаго ветхозавѣтнаго порядка отъ существеннаго новозавѣтнаго, Господь чрезъ это и вводитъ вѣру ихъ въ уразумѣніе тайныхъ судебъ того и другаго—разрушенія перваго и перехода въ славу послѣдняго. Съ полнымъ открытіемъ для нихъ и въ нихъ царства Христова, уже не могъ быть непонятнымъ для нихъ такой смыслъ пророчества: евангелистъ Лука въ рѣчи Спасителя дѣлаетъ уже разграниченіе между относящимся прямо къ іудеямъ и прямымъ же изображеніемъ втораго пришествія Христова; Тайнозритель видитъ и окруженіе Іерусалима врагами въ послѣднихъ судьбахъ міра (Апок. XX, 8), и помраченіе свѣтилъ небесныхъ въ началѣ судебъ христіанской Церкви (Апок. VI, 12—14).

Подобный случай въ Евангеліи, соединенный съ самыми дѣйствіями Спасителя, представляется (въ XXI гл. Матѳея, XI Марка, XIX Луки, Іоанна XII) въ торжественномъ Христовомъ входѣ въ Іерусалимъ. Затруднительность сего мѣста состоитъ въ слѣдующемъ: какое значеніе и цѣль сего событія — мгновеннаго явленія для іудеевъ и въ іудеяхъ торжественнаго свѣта и славы царства Христова? И почему даже маловажныя обстоя-

тельства, какъ возрастъ осляти, замѣчаются Евангелистомъ? Отвѣчать, что сіе все *бысть, да сбудется реченное пророкомъ* (Захар. IX, 9.), значитъ — не столько разрѣшить, сколько еще болѣе затруднить дѣло: почему это событіе изъ служенія Христова, съ подробностями, повидимому, маловажными, предуказано даже пророками? Отвѣчать, что св. отцы видѣли въ семъ событіи пророчество о порядкѣ раскрытія благодатнаго Христова царства въ родѣ человѣческомъ, значитъ — рѣшить отчасти затрудненіе; но надо, подъ этимъ руководствомъ святоотеческаго толкованія, разъяснить такой смыслъ въ семъ событіи. Все затрудненіе здѣсь можетъ быть разрѣшено изъ того, что, въ торжественномъ своемъ входѣ въ Іерусалимъ, Христосъ является Царемъ для іудеевъ и Іерусалима, или въ самыхъ іудеяхъ и Іерусалимѣ. Іерусалимъ же и Израиль имѣютъ отношеніе къ царству Христову, какъ образные представители онаго (см. у пр. Захар. далѣе); и такъ какъ благодатное царство тогда еще не обосновалось и не открылось окончательно (крестною смертію и воскресеніемъ Спасителя): то съ Іерусалима и Израиля еще не было окончательно совлечено образовательное, священное для вѣры значеніе, о чемъ мы уже имѣли случай выше говорить. Посему торжественное явленіе царства Христова въ Іерусалимѣ и для Іерусалима, открывшееся во входѣ Христовомъ въ Іерусалимъ, получаетъ глубокій смыслъ и существенно важное значеніе въ служеніи Христовомъ. При концѣ своего служенія Господь исходитъ съ Своею благодатію до самыхъ престающихъ и сѣновныхъ формъ іудейства, и въ собственномъ Лицѣ открываетъ царство Своей истины и

благодати во всей ихъ существенности, а вмѣстѣ и совершенно согласно съ дѣтскими представленіями и чаяніями ветхозавѣтной вѣры, по буквальному смыслу пророчества: Онъ открыто является, какъ Царь Сіона. Это былъ истинно *день Іерусалима*, какъ Господь при семъ событіи и говорилъ, обращаясь къ Іерусалиму: «о, если бы ты хотя въ сей день твой узналъ то, что служитъ къ благосостоянію твоему» (Лук. XIX, 42)! Для самой ветхозавѣтной вѣры благодать возсіяла, какъ солнце. И такимъ образомъ, вѣра послѣдователей Христовыхъ вполнѣ насладилась желанною еще ей пищею торжественной видимости (и какъ они возрадовались!... Лук. ст. 37 и 38), предуготовляясь чрезъ это и къ предстоящему ей въ страданіяхъ Христовыхъ чрезвычайному искушенію; а невѣріе, прикрывающееся личиною ветхаго завѣта, вполнѣ обличилось и оказалось совершенно безотвѣтнымъ. Тогда же произшесъ Господь, хотя со слезами, и рѣшительный приговоръ на Іерусалимъ (Лук. 41 — 44). Но въ этомъ еще одна сторона сего великаго событія, котораго предполагается другая, въ ней же завитая. Въ царственномъ входѣ Христовомъ въ Іерусалимъ, по не отмѣненному еще образному значенію Іерусалима, всѣ обстоятельства сего событія получаютъ образное или символически-пророчественное значеніе, относящееся къ открытію въ мірѣ духовнаго и непрестающаго царства Христовой истины и благодати. Царственному святому граду Іерусалиму, съ восторгомъ привѣтствующему это царство въ лицѣ самого Божественнаго Царя, соотвѣтствуетъ Церковь христіанская, имѣющая во всей существенности и истинѣ духовно-

царственныя сокровища благодати, которыя въ ветхомъ завѣтѣ только еще образно принадлежали Іерусалиму. Молодому осляти, не знавшему на себѣ никакого бремени и теперь подъявшему на себя являющагося Царя благодати, въ духовномъ царствѣ Христовомъ должны соотвѣтствовать уже нравственныя творенія, въ которыхъ собственно и воцаряется Христосъ, — человѣческія души, которыя собственно и подъемлютъ Его своею вѣрою. Какія же это души? Не знавшія на себѣ никакого духовнаго бремени, ничѣмъ духовно не обязанныя и не связанныя, ходившія своими путями: по этимъ признакамъ сами собою обозначаются здѣсь язычники. Ослицѣ подъяремной, въ духовномъ царствѣ Христовомъ, должны соотвѣтствовать тѣ души, которыя были уже подъ духовнымъ игомъ, бывали связаны и обременяемы духовно: и здѣсь легко примѣтить народъ подзаконный, связанный и обремененный закономъ, оказавшимся для него одною стѣсняющею и убивающею буквою. Христосъ возсѣдаетъ именно на молодое осля (Лук.), хотя не отвергаетъ и ослицы (Матѳ.): слѣдовательно, язычники имѣли предвосхитить у Израиля царство Христово, хотя и Израилю оставлена надежда спасенія. На явленіе Христова царства, имѣющее простереться на весь міръ, указуетъ и самое пророчество Захаріи, буквально исполнившееся въ торжественномъ входѣ Христовомъ въ Іерусалимъ (Захар. IX, 9—12): *радуйся зѣло, дщи Сіоня.... се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна.... И обладаетъ водами отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до исходищъ земли.* Ученики Христовы и дѣти еврейскія ощутили благодатное явленіе царства Хри-

стова, почему и восклицали: *осанна Сыну Давидову.* Но полный смыслъ какъ сего событія, указующаго на совершенное открытіе благодатнаго царства Христова, такъ и Захаріина о семъ пророчества уразумѣть, съ точнымъ разграниченіемъ образовъ отъ истины, было возможно, конечно, уже не иначе, какъ по окончательномъ разрѣшеніи образовъ ветхозавѣтныхъ и совершенномъ открытіи сего благодатнаго царства—въ воскресеніи и прославленіи Христовомъ (Іоан. XII, 14—16). *Сихъ не разумѣша ученицы Его прежде*, замѣчаетъ евангелистъ Іоаннъ, по описаніи входа Христова въ Іерусалимъ и указанія на ветхозавѣтное о томъ пророчество, *но егда прославися Іисусъ, тогда помянуша, яко сія быша о Немъ писано, и сія сотвориша Ему.* Къ полному уразумѣнію тайнъ духовнаго царства Христова вѣра учениковъ и была готовима подобными Христовыми внушеніями и дѣйствіями; такъ что имъ, по совершенномъ открытіи царства Христова, слѣдовало только, въ силѣ Св. Духа, *воспоминать* сего рода откровенія (Іоан. XIV, 26).

Другое подобное откровеніе: когда Господь изгонялъ изъ храма извѣстныхъ продавцевъ, и іудеи требовали отъ Него доказательствъ такой Его власти распоряжаться храмомъ: то Онъ сказалъ: «разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его» (Іоан. II, 19). Духовный храмъ благодати, въ которомъ вѣра имѣетъ прямой доступъ къ Отцу и вопіетъ предъ Нимъ въ самомъ духѣ благодатнаго сыноположенія: *Авва Отче!* — не былъ еще открытъ для вѣры: ибо это открылось во Христѣ, смертію покрывшемъ всѣ наши вины предъ Отцемъ и возсіявшемъ въ воскресеніи всею животворностію любви къ

намъ Отца небеснаго. Посему, Іерусалимскій храмъ, какъ незамѣненный еще существеннымъ храмомъ духа, тогда еще не былъ разоблаченъ отъ своего спасительнаго значенія для вѣры, какъ образъ сего Божественнаго храма. Господь и указуетъ іудеямъ на этотъ самый образъ—съ одной стороны, какъ на истинное знаменіе существеннаго права и власти Своей блюсти святость храма, духъ и сила котораго сосредоточены въ собственномъ Его Лицѣ (это требовалось по отношенію къ тогдашнему случаю), а съ другой — пользуется симъ образомъ къ выраженію возвышеннѣйшихъ духовныхъ тайнъ Своей благодати (это нужно было для тѣхъ, которые въ храмѣ уже не ощущали благодатнаго его значенія). «Кому же и вступиться за цѣлость и святость храма противъ васъ—осквернителей и раззорителей его святости, какъбы такъ было сказано имъ,—если не Тому, Кто есть душа и первообразъ сего храма,—какъ не Мнѣ, истинному и существенному божественному храму Божіей любви къ вѣрующимъ и сыновняго дерзновенія и общенія къ Богу вѣрующихъ, чего только сѣнію служитъ сей храмъ? Кому и имѣть право вооружаться противъ осквернения святилища любви Божіей, какъ не Мнѣ, вземлющему на Себя вину вашихъ скверны предъ Богомъ, для открытія вамъ свободнаго доступа къ Божіей Отеческой любви,—воспріявшему и эту плоть для вселенія и открытія въ ней полноты Божества вѣрующимъ? Вы возмечтаете и успѣете разрушить и сей живый храмъ Моей плоти, какъ нарушаете святыню вашего храма; но чрезъ то самое вполнѣ и совершится и откроется для вѣры этотъ Божественный храмъ Благодати, имѣя воздвигнуться Моею Божественною си-

лою въ третій день по разрушеніи. *Разорите церковь сію, и тремя деньми воздвигну ю».* Тогда это была загадка, не разрѣшимая вполнѣ и для Апостоловъ: ибо не открылся еще вполнѣ опый существенный храмъ благодати — чрезъ смерть и воскресеніе Христово. Но такъ какъ основаніе и существо сей загадки заключалось въ ветхозавѣтномъ образѣ, еще не разрѣшенномъ въ своемъ духѣ: то она была удобопріемлема развѣ только для духовнаго ощущенія, а еще не для точнаго разумѣнія вѣры. По открытіи же живаго и живоноснаго храма благодати — смертію и воскресеніемъ Спасителя, ученикамъ слѣдовало только припомнить сію загадку, чтобы вполнѣ уразумѣть вѣрою значеніе и ея самой и самого ветхозавѣтнаго храма, облеченнаго въ ветхозавѣтномъ писаніи въ значеніе образа существеннаго святилища Христовой благодати: *егда воста отъ мертвыхъ*, замѣчаетъ Евангелистъ, по описаніи сего случая, *помянуша ученицы Его, яко се глаголаше: и вѣроваша писанію и словеси, еже рече Іисусъ* (Іоан. II, 22). *И вѣроваша писанію.* Какому? Тому, безъ сомнѣнія, которое близко къ слову Христову объ исполненномъ благодати храмѣ тѣла Его, или въ которомъ указуется на разрѣшаемое во Христѣ образное значеніе ветхозавѣтнаго святилища (сюда, напр., относится псаломъ XXIII, гдѣ представляется святилище, въ которое имѣютъ доступъ только неповинные руками и чистые сердцемъ, въ которомъ они и пріемлютъ благословеніе и милость отъ Бога Спаса своего. Какъ же открывается это святилище? Въ подъятыя его врата входитъ Господь силъ, Царь славы. Святилище, очевидно, духовное, препрославленное и Божественное! Въ него вхо-

дитъ вѣра; въ немъ живетъ Благодать; оно открыто и занято Царемъ славы: это есть превознесенное состояніе самого Христа, вводящаго насъ въ Самомъ Себѣ въ любовь Божію. Но такое Божественное святилище созерцаетъ Псалмопѣвецъ въ образѣ ветхозавѣтнаго святилища — *въ горѣ святѣй*).

Таковы послѣдняго рода образныя откровенія Христовы! Свойство и самое существо образовъ, здѣсь употребляемыхъ, состоитъ въ томъ, что, по особенному устроенію Божественному въ ветхомъ завѣтѣ, нѣкоторые дѣйствительные предметы сами въ себѣ и въ своихъ дѣйствительныхъ видоизмѣненіяхъ должны были представлять духовныя тайны Христова царства; во время земной жизни Господа до самой Его смерти, такіе ветхозавѣтные образы, при всемъ изветшаніи своемъ, еще не были окончательно отмѣнены. По такому, еще дѣйственному для вѣры, свойству сихъ образовъ, откровенія такого рода должно разсматривать и изъяснять съ двухъ сторонъ, и именно — должно слѣдить, съ одной стороны, что́ Господомъ открыто касательно самого образнаго предмета, еще положительно-священнаго для вѣры, а съ другой — что́ въ тоже время открыто Имъ относительно таинъ и судебъ духовнаго Христова царства. Такъ, Господь въ одной и той же пророчественной картинѣ открываетъ и послѣднюю судьбу Іерусалима, и грядущія рѣшительныя судьбы своего царства; такъ, входъ въ Іерусалимъ составляетъ вмѣстѣ и дѣйствительное, столь важное для Іерусалима и учениковъ Христовыхъ, событіе, и пророчественный образъ наступающаго открытія царства благодатнаго; также, и, только лишь разсмотрѣв-

нос, гадательное изреченіе Спасителя есть и прямой отвѣтъ на требованіе іудеевъ знаменія для оправданія извѣстнаго Его поступка въ іерусалимскомъ храмѣ [1]), и вмѣстѣ откровеніе основныхъ тайнъ благодати — смерти Его и воскресенія. Опять изъ свойства же сихъ ветхозавѣтныхъ образовъ, какъ не отмѣненныхъ еще полнымъ открытіемъ царства Христова, изъясняется и то, что образныя сего рода откровенія Христовы не могли быть и для вѣры учениковъ вполнѣ понятны до совершеннаго открытія царства Христова: для вѣры ихъ и самый образъ имѣлъ еще живое или оживленное Спасителемъ значеніе, — какъ же было отвлечь отъ сего образа духовную тайну? Довольно того, что эти откровенія были удобопріемлемы для вѣры учениковъ съ образной своей стороны; по совершенномъ открытіи благодати, самъ собою разрѣшился для нихъ и весь смыслъ сихъ откровеній; слѣдовало только припомнить оныя. Итакъ, сего рода откровенія дѣлали вѣру учениковъ совершенно готовою къ пріятію того преизобилія духовнаго свѣта, которое имѣло для нихъ открыться съ воскресеніемъ и превознесеніемъ Христовымъ. Такъ премудро (хотя и не мудрено для уразумѣнія и вниманія нашей вѣры) Господь возводитъ вѣру изъ ветхозавѣтной видимости и образности къ духу и истинѣ новаго завѣта, поставляя ее именно въ область видимости же и образности, которыя, между тѣмъ, открывали вѣрѣ въ себѣ уже другую область — духовной истины и благодати.

Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда для вѣры

---

[1]) Изгнаніе продавцевъ изъ храма.

уже положено было совершенно достаточное основаніе вѣрить открываемой благодати, и когда потому невѣріе происходило уже отъ добровольной слѣпоты и нехотѣнія вѣровать, — небесному Свидѣтелю истины и благодати свойственно уже было открывать оныя прямо въ духовной ихъ существенности, чтобы тѣмъ полнѣе и вѣру просвѣтить и рѣшительнѣе обличить и отвергнуть упорное невѣріе. Иначе, вѣра лишилась бы той открытости свѣта, къ чему уже была у ней пріемлемость, а невѣріе пользовалось бы снисходительнымъ умѣреніемъ сего свѣта, уже совершенно безъ пользы и даже къ злоупотребленію. Примѣры сего мы уже видѣли, хотя приводили оные съ другою цѣлію. Укажемъ еще на нѣкоторые въ доказательство настоящей мысли. Такъ (см. въ V гл. Іоан.), открытое предъ всѣми исцѣленіе Іисусомъ Христомъ при овчей купели одного человѣка, *тридцать и осемь лѣтъ имущаго въ недузѣ своемъ*, — какъ дѣло прямо Божественное, — было достаточно для іудеевъ къ уразумѣнію дѣйствующей во Христѣ Божественной десницы. Но не смотря на то, сіе самое дѣло Христово современному іудейству показалось столь беззаконнымъ, что, по поводу онаго, *гоняху Іисуса, и искаху Его убити, зане сія творяше въ субботу* (ст. 16). Что же тутъ было дѣлать? Оказалось вдругъ, что современнымъ іудействомъ какъ законъ субботы извращенъ былъ до послѣдней ужасной крайности, такъ же рѣшительно отвергаемо было самое основное и непреложное руководство вѣры. — очевидное явленіе и дѣйствіе Божества. Итакъ, настоятельно требовалось: во-первыхъ, и законъ субботы поставить въ истинномъ и вѣчномъ его значеніи и духѣ; иначе, онъ

остался бы въ конецъ разореннымъ. Это по извѣстному уже намъ прежде, общему закону устроенія и открытія новаго завѣта! И, во-вторыхъ, слѣдовало открыть духовную истину уже безъ малѣйшаго прикрытія какимъ-либо гаданіемъ: ибо это послѣднее было бы потворствомъ рѣшительному невѣрію, потворствомъ на счетъ самой, извращаемой или отвергаемой невѣріемъ, истины, и, слѣдовательно, уже въ прямой вредъ и соблазнъ вѣрѣ. Здѣсь открыто и свирѣпо попирали бисеръ истины, заключающійся въ законѣ субботы, и готовы были разорвать небеснаго Свидѣтеля истины, являющагося такимъ въ самыхъ дѣлахъ. Посему, прикрывать истину и малѣйшею тѣнію, въ настоящемъ случаѣ, значило бы оставить оную подъ ногами этихъ нечистыхъ животныхъ. Слѣдовало во всемъ свѣтѣ, со всею точностію открыть оную. Это уже по настоятельному, изъ существа же дѣла опредѣляемому, закону, принятому Господомъ въ Его служеніи. И Онъ, истинно какъ Господь субботы, прямо отмѣняетъ букву совершенно изветшавшаго и извращеннаго закона субботы и прямо же выражаетъ сокрытую въ семъ законѣ истину, не допуская никакого гаданія и иносказанія. Законъ субботы гласитъ: *яко въ той почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ Богъ творити* (Быт. II, 3). Господь глаголетъ, повидимому, прямо противъ сего: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю.* Онъ не удостоиваетъ невѣріе даже и того удостовѣренія, что, говоря противъ буквы закона, Онъ однако не разоряетъ, а удерживаетъ и вполнѣ раскрываетъ мысль его.

Нужно ли соображать и соглашать отвѣтъ Господа съ закономъ субботы: *почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ?* Сдѣ-

лаемъ это, чтобы напомнить прежде уже нами раскрытое, какъ Господь законополагалъ новозавѣтный порядокъ безъ насилія ветхозавѣтному, раскрывая первый изъ самого существа и духа сего послѣдняго или, по выраженію самого Господа, *не разоряя, а исполняя законъ и пророки.* Основаніе субботы, какъ дня святаго, въ законѣ поставляется такое: *освяти его, яко въ той почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ Богъ творити.* Творческая Любовь вполнѣ удовлетворилась дѣломъ рукъ своихъ, какъ совершенно соотвѣтствующимъ Ея мысли и намѣреніямъ, и почила на своихъ созданіяхъ, не простираясь къ новымъ ихъ видамъ. И день, въ который открылся сей божественный покой, естественно былъ совокупнымъ торжествомъ и творческой Любви, веселящейся о дѣлахъ своихъ, и твореній, удовлетворившихъ Творца своимъ тварнымъ совершенствомъ и наслаждающихся почившимъ въ нихъ Его благоволеніемъ: *и освяти Богъ день седьмый.* Вторгшійся въ міръ грѣхъ нарушилъ—было это торжество Бога и Его твореній, расторгши самый союзъ между ними. Но поелику тогда же объявлено опредѣленіе божественное—возстановить союзъ твореній съ Творцемъ и, слѣдовательно, снова и навѣки открыть взаимное торжество творческой Любви и вѣрныхъ Ей созданій: то суббота оставалась для вѣры, и послѣ грѣхопаденія. При обиліи останковъ эдемской жизни (хотя и отторгнутой отъ своего животворнаго начала), нужно было только какъ можно строже отличать день субботній отъ прочихъ дней, и — вѣрѣ въ обѣтованнаго Спасителя еще удобно было входить въ духъ первоначальнаго взаимнаго торжества Бога и твореній,

а чрезъ это предъусвоять и грядущее вѣчное торжество. И вотъ, Моисеемъ подтвержденъ первоначальный законъ субботы со всею строгостію, такъ что нарушавшихъ оный только собираніемъ дровъ побивали камнями; при ощутительномъ для вѣры отсвѣтѣ первобытнаго состоянія и, въ его образѣ, грядущаго спасенія, нарушители субботы были открытые противники стремящейся почить въ нихъ творческой Любви. Итакъ, что же былъ законъ субботы въ своемъ существѣ? Онъ былъ одинъ изъ ветхозавѣтныхъ способовъ къ созиданію и предъявленію спасенія человѣческаго; чрезъ сей законъ творческая спасающая Любовь предъуготовляла для вѣрующихъ и давала имъ предощущать новую и вѣчную субботу. Теперь не то; теперь закономъ субботы вооружаются прямо противъ лица явившейся спасающей міръ Любви и противъ открытыхъ Ея спасительныхъ дѣйствій: на основаніи закона субботы ищутъ убить Спасителя. Итакъ законъ: *почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ*, сталъ для іудейства мертвою буквою, исключающею уже живую духовную мысль о спасающей и возсоздающей любви Творца, и даже направлялся прямо противъ усилій божественной Любви найти въ возсоздаемыхъ Ею покой для Себя; а между тѣмъ, единственно на основаніи яснаго указанія субботы на сію возсоздающую любовь Творца, и оставлена суббота въ законѣ. Слѣдовало мертвую букву отмѣнить и основную мысль закона о субботѣ изложить прямо: и вотъ ветхозавѣтная суббота прешла, и возсоздающая творческая Любовь открывается во всемъ свѣтѣ своего возсоздательнаго дѣланія: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю.* Что разумѣется здѣсь соб-

ственно дѣланіе нашего спасенія, — это подтверждается слѣдующимъ ходомъ бесѣды. Что имя *Отца* должно понимать въ собственномъ смыслѣ, какъ Отца по естеству,— это открывается изъ того, что обстоятельства сей бесѣды не допускаютъ здѣсь и тѣни иносказательной прикровенности; сами іудеи не могли не понять собственнаго смысла сего имени, какъ видно изъ ихъ обвиненія Христа, что Онъ, называя Бога Отцемъ Своимъ, *равенся творитъ Богу;* далѣе Господь со всею настоятельностію подтверждаетъ строгое собственное значеніе имени Отца, какъ Отца по естеству.

Открытый свѣтъ благодати еще болѣе, какъ и слѣдовало ожидать, ослѣпилъ упорное въ невѣріи іудейство: *и сего ради паче искаху Его іудеи убити, яко не токмо разоряше субботу, но и Отца своего глаголаше Бога, равенся творя Богу.* Для нихъ, видно, тоже совсѣмъ утратилось, въ описаніи дѣлъ творенія, живое значеніе множественнаго числа, указующаго на троичность въ Божествѣ, въ словахъ: *Elohim* [1]), или: *сотворимъ* человѣка, или: *яко единъ отъ насъ....* и подобн.

И Господь продолжаетъ поражать невѣріе прямымъ откровеніемъ забытой имъ тайны самаго существа и внутреннихъ дѣйствій творческой и возсоздающей любви: *аминь аминь глаголю вамъ, не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не сже видитъ Отца творяща: сже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ. Отецъ бо любитъ Сына, и вся показуетъ Ему, еже самъ тво-*

[1]) *Въ началѣ сотвори Богъ....* имя Бога въ сихъ словахъ и далѣе въ еврейскомъ подлинникѣ поставлено въ множественномъ числѣ: Elohim.

рить (ст. 19 и 20). Отсюда раскрываетъ Онъ тайну и внѣшнихъ проявленій и дѣйствій сей любви, простирающихся до самаго открытія вѣчнаго торжества ея въ рѣшительномъ спасеніи всѣхъ вѣрующихъ и пораженіи всѣхъ враждебныхъ, что́ и составляетъ тайну будущей вѣчной субботы: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъже хощетъ, живитъ.... грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ.... и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая въ воскресеніе суда* (ст. 21 — 23). Вотъ къ какому вѣчному дню покоя, предуказанному субботою, ведетъ дѣланіе творческой любви, столько раздражившее безумную іудейскую ревность о субботѣ (ст. 21—29)! За тѣмъ, прямо же предъ всѣми открываетъ Господь тайну и Своего земнаго служенія, съ указаніемъ на непреложныя основанія для вѣры въ Него и на причины и безотвѣтственность іудейскаго невѣрія (30 — 47).

Итакъ, то самое начало, чтобы открывать тайны подъ условіемъ пріемлемости вѣры и не давать истины на попраніе невѣрію, при подавленіи истины открытымъ и упорнымъ невѣріемъ, — настоятельно требовало уже полнаго и опредѣленнаго ея прояснения: тогда какъ во всякомъ другомъ случаѣ въ силу тогоже начала, благоугодно Господу (какъ мы видѣли), чтобы не иначе, какъ въ притчахъ говорить народу.

По сему же началу или закону, — когда чудо напитанія пяти тысячъ пятью хлѣбами было достаточно къ утвержденію вѣры въ Господа, и когда оно между тѣмъ оживило въ іудеяхъ только плотскія мечтанія о мірскомъ

царствѣ Мессіи, такъ что, на требованіе духовной вѣры, они отвѣчали Господу: *кое знаменіе твориши*, и вооружились противъ Него самыми пророками, именно указаніемъ пророческимъ на *хлѣбъ съ небеси:* то противъ такого невѣрія, готоваго даже злоупотребить умѣреніемъ свѣта истины, — мы уже знаемъ, какъ прямо и опредѣленно возвѣщалъ Господь всенародно одну изъ самыхъ глубокихъ истинъ благодати, именно — тайну *небеснаго хлѣба*, тайну пріобщенія Своего божественнаго тѣла и крови, вводящаго въ соучастіе Его жизни, Его человѣколюбиваго духа. Этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что прямымъ откровеніемъ высочайшей тайны (Евхаристіи) не только невѣріе, но и фальшивая вѣра обличилась въ своей лживости и отдѣлилась отъ истинной вѣры, а вѣра яснѣе обозначилась и тверже выразилась (Іоан. VI, 66 — 69).

Подобно, когда и вѣра Никодима утвердилась на основаніи дѣлъ Христовыхъ, однако же связывалась плотскими представленіями іудейства: Господь просвѣщалъ оную также уже полнымъ свѣтомъ истины (какъ мы выше видѣли); ибо иначе нужно было бы твердо-основанную вѣру оставить въ темнотѣ іудейской лжи.

Также, когда «возсѣдающіе на Моисеевомъ сѣдалищѣ», послушаніе которымъ (только не въ превратномъ духѣ и дѣлахъ ихъ) внушалъ Господь народу, по точномъ дознаніи чуднаго отверзтія Христомъ очей слѣпорожденному, — всѣтаки признавали Христа простымъ, притомъ грѣшнымъ человѣкомъ, настоятельно внушая тоже и самому исцѣленному: то Господь уже не только въ притчѣ, но, при непониманіи іудеями притчи, и прямо

всенародно возвѣстилъ, что въ дѣлѣ учительства идти не *дверью* самого Христа, или поступать не въ порядкѣ и духѣ самого Христа, полагающаго душу свою за овецъ, свойственно уже не пастырямъ, а ворамъ и разбойникамъ или наемникамъ, оставляющимъ овецъ на расхищеніе волку (Іоан. X гл. сн. IX гл.). Господь не щадилъ и лучшихъ своихъ учениковъ, когда прирожался къ нимъ духъ лжи, закрывающій или прерѣканіями извращающій истину. Такъ Онъ прямо обличилъ этотъ сатанинскій духъ, приразившійся—было и къ Петру, когда послѣдній, вовсе впрочемъ не злонамѣренно, прерѣкалъ точно и прямо открываемой Христомъ тайнѣ искупительныхъ Его страданій и смерти. И затѣмъ прямо же внушалъ Господь, что и послѣдователи Его должны быть общниками (человѣколюбиваго до самопожертвованія) духа и силы Его страданій, неся крестъ свой и полагая души свои (Мат. XVI, 21—26).

Всѣ подобныя мѣста для насъ особенно важны: потому что въ нихъ содержится то, чѣмъ можно повѣрять разумѣніе и приточныхъ рѣчей Господа, какъ мы объ томъ говорили. И хорошо для насъ, что изъ самыхъ существенныхъ началъ Христова дѣла уясняется и подтверждается строгая точность и полная опредѣленность такихъ евангельскихъ мѣстъ. Случается встрѣчать такое перетолкованіе сихъ мѣстъ, что строго-точную рѣчь Спасителя понимаютъ въ смыслѣ иносказанія и ссылаются на, обычную Христу, приточность или образность рѣчи. Вотъ въ чемъ иные *прельщаются, не разумѣя писанія!* Ибо въ силу того же самаго начала, которое въ другихъ требуетъ умѣренія или прикровенія истины образно-

стію, — при подавленіи истины ложью открытаго невѣрія и при пріемлемости вѣры къ полной истинѣ, является уже совершенная неумѣстность образной рѣчи, какъ уже вредящей и вѣрѣ и истинѣ. Слѣдовательно, подобные перетолкователи не только извращаютъ смыслъ строго-точной рѣчи Господа, но не разумѣютъ основаній и значенія самой приточной образности въ Христовомъ ученіи, на которую ссылаются. Основаніе и значеніе приточно-образной рѣчи Христовой ихъ и опровергаютъ. И кромѣ того, въ такихъ случаяхъ Господь, случается, не разъ повторяетъ противъ недоразумѣній и невѣрія открываемую истину въ однихъ и тѣхъ же точныхъ выраженіяхъ, съ удостовѣреніемъ: «истинно, истинно говорю вамъ». И наконецъ, въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, разъясняющихъ ученіе Христово во всѣхъ частяхъ, можно найдти прямое мѣсто, подобное всякому такому отдѣленію изъ евангелія.

Итакъ, вотъ общій порядокъ того, какъ благопотребно и благоугодно было Господу законополагать новый завѣтъ и вводить вѣру въ духъ и истину онаго! Являя въ чудесахъ Божественное свое посланничество и властительство, Господь, во-первыхъ, сталъ подъ ветхозавѣтный порядокъ, но, рѣшительно отвергая плотское и мертвое направленіе тогдашняго іудейства, Онъ разрѣшалъ отъ извѣтшавшей и мертвой буквы ветхаго завѣта живый духъ благодати и истины, и такимъ образомъ разкрывался Имъ уже новозавѣтный порядокъ. Во-вторыхъ, вѣру послѣдователей своихъ Онъ поставлялъ подъ обычную въ ветхомъ завѣтѣ видимость и приточную образность, которыя, впрочемъ, въ Его ученіи и дѣйствіяхъ, содержали

и выражали въ себѣ духовную истину и благодать уже новаго завѣта; и такимъ образомъ благопослушливая вѣра удобно и просто переходила изъ завѣта ветхаго въ область новаго завѣта. Такъ открывался Господомъ новый Его завѣтъ безъ всякаго насилія и оскорбленія ветхому завѣту, разкрываясь изъ самаго духа и по пророчествамъ послѣдняго, хотя иногда вовсе и прямо отрицая изветшавшую букву закона и пророковъ; и вѣра изъ-подъ — ветхозавѣтной видимости и образности беспрепятственно входила въ новозавѣтный духъ и истину, такъ-что созрѣвала даже до пріемлемости полнаго и точнаго откровенія духовныхъ истинъ и таинъ благодати. Для одного только, враждебнаго истинному духу вѣры и благодати, современнаго іудейства было невыносимо духовное законоположеніе Христовой истины и благодати, какъ прямо противоположное этому мертвому іудейству и его, въ его же области и изъ ветхаго же завѣта, рѣшительно обличающее и осуждающее. Только для одного духовнаго ослѣпленія и упорства были недоступны Христовы откровенія истины и благодати, которыя и открываемы были ослѣпленнымъ только въ обличеніе и осужденіе ихъ вольной слѣпоты.

По такому порядку дѣла Христова, естественно, что, съ одной стороны, невѣрующее іудейство болѣе и болѣе ожесточалось и вооружалось противъ Божественнаго Сообщителя истины и благодати, духъ и сила которыхъ были нестерпимы плотскимъ іудействомъ, а съ другой — вѣрные последователи болѣе и болѣе преуспѣвали въ духовномъ уразумѣніи и усвоеніи вѣрою тайнъ Христовыхъ. На послѣдней вечери уже можно было пре-

подать имъ, во всей силѣ и существенности, дары Христовой благодати — тѣло и кровь Христову, и — въ прощальной бесѣдѣ Христосъ называлъ ихъ уже Своими друзьями, которымъ вполнѣ уже извѣстна отъ Него воля Отца небеснаго. Впрочемъ, не совсѣмъ перестали въ нихъ дѣйствовать и ветхозавѣтныя начала: такъ-что, чѣмъ болѣе они вѣровали во Христа, Царя благодати, тѣмъ для нихъ не понятнѣе было ученіе Христово о предстоящихъ Ему страданіяхъ и смерти; это никакъ не умѣли они согласить съ своею идеею о Мессіи, и вотъ почему они или дерзали прекословить этому Его ученію, какъ Петръ (только-что предъ тѣмъ исповѣдывавшій своего Учителя Христомъ, Сыномъ Бога живаго), или совершенно не разумѣли онаго, да и спросить боялись; на самой тайной вечери разсуждали и спорили о правахъ въ Христовомъ царствѣ. Съ своей стороны, и враги Христовы всѣмъ синедріономъ положили наконецъ рѣшительное опредѣленіе, *да единъ человѣкъ умретъ за люди* (Іоан. XI, 50), сами не зная того, что̀ творили и какъ говорили. Только искали удобнаго къ тому случая, испытавъ не разъ тщету своихъ враждебныхъ противъ Него замысловъ и усилій. При самомъ достиженіи своей злобной цѣли, они отступили и пали отъ одного слова Христова: *Азъ есмь*. Между тѣмъ именно соразмѣрно раскрытію во врагахъ Христовыхъ злобы и противленія, а въ послѣдователяхъ Его — пріемлемости вѣры и любви, Господь и раскрывалъ Свою искупительную любовь къ грѣшнымъ, заблуждающимъ и погибающимъ людямъ, жертвуя за нихъ Самъ Собою, и давая вѣрѣ глубже входить въ разумѣніе и соучастіе Своихъ тайнъ.

Такъ, наконецъ, злобѣ и тьмѣ іудейства дана полная власть и воля къ своему обнаруженію, такъ что оно успѣло привести къ исполненію злоумышленія своего противъ Господа — и языческое правительство. И у вѣры во Христа, какъ уже достаточно укрѣпившейся, отъяты были и послѣднія опоры ветхозавѣтной видимости; такъ-что это былъ послѣдній рѣшительный шагъ ея въ полноту вѣчной благодати и истины, когда она была истинно во всѣхъ мученіяхъ и опасностяхъ новорождающагося младенца, по слову Христову: *жена егда раждаетъ, скорбь имать, яко приде годъ ея.. и вы же печаль убо имате нынѣ* (Іоан. XVI, 21. 22). Равно, что касается Христова дѣла устроенія новозавѣтнаго порядка, когда ветхій законъ былъ извращенъ до той послѣдней уже степени, что во имя самаго Божія закона и убили Начальника жизни благодатной, что отъ Царя истины и благодати торжественно отрекся самый избранный Его народъ, и такимъ образомъ весь тогдашній міръ оказался только областію противленія Отцу небесному (Іоан. XXIII, 36. сн. I Іоан. II, 16), тогда новый завѣтъ рѣшительно былъ совершенъ страданіями и смертію за насъ Господа, какъ будто Онъ одинъ и былъ виновенъ за всѣхъ, за весь міръ всѣхъ временъ. Этимъ самымъ уже окончательно отнималась спасительная сила и обязательное значеніе у образнаго церковнаго устройства и рѣшительно открывался міръ новый, спасаемый міръ новозавѣтной истины и благодати. И воскресшій Господь является во всемъ свѣтѣ побѣдоносной надъ всѣмъ зломъ и простирающейся на весь міръ власти Своей всеобъемлющей любви, открывающей всѣмъ благоволеніе Своего Отца въ силѣ

Святаго Духа: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли... Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы... Пріимите Духъ Святъ* (Мат. XXVIII, 18. 19. Іоан. XX, 21. 22). Вѣра учениковъ должна была только благодатно воспроизводить въ памяти прежнія Христовы откровенія и обратить вниманіе на пророчественныя указанія, во свѣтѣ открывшейся имъ и въ нихъ благодати: и всё разрѣшалось и уяснялось для нея. *Рече же имъ: сія суть словеса, яже глаголахъ къ вамъ еще сый съ вами, яко подобаетъ скончатися всьмъ написаннымъ въ законѣ Моисеовѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о Мнѣ. Тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія: и рече имъ, яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію, и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима* (Лук. XXIV, 44—47). Устроеніе новаго завѣта совершилось и увѣнчалось! Такое законоположеніе новаго завѣта и изложено именно въ четвероевангеліи.

ПОРЯДОКЪ ОТКРЫТІЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ МІРѢ НОВОСОЗДАННОЙ ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ, И НОВЫХЪ ОТКРОВЕНІЙ ЧРЕЗЪ СВ. АПОСТОЛОВЪ.

Слѣдовало, далѣе, совершившійся новый завѣтъ раскрыть для всего міра, открытіемъ въ немъ и распространеніемъ новосозданной Церкви. Здѣсь потребны но-

выя чрезвычайныя распоряженія и откровенія благодати,— какъ по отношенію къ самому новозавѣтному порядку вещей, такъ и для руководства новозавѣтной вѣры.

Вѣрѣ, которая, съ отъятіемъ въ страданіяхъ и смерти Господа всѣхъ знаковъ свѣтлой для нея видимости, вошла въ самый глубокій и невыносимый мракъ, не удобно было выйти изъ онаго иначе, какъ самымъ видѣніемъ вполнѣ открывшейся и побѣдоносной благодати, что и дано было вѣрѣ въ четыредесятидневныхъ явленіяхъ воскреснаго Господа. Но вѣра не только въ частности нѣкоторыхъ никакъ не хотѣла и признавать благодати, какъ только по удостовѣренію чувственнымъ видѣніемъ [1]), или хотѣла какъ можно ближе, съ чувственнымъ прикосновеніемъ держаться видимаго Подателя благодати [2]); но и вѣра вообще всѣхъ учениковъ представляла пришедшее царство благодати, какъ торжественное благодатное *устроеніе* именно *царства израилева* (Дѣян. I, 8). Но не таково было самое существо новоустроеннаго порядка, какъ благодатнаго во всемъ жительства подъ благоволеніемъ и властію во Христѣ, самаго Отца небеснаго,— жительства, пріемлемаго собственно вѣрою до проявленія его въ славу и до торжественнаго преобразованія имъ всего. Требовалось прекращеніе лицезрѣнія Спасителя и общеніе съ Нимъ въ иномъ невидимомъ Утѣшителѣ, самомъ Духѣ благодати и истины. И вотъ, спустя четыредесятидневныхъ перемежающихся явленій Воскрес-

---

[1]) Рѣчь здѣсь объ апост. Ѳомѣ.

[2]) Рѣчь о Магдалинѣ Маріи, получившей отъ Господа замѣчаніе: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан., XX, 17).

шаго, слѣдуетъ его вознесеніе и за тѣмъ сошествіе Святаго Духа. Понятно теперь, почему Господь, разлучаясь съ своими учениками видимо, на вопросъ ихъ о времени устроенія царства Израилева, отвѣчалъ указаніемъ на *власть Отца*, и повелѣніемъ *ждать обѣтованіе Отца* (Дѣян. I гл.): съ сошествіемъ обѣтованнаго Св. Духа, и открылось въ нихъ самихъ духовно царство израилево, царство подъ благоволительною властію самого Отца небеснаго, царство благословенія и спасенія для всего рода человѣческаго.

Плотской Израиль уже обличенъ былъ Господомъ въ своей внутренней враждѣ противъ духовной вѣры и благодати; чрезъ христоубійство открывалось крайнее ожесточеніе и упорство Израиля въ этой враждѣ, и потому, кромѣ остатка избранныхъ, загражденъ былъ для него имъ же самимъ доступъ въ открывшееся благодатное царство. Но проявившаяся въ смерти и воскресеніи Христовомъ спасительная благодать имѣла существеннымъ свойствомъ и стремленіемъ—прощать враговъ, спасать погибшихъ. То правда, что язычники, еще *во дни плоти* Спасителя являли пріемлемость къ благодати, не обрѣтаемую въ плотскомъ Израилѣ, и самимъ же Спасителемъ были названы, какъ такіе наслѣдники благодатнаго царства, которые предвосхитятъ оное у Израиля (Матѳ. VIII, 10—12). Однакоже, по божественнымъ обѣтованіямъ, наслѣдіе всемірнаго благословенія принадлежало роду Авраама, Исаака и Іакова, *сынамъ пророковъ и прежняго завѣта* (Дѣян. III, 25). Итакъ требовалось отринуть враждебное іудейство не иначе, какъ послѣ всѣхъ, возможныхъ со стороны благодати,

усилій и способовъ ко вразумленію и спасенію неразумныхъ ревнителей мертвой буквы законной. Нужно было принять языковъ въ открывшуюся всему міру область спасенія, но безъ всякаго нарушенія завѣтныхъ обѣтованій плотскому Израилю, въ строгомъ порядкѣ истины,—съ свойственною дѣлу Божію мирною тишиною и стройною послѣдовательностію. Церкви Божіей благопотребно было водвориться, вмѣсто противящагося Израиля, уже въ благопокорныхъ языкахъ, но такъ, чтобы вѣра не запутывалась этою чрезвычайною перемѣною вѣковаго и даже какъбы исконнаго порядка вещей. И вотъ, что представляетъ намъ священное Дѣяніе.

Тотчасъ по пріятіи Духа Святаго, послѣ этого открытія духовныхъ благъ и правъ благодатнаго царства Израиля,—св. Апостолы предлагаютъ оныя прежде всего самому христоубійственному народу съ доказательствами чудесъ и исполнившихся пророчествъ: *твердо убо да разумѣетъ весь домъ израилевъ, яко и Господа и Христа его Богъ сотворилъ есть сего Іисуса, Егоже вы распясте* (Дѣян. II, 36); сказать тоже другими словами: Господь Іисусъ, распятый вами, чрезъ это и совершился и открылся окончательно такимъ Царемъ благодати, который взялъ на Себя, вынесъ на Себѣ и тѣмъ препобѣдилъ смертоносную силу грѣховнаго зла и лжи. *Вамъ бо есть обѣтованіе и чадомъ вашимъ*, продолжаетъ вдохновенный Св. Духомъ благовѣстникъ мира (ст. 39). И еще: *вы есте сынове пророкъ и завѣта, егоже завѣща Богъ.... Вамъ первѣе Богъ, воздвигій отрока своего Іисуса, посла Его благословляща васъ, во еже отвратитися вамъ комуждо отъ злобъ вашихъ* (III, 25. 26). И посмотрите, какъ сначала,—

прямо по молитвѣ Спасителя за распинателей, — благодать готова была покрыть это безпримѣрное ихъ злодѣяніе: *и нынѣ, братіе,* говоритъ Апостолъ пролившимъ кровь Христову, *и нынѣ, братіе, вѣмъ, яко по невѣдѣнію сіе сотвористе, якоже и князи ваши. Богъ же, иже предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ своихъ пострадати Христу, исполни тако. Покайтеся убо и обратитеся, да очистятся отъ грѣхъ вашихъ, яко да пріидутъ времена прохлада отъ лица Господня* (III, 17. 18). Только уже тогда, когда стали они противиться Христу, прощающему имъ и смерть Свою, какъ противились Ему во дни земной Его жизни, — сталъ измѣняться голосъ благодати: *жестоковыйни и не обрѣзанни сердцы и ушесы,* говорилъ синедріону Стефанъ, съ ангельскимъ свѣтомъ въ своемъ лицѣ, — *вы присно Духу Святому противитеся* и проч. (VII, 51). Но и въ послѣдствіи не только Апостолы благодатію удерживаемы еще были нѣкоторое время при самомъ средоточіи іудейства — Іерусалимѣ (VIII, 1); но и *разсѣвающіеся* отъ іудейскихъ озлобленій проходили разныя смѣжныя страны, *ни единому же глаголюще слово, токмо іудеемъ* (XII, 12). Такъ юная Церковь успѣвалась взыскать погибшихъ овецъ дома израилева.

Благодать нашла еще новый способъ подѣйствовать на сердца ревнителей іудейства со всею силою: одного изъ нихъ же самихъ, и притомъ превосходившаго другихъ и ревностію и дарованіями, — наилучшаго представителя тогдашняго іудейства и жаркаго гонителя христіанства (Савла), явила она пламеннымъ проповѣдникомъ христіанства въ синагогахъ іудейскихъ — какъ въ

самой Палестинѣ, такъ и внѣ ея, въ многочисленныхъ городахъ Азіи и Европы.

И наконецъ, когда сей избранный сосудъ благодати, въ званіи и служеніи Апостола языковъ, находилъ всюду въ языкахъ отверстую дверь вѣры; сама благодать еще прежде узъ, какъ узника, привлекла его въ Іерусалимъ на явно предреченныя узы: *и нынѣ се азъ связанъ Духомъ, гряду во Іерусалимъ*, говорилъ самъ онъ (въ Ефесѣ), *яже въ немъ хотящая приключитися не вѣдый:* (Дѣян. XX, 22—23.): *точію яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ.* Въ Іерусалимѣ же и дѣйствительно подвергся Апостолъ языковъ узамъ и держимъ былъ узникомъ въ Палестинѣ болѣе двухъ лѣтъ, сопоставляемый иногда на лицо съ вождями іудейства. И такимъ образомъ самые язычники нѣкоторымъ образомъ лишаемы были своего великаго Апостола, чтобы только вразумить и спасти Израиля. И все было напрасно! Въ Палестинѣ и внѣ оной — въ Азіи и Европѣ, въ столицахъ іудейства и язычества, — іудеи (кромѣ избраннаго останка) обнаруживали только злобную вражду противъ благодати, все имъ готовой простить, имъ первымъ предлагавшей всѣ свои сокровища со всею любовію, взывающей къ нимъ самымъ и близкимъ и поразительнымъ для нихъ голосомъ, нѣкоторымъ образомъ (чрезъ первые узы Павла) даже оставляющей девяносто девять овецъ,—весь языческій міръ,— и преслѣдующей по горамъ одну эту погибшую овцу — Израиля. При такомъ противленіи ничего болѣе не оставалось ей, какъ уже дать всю силу, еще чрезъ древнихъ пророковъ изреченному на нихъ, приговору отверженія:

добрѣ Духъ Святый глагола Исаіемъ пророкомъ ко отцемъ нашимъ, глаголя: иди къ людемъ симъ и рцы: слухомъ услышите, и не имате разумѣти: и видяще узрите, и не имате видѣти. Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша: да не како увидятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю их. Вѣдомо удо да будетъ вамъ, яко языкомъ послася спасеніе Божіе, сіи и услышатъ (Дѣян. XXVIII, 25 — 28).

Соотвѣтственно болѣе и болѣе обозначавшемуся противленію и отверженію Израиля, дѣйствительно и раскрывалась тайна призванія языковъ какъ для своего осуществленія, такъ и для разумѣнія вѣры. Такъ, въ распятомъ и воскресшемъ Спасителѣ возсіявшая всему міру любовь Отца небеснаго съ отверстыми объятіями принимала сначала, впрочемъ, только тѣхъ язычниковъ, которые неудержимо и сами стремились къ ней (Корнилія, также вельможу Еѳіопскаго). По мѣрѣ и по поводамъ іудейскаго противленія, открывались и умножались случаи и побужденія обращаться съ евангеліемъ къ язычникамъ: такъ, именно по причинѣ гоненій отъ іудеевъ, явились первые проповѣдники Христовы въ полуязыческой Самаріи (Дѣян. VIII, 4. 5), и въ языческой Антіохіи (XI, 19. 20). Духъ Божій на служеніе спасенію языковъ нарочито назначалъ избранныя свои орудія, между которыми былъ и великій Апостолъ языковъ — Павелъ (XIII, 2). Эти благовѣстники мира, правда, начинали проповѣданіе обыкновенно съ іудеевъ, но повсюду почти іудейская непокорность евангелію заставляла ихъ выходить изъ синагоги прямо къ язычникамъ: такъ почти в

всѣхъ городахъ было съ Павломъ, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самыхъ язычникахъ болѣе и болѣе обнаруживалось готовности къ принятію благодати, которою, потому, болѣе и болѣе собирался повсюду новый народъ Божій изъ языковъ. Книга Дѣяній Апостольскихъ дастъ примѣтить, что даже самое, возбуждаемое иногда въ язычникахъ іудеями же, или привычкою и выгодами религіи язычества, противленіе евангелію далеко не было такъ упорно и недоступно вразумленію, какъ въ іудеяхъ [1]); самые невѣрующіе изъ язычниковъ не обнаруживали жосткой нечувствительности іудеевъ къ дѣламъ Божіимъ [2]). По всему этому, противящимся евангельской проповѣди іудеямъ не разъ было представляемо отъ посланниковъ Духа Божія, что благодать обращается уже къ болѣе послушнымъ ей язычникамъ. И наконецъ съ тою же твердостію и убѣдительностію, съ какою спачала предлагалось спасеніе Израилю: *твердо убо да разумѣетъ весь домъ израилевъ, яко вамъ дано есть обѣтованіе* и пр., — съ тою же твердостію сказано было, какъ уже знаемъ, самому Израилю о язычникахъ именемъ Духа Божія: *вѣдомо да будетъ вамъ, яко языкамъ послася спасеніе Божіе, сіи и услышатъ* (Дѣян. XXVIII, 8).

Съ такою же послѣдовательностію тайна призванія ко Христу язычниковъ раскрывалась благодатію и для разумѣнія вѣры. Если и сами св. Апостолы предста-

---

[1]) Это видно напр. изъ обстоятельствъ мятежа противъ Павла въ Филиппахъ и Ефесѣ.

[2]) Это можно усмотрѣть въ обстоятельствахъ мореплаванія Павла...

вляютъ, уже и по воскресеніи Спасителя, тайну благодатнаго Его царства, какъ устроеніе царства израилева (Дѣян. I гл.): то можно понять, какъ чрезвычайна для всѣхъ должна быть тогда тайна принятія въ это самое царство благодати именно язычниковъ, съ отверженіемъ наибольшей части Израиля. Дѣло не могло обойтись безъ затрудненій и недоразумѣній вѣры. По сошествіи на Апостоловъ Св. Духа, для нихъ нужны были только случаи и поводы къ постепенному выясненію для вѣры тайны призванія язычниковъ съ недоумѣнныхъ ея сторонъ, какія обозначались также постепенно. Такъ, прежде всего, потребенъ былъ, и въ обстоятельствахъ обращенія Корнилія данъ былъ, случай къ апостольскому выясненію для вѣры того, что и *во всякомъ языкѣ* имѣющіе открытую пріемлемость къ благодати *пріятны Богу* и что, видно, и *языкамъ Богъ покаяніе даде въ животъ* (X, 34. 35. 45. XI, 18). Потомъ возникавшее лжеученіе іудействующихъ и въ христіанствѣ, что для спасенія, обращающихся ко Христу, язычниковъ необходимо обрѣзывать и вообще обязывать буквою извѣтшавшаго въ своей силѣ Моисеева закона,—представило поводъ и нужду къ соборному апостольскому разслѣдованію для вѣры той истины, что вѣрующихъ язычниковъ не слѣдуетъ подчинять іудейству, какъ будто они не имѣли равныхъ съ вѣрующими іудеями правъ благодатной свободы и были только іудейскіе прозелиты (XV, 1. 6. 9 и слѣд.). По мѣрѣ же и поводамъ открывавшагося рѣшительнаго упорства въ невѣріи іудеевъ рѣшительнѣе выражалось апостольскимъ, и именно Павловымъ, словомъ, что отъ невѣрующаго Израиля къ язычникамъ переходитъ область спасенія

(XVIII, 25—28. сп. XIII, 46). Тайны же спасенія теперь объясняются вѣрѣ благодатію уже не чрезъ отрѣшеніе отъ ветхозавѣтной мертвой буквы живой силы и духа,— это уже было сдѣлано самимъ Господомъ съ божественною властію законодателя,—но раскрываются прямо изъ духовныхъ началъ совершившагося уже Христова новаго завѣта, такъ что самыя обѣтованія и пророчества, самая исторія ветхозавѣтной ѳеократіи озаряются, въ ученіи Апостольскомъ, собственно уже открытымъ свѣтомъ Евангелія (См. въ кн. дѣян. Апост. всѣ рѣчи св. Апостоловъ). Такъже, откровенія благодати и истины уже не облекаются въ приточныя формы, нужныя прежде для перехода вѣры изъ-подъ ветхаго завѣта въ новый, — но предлагаются прямо въ духѣ благодати. Самыя символическія видѣнія, въ которыхъ иногда сообщались откровенія, касающіяся дѣла призванія и обращенія язычниковъ, уже не благопотребную для переходнаго состоянія вѣры пищу заключаютъ въ себѣ, но даютъ вѣрѣ новозавѣтно-сыновней, точно знающей спасительную волю Отца и владѣющей самимъ духомъ истины, — случаи къ самому дѣятельному разумѣнію открываемой тайны. Такъ апостолъ Петръ, чрезъ видѣніе скатерти съ нечистыми гадами и звѣрями, которыхъ повелѣвалось ему ѣсть, вразумленъ былъ отъ Бога *ни единаго скверна или нечиста глаголати человѣка* (X, 11—16. 28). Подобнымъ образомъ и апостолъ Павелъ, съ проповѣдію язычникамъ, перешелъ изъ Азіи въ Европу, вразумленный видѣніемъ ему одного македонянина, призывавшаго его на помощь: *якоже видѣніе сѣдѣ*, говоритъ Дѣописатель, бывшій спутникомъ Павлу. *абіе*

взыскахомъ изыти [1]) *въ Македонію, разумѣвше, яко призва ны Господь благовѣстити имъ* (XVI, 10). Потому же, наконецъ, что благовѣстіе благодати раскрывалось уже не въ области іудейства, но въ своей самостоятельной духовной области, — теперь благодатная истина ведетъ борьбу съ іудействомъ, какъ уже рѣшительно отдѣльною отъ ней областію, а уже не по прежнему, какъ живое зерно съ мертвою скорлупою, изъ которой оно только-что изникаетъ. Посему главные извратители ветхаго завѣта— книжники и фарисеи, въ лицѣ которыхъ іудейство и выступало прежде противъ самого Господа, теперь уже не выдаются по прежнему рѣзко на первомъ планѣ борьбы іудейства противъ Христовой истины; напротивъ иногда они, какъ не допустившіе совсѣмъ расторгнуть обязательности божественнаго завѣта — по крайней мѣрѣ по буквѣ его, являются болѣе другихъ благопріятными для проповѣдника Христовой истины. Извѣстенъ случай, какъ Павелъ воскликнулъ предъ синедріономъ, что страждетъ за воскресеніе мертвыхъ, — и фарисеи тотчасъ же взяли его сторону противъ саддукеевъ (XXIII, 6—9).

Такъ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ и устроеніемъ Духа благодати и истины, новосозданная Христомъ Церковь, въ полной духовной самостоятельности, водворялась въ новой области — вѣрующихъ язычниковъ, съ отверженіемъ невѣрующаго большинства Израиля. Все это и описывается въ кн. Дѣяній Апостольскихъ.

Мы дошли до того, какъ Церковь новозавѣтная и совершилась и открылась, занявъ свойственную себѣ об-

---

[1]) Изъ Троады, въ Малой Азіи.

ласть. Необходимо при семъ, чтобы были разъяснены и опредѣлены всѣ основные законы какъ внутренняго, такъ и внѣшняго ея устройства. Ибо только чрезъ это и можно было упрочить ея самостоятельность и опорядочить ея составъ. Это требовало новыхъ божественныхъ распоряженій и откровеній; и разсмотрѣніе сего составитъ новый отдѣлъ изслѣдованій о томъ, въ какомъ порядкѣ, по какимъ обстоятельствамъ и потребностямъ произошло откровеніе и утвержденіе новаго завѣта.

Обстоятельства и нужды Церкви въ семъ отношеніи были вообще таковы:

Во первыхъ, — должно намъ взять во вниманіе, что открытый новозавѣтный порядокъ замѣнялъ мертвую букву закона и вообще извѣтшавшія (условливаемыя видимостію «вещественныхъ началъ міра») формы ветхозавѣтнаго порядка; самъ въ себѣ новый завѣтъ представлялъ духъ и истину, отрѣшенные отъ «вещественныхъ началъ міра», отъ всего образно-плотскаго, и вводилъ вѣрующихъ въ благодатную свободу. Мы видѣли, что именно въ такомъ прямо-благодатномъ значеніи учреждалъ Господь новый завѣтъ, и что въ такой свободной духовности и открылся оный въ апостольской Церкви.

При семъ свойствѣ и обстоятельствахъ новаго завѣта, была опасность, чтобы въ самомъ христіанствѣ не стали иные, противополагая новый завѣтъ ветхому, провозглашать свободу отъ всякихъ обязанностей, отъ всякихъ границъ строгаго порядка, или чтобы не стали отвергать существенныхъ и основныхъ принадлежностей духовной благодати, коль скоро онѣ соединены съ чѣмъ либо видимымъ. И въ самомъ дѣлѣ нашлись въ Церкви такіе

люди, которые думали спастись мертвою, отвлеченною отъ всѣхъ внѣшнихъ дѣлъ, вѣрою [1]), которые и сами въ жизни не стѣснялись никакими границами, и другимъ обѣщали такую же необузданность свободы [2]); были и такіе проповѣдники мнимой духовности, которые даже не исповѣдывали и Христа *во плоти пришедша* [3]). Для такихъ людей, конечно, уже не существовало никакого духовнаго авторитета; были самочинцы, прямо отвергающіе Апостоловъ и другимъ возбраняющіе ихъ принимать [4]). Итакъ требовалось: опредѣлить, съ строжайшею обязательностію, истинный и совершенный законъ благодатной свободы новаго завѣта; выставить на видъ благодатный порядокъ новозавѣтной Церкви, не зависимый отъ буквы и формъ ветхозавѣтнаго порядка, но являющій въ себѣ духъ и силу онаго, — самостоятельный въ своей духовности, но не разрушающій, а благодатно утверждающій и благоустрояющій порядки семейный и гражданскій; раскрыть, со всею опредѣленностію, въ чемъ состоитъ духъ новозавѣтной истины и благодати, или вообще духовность новозавѣтная; враждебныхъ же и духу и порядку и закону новаго завѣта, хотя и причисляющихъ себя къ новозавѣтной Церкви, обличить со всею силою, оградить отъ нихъ Церковь рѣшительнымъ разобщеніемъ съ ними истинныхъ чадъ ея, и противъ ихъ самочинія утвердить, сколько можно непререкаемѣе, священную

---

[1]) Указаніе на такихъ христіанъ есть въ посланіи апост. Іакова.

[2]) См. 2-е посл. Петрово и Іудино.

[3]) См. посланія Іоанновы.

[4]) См. 3-е посл. Іоанново.

важность и благодатно-живую силу апостольскаго авторитета.

Удовлетвореніе симъ потребностямъ Церкви и вѣры и представляютъ соборныя посланія. Въ посланіи Іакова, оправдываемая именно дѣлами, *вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа славы* (II, 1) и раскрывается, какъ совершенный законъ свободы и царскій законъ любви, — законъ столь высокій, что въ дѣятельномъ соблюденіи его поставляется и премудрость и правда, — столь чистый, что онъ не терпитъ и легкой погрѣшности слова, — столь обязательный, что нарушеніе одной его черты есть повинность противъ духа и силы всей его цѣлости, — законъ самой благодати, не оставляющей въ своихъ избранныхъ мѣста никакимъ другимъ началамъ жизни и съ ревнивостію любящей предающуюся ей душу.

Въ I-мъ посланіи ап. Петра изображается такой, предуказанный пророками, благодатный порядокъ, что онъ, при независимости своей отъ мертвой буквы и формъ ветхаго завѣта, являетъ въ себѣ всю полноту духовной силы онаго. Этотъ порядокъ таковъ: избранные, *по прозрѣнію Бога Отца, во Святомъ Духѣ, въ послушаніе и кропленіе кровію Іисуса Христа* (I, 2), составляютъ истинное наслѣдіе Божіе, языкъ святъ, родъ избранный, порождаемый отъ нетлѣннаго сѣмени — живаго слова Божія, словомъ — Божій народъ новаго Израиля; они сами зиждутся на основаніи и по первообразу живаго камени — Христа, *въ храмъ духовный, священительство святое, возносити жертвы духовныя благопріятныя Богови Іисусомъ Христомъ* (II, 4—6). Итакъ, при замѣненіи ветхаго завѣта новымъ, ветхозавѣтная осократія съ Божіимъ народомъ, Сіономъ, храмомъ, жер-

твами, священствомъ—раскрывается же и въ новомъ завѣтѣ, только уже по духовно-благодатному осуществляясь въ самомъ духѣ вѣрующихъ. Посему, *свобода* христіанская не можетъ служить *прикровеніемъ злобы* или порока, но должна проявляться въ *добромъ житіи* между невѣрными; духомъ благодатнымъ не нарушаются, а утверждаются и благоустрояются всѣ частныя и общественныя, семейныя и гражданскія отношенія (II и III гл.). Вообще духовность всего новозавѣтнаго порядка вполнѣ открытой благодати такова въ своемъ существѣ, что вѣрующій долженъ жить и водиться именно духомъ праведности и любви самого Христа, страданіями и самопожертвованіемъ до смерти вошедшаго въ славу Своего воскресенія и превознесенія (полов. III и IV гл.). Вотъ каковъ истинный благодатный порядокъ, который и долженъ быть соблюдаемъ, при служеніи пастырей, чуждомъ своекорыстія и «господства надъ наслѣдіемъ Божіимъ», при послушаніи имъ пасомыхъ, при общемъ взаимномъ подчиненіи другъ другу и т. д. (V гл.).

Во II-мъ посланіи апостола Петра съ самою грозною силою обличаются и осуждаются тѣ противники духовнаго закона и благодатнаго порядка новозавѣтнаго, которые, вопреки апостоламъ и пророкамъ, подъ видомъ свободы, допускаютъ и проповѣдуютъ въ христіанствѣ растлѣнную и мятежную необузданность.

Въ I-мъ посланіи Іоанновомъ раскрывается самый духъ новозавѣтной истины и благодати, служащей началомъ для порядка новозавѣтнаго. Это — духъ животворящей любви Отца небеснаго, явленной во Христѣ Сынѣ Божіемъ, пришедшемъ во плоти. — заглаждающей грѣхи и

усыновляющей Богу, просвѣщающей вѣдѣніемъ истины и движущей ко всему благому и главнымъ образомъ къ любви и сообщающейся въ такой своей силѣ истинновѣрующимъ самимъ Духомъ Святымъ. Сколько кто будетъ допускать въ себѣ мрака худыхъ дѣлъ и расположеній и отчуждаться отъ духа любви, столько долженъ неминуемо отпадать и отъ спасающей Божіей любви, и на оборотъ—на сколько кто предается ей, на столько усовершается и самъ въ любви и слѣтломъ Боговѣдѣніи на столько входитъ въ ту жизнь отъ Бога, въ которой уже не можетъ согрѣшити (III, 9). Въ особенности, направленіе духовности по человѣколюбивому духу Христа, не отвергнувшаго и самой тѣлесности, но именно во плоти и пришедшаго для спасенія отъ грѣховной гибели всего человѣческаго и самой тѣлесности, *отъ Бога есть*; направленіе, идущее противъ человѣколюбиваго духа и силы Боговоплощенія Христова, хотя бы оно выдавало себя за высшую или вдохновенную духовность, *отъ Бога нѣсть*,—сей *есть* духъ *антихристовъ* (VI, 2. 3).

Во II-мъ посланіи Іоанна, сообщныя Христу и Отцу небесному, чада Церкви рѣшительно ограждаются отъ вліянія поборниковъ этой противной Христову Боговоплощенію духовности, расторженіемъ всякаго общенія съ сими послѣдними.

Въ III-мъ Іоанновомъ посланіи внушается — сочувствовать и содѣйствовать истиннымъ служителямъ Христовой истины и въ особенности является авторитетъ Апостола, какъ такого свидѣтеля Божіей истины, котораго судъ есть судъ самой истины, который съ полновластіемъ истины одобряетъ и оправдываетъ вѣрныхъ ей,

взвѣшиваетъ и осуждаетъ дѣла не принимающихъ его самого.

Въ посланіи Іуды авторитетъ апостольскій утверждается тѣмъ, что такой же полновластный свидѣтель истины и столь же уполномоченный Богомъ посланникъ, какъ и другіе Апостолы, противъ провозвѣстниковъ необузданной ничѣмъ свободы свидѣтельствуется *глаголами* другихъ Апостоловъ (ст. 17), да и самъ говоритъ почти словами II-го посланія апостола Петра. Когда же Апостолъ, органъ Св. Духа, по внушенію сего же Духа истины, пользуется глаголами апостольскими, какъ источникомъ Божественной истины: то истина авторитета апостольскаго не во всемъ ли солнечномъ свѣтѣ здѣсь сіяетъ?

Такимъ образомъ, семь соборныхъ посланій имѣютъ такое мѣсто и значеніе въ общемъ порядкѣ откровенія новаго завѣта: за устроеніемъ и раскрытіемъ въ мірѣ новаго завѣта, о чемъ говорится въ Евангеліи и книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, въ соборныхъ апостольскихъ посланіяхъ раскрывается и опредѣляется (противъ неразумѣющихъ и превращающихъ дѣло) вообще то, въ чемъ же состоитъ сущность новаго завѣта, взятая сама въ себѣ.

Во-вторыхъ, намъ извѣстно изъ разсмотрѣнія образа устроенія и открытія новаго завѣта еще слѣдующее:

Новый завѣтъ открытъ чрезъ отрѣшеніе отъ мертвой буквы ветхаго завѣта духа спасающей міръ Божественной во Христѣ любви; благодать новаго завѣта открыла свойственную себѣ духовную область, обратясь отъ непокорнаго плотскаго Израиля къ вѣрующимъ язычникамъ. Но какимъ образомъ въ той же самой формѣ ветхозавѣтнаго Богомъ учрежденнаго порядка, которая такъ из-

ветшала и получила превратное значеніе въ современномъ іудействѣ, прежде образно выражался духъ пріемлемой вѣрою спасающей во Христѣ любви, и какъ эта форма извѣтшала до совершенной негодности и противорѣчія благодати? Это слѣдовало еще разъяснить для вѣры, въ устраненіе недоразумѣній ея о ветхомъ завѣтѣ и отношеніи его къ новому. Почему, сообразно духу и требованіямъ завѣтной Божіей любви, по которымъ нѣкогда былъ избранъ Израиль, теперь слѣдовало большинство опаго отринуть и принять языковъ на равныхъ съ избраннымъ останкомъ Израиля правахъ? Это такъже надобно было еще растолковать. Иначе опасно было, что ветхій завѣтъ и останется для неразумѣвающихъ въ своей, извѣтшавшей и враждебной благодати, буквѣ, какъ и дѣйствительно въ Церкви появились іудействующіе лжеучители, думающіе и въ христіанствѣ оправдываться самосильно исполняемою правдою законною. Равно опасно было, что или вѣрующихъ изъ язычниковъ станутъ лишать духовной ихъ свободы и подчинять іудейству, какъ дѣлали это тѣже іудействующіе, или самого Израиля и ввѣренныя ему словеса закона Божія будутъ пренебрегать язычники, предвосхитившіе у Израиля благодатное спасеніе[1]). Съ другой стороны, какія основанія апостольскаго авторитета? какъ изъ духовности новозавѣтнаго порядка вытекаетъ и опредѣляется свойственная ей внѣшность церковнаго чина и отношеніе чадъ Церкви къ семейству и государству, къ

[1]) Въ посланіи къ Римлянамъ апостолъ Павелъ именно отъ подобнаго высокомудрія надъ іудеями остерегаетъ вѣрующихъ язычниковъ (напр. XI, 20).

потребностямъ настоящей жизни? Это также необходимо уяснить. Иначе Церковь съ своимъ ново-благодатнымъ чиномъ не довольно отдѣлялась бы отъ соборища іудействующихъ въ христіанствѣ, которые сами себя производили и въ апостолы и въ учители, и старались распространять общества своихъ послѣдователей. И въ отношеніяхъ христіанъ къ внѣшнему міру, и вообще къ настоящей жизни, не избѣжны были бы затрудненія и недоразумѣнія, какія и дѣйствительно были: въ иныхъ мѣстахъ оставляли занятіе дѣлами жизни, чтобы предаться тревожному чаянію втораго пришествія Христова и славнаго открытія царства небеснаго; въ другихъ же на оборотъ полагали, что это открытіе небеснаго царства или общее воскресеніе уже было духовно и не будетъ еще иного. Сказать вообще: нужно было прояснить спасающую во Христѣ Божію любовь, — какъ во всей глубинѣ ея неизслѣдимыхъ основаній и обширности ея раскрытія, такъ и въ историческомъ осуществленіи ея совѣтовъ и въ предъидущія, и въ настоящія, и въ слѣдующія до вѣчности времена.

Удовлетвореніе симъ требованіямъ Церкви можно найти въ ученіи [1]) апостола Павла. Онъ представляетъ спасающую во Христѣ любовь Божію имѣющею основанія въ предвѣчномъ совѣтѣ и отношеніяхъ лицъ Божества (Посл. къ Еф., Кол.), соотвѣтствующею потребностямъ природы и настоящаго состоянія человѣка (Римлян.), обымающею и соединяющею во Христѣ небесное и земное, Израиля

---

[1]) Полное изложеніе ученія Павлова, сокращенно здѣсь предлагаемаго смотр. въ книгѣ: «нѣсколько статей о св. апостолѣ Павлѣ».

и языковъ, — усвояемою людямъ только подъ условіемъ пріемлемости и покорности вѣры и непремѣнно выражающеюся въ плодахъ духовнаго дѣятельнаго совершенства, со стороны пріемлющихъ, и въ многоразличныхъ, со стороны Благодати, — совокупляющею своихъ общниковъ въ единое благодатно-живое Христово тѣло, съ различіемъ впрочемъ членовъ сего тѣла, по различію служеній, дарованій и по мѣрѣ вѣры, устроившею потому пастырей и пасомыхъ, руководителей и руководимыхъ, и первенствующихъ надъ пастырями святыхъ Апостоловъ [1]), предлагающею свои благодатныя сокровища въ свойственныхъ имъ священныхъ мѣстахъ и съ свойственнымъ благообразіемъ церковнаго чина, — но совершающею и ведущею своихъ соучастниковъ путемъ житія сего во плоти и въ мірѣ, путемъ, не исключающимъ обычныхъ порядковъ естественныхъ, только проходимыхъ въ духѣ небеснаго жительства, этимъ путемъ собственно креста и духа Христова. Такова собственно догматическая и духовно-нравственная сторона Павлова ученія.

Съ исторической стороны апостолъ Павелъ представляетъ туже спасительную Божію любовь дѣйствовавшею и предъявлявшеюся подъ условіемъ вѣры уже и въ ветхомъ завѣтѣ, только не отрѣшенно отъ стихій міра. Такъ, законы эти онъ видитъ въ семейной жизни и отношеніяхъ Патріарховъ, въ Моисеевомъ подзаконномъ, церковнонародномъ устроеніи Израиля, въ побѣдахъ Изра-

---

[1]) Авторитетъ Апостольства обще обозначенный и утвержденный, въ соборныхъ посланіяхъ, апостолъ Павелъ раскрылъ также во всей глубинѣ его основаній. См. 2-е посланіе къ Коринѳянамъ.

или надъ языческими царствами и т. п., а потому эту форму ея представляетъ постепенно ветшающею; начало сего ветшанія ветхозавѣтной формы указуетъ онъ при самомъ ея образованіи (2 Кор. VII, 7. 11), дальнѣйшій ходъ при пророкахъ (Евр. VIII, 13). И наконецъ въ свое время видитъ сіи стихіи — *немощными и худыми*, за — одно съ изжившимся язычествомъ (Гал. IV, 8—10). И такимъ образомъ ветхій завѣтъ открывается въ вѣчно живомъ значеніи и духѣ благодати и истины, въ немъ образно выраженныхъ, и ясно оказывается нелѣпость — слѣпо держаться изветшавшей уже и мертвой его буквы. Относительно внѣшней области спасенія, апостолъ Павелъ раскрываетъ, что только за непокорность язычниковъ спасающая Божія любовь нѣкогда отвергла ихъ и водворилась въ Израилѣ. Касательно настоящаго времени, онъ раскрываетъ со всею ясностію, что становиться въ изветшавшую форму іудейства — значитъ уже отступать отъ Христа, а подчинять игу іудейства язычниковъ — значитъ посягать на права и дары самой благодати; и изъ того же порядка, по какому нѣкогда избранъ Израиль и отвержены языки, — выводитъ и объясняетъ пріятіе нынѣ послѣднихъ за вѣру и отверженіе перваго за невѣріе.

Касательно же будущихъ временъ, ап. Павелъ грозитъ и языкамъ такъ же отверженіемъ, если будутъ не довольно покорны благодати, и признаетъ непремѣннымъ помилованіе имѣющаго нѣкогда покориться Израиля, — видя въ этомъ для міра нѣкое какъбы воскресеніе изъ мертвыхъ. Апостолъ провидитъ наконецъ нѣкоторое великое отступленіе отъ Христа и явленіе антихриста,

по вмѣстѣ продолженіе Церкви и до сего времени и въ это страшное время изветшанія человѣчества и для новаго благодатнаго, вѣчно-живаго порядка, который и раскроется тогда, со вторымъ пришествіемъ Христовымъ, въ славу вѣчной жизни.

Для общаго соображенія, достаточно предложеннаго здѣсь краткаго очерка ученія Павлова. Нужными могутъ быть особыя объясненія только касательно ученія апостола Павла о видоизмѣненіяхъ Церкви, и наипаче о внутреннихъ основаніяхъ и оказавшемся изветшаніи ветхозавѣтнаго порядка. Представимъ, хотя кратко, нужныя для сего объясненія — тѣмъ болѣе, что ученіе апостола Павла о показанномъ предметѣ весьма важно въ изученіи вообще св. Писанія: многое держится именно на семъ ученіи.

Доказательства на то, что чрезъ все продолженіе ветхаго завѣта, апостолъ Павелъ видитъ благодать, пріемлемую вѣрою, только не прямо открываемую, суть слѣдующія: животворная благодать, усыновляющая вѣрующихъ Богу или оправдывающая ихъ, по ученію Павлову, раскрываетъ въ себѣ силу и той творческой любви Отца небеснаго, дѣйствующей въ Его Сынѣ, которая проявилась еще въ твореніи, такъ что истинное, по вѣрѣ, разумѣніе тайны творенія принадлежитъ собственно вѣрѣ оправдательной (Евр. XI, 3. сл. X, 38. XII, 2) [1]). Далѣе по Апостолу, естественный родоначальникъ человѣче-

---

[1]) Посему и Господь дѣло спасенія соединяетъ съ дѣлами творенія, когда по отношенію къ закону субботы изрекъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю.* Изъясненіе сего сдѣлано выше, въ своемъ мѣстѣ.

ства — Адамъ *есть образъ будущаго Божественнаго Главы спасаемаго человѣчества*, виновника благодати (Рим. V, 14). *Вѣрою*, оправдывающею и животворною, *множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* (Евр. XI, 4). *Вѣрою Енохъ.... свидѣтельствованъ бысть, яко уноди Богу* (ст. 5). *Вѣрова Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду* (Рим. и Гал.) Еще далѣе: *вси (израильтяне, шедшіе изъ Египта въ землю обѣтованную) тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде питво духовное пиша: піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене, камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. X, 4). *Законъ имый сѣнь грядущихъ благъ* (Евр. X, 1). Изъ псалмовъ же и у пророковъ апостолъ Павелъ разсматриваетъ множество прямыхъ указаній на благодать (см. напр. 1 гл. Евр.). И потому Апостолъ вообще говоритъ о ветхомъ завѣтѣ: *вся, елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася*, и т. п.

Доказательствомъ или оправданіемъ того, что въ ветхомъ завѣтѣ благодать предъявляла себя *въ стихіяхъ міра* или въ образахъ, взятыхъ изъ области міра и человѣческой природы, — сколько оставалось слѣдовъ первобытнаго ихъ состоянія, — служитъ во 1-хъ, уже и то, что начало ветхозавѣтныхъ свидѣтельствъ оправдывающей вѣры Апостолъ указуетъ въ самомъ твореніи: *вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ* и пр.; и во 2-хъ, поясняя, какъ Адамъ явился образомъ Христа, Апостолъ говоритъ: *тако и писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ* (1 Кор. XV, 45). Но писано, что *Адамъ былъ въ душу живу*, — именно о состояніи первозданной его природы (Быт. II, 7). Слѣд. отношеніе Адама перваго ко

второму Адаму или Господу Іисусу, какъ образа къ первообразу, Апостолъ основываетъ на свойствахъ первозданной природы Адама. Въ 3-хъ, въ рѣчи Моисея къ Израилю, въ которой онъ убѣждаетъ этотъ народъ быть вѣрнымъ законоположенію, Апостолъ слышитъ голосъ правды благодатной (Рим. X, 6—8): *близъ ти глаголъ есть*, говорилъ Моисей Израилю о своемъ законѣ, *во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ*; повторивъ эти слова, Павелъ такъ ихъ объясняетъ: *сирѣчь, глаголъ вѣры, егоже проповѣдаемъ*. Спрашиваемъ: какимъ образомъ *глаголъ* заповѣдей и учрежденій, данныхъ чрезъ Моисея, есть *глаголъ вѣры*, *проповѣданной* Апостолами? *Глаголъ вѣры* состоитъ существенно въ томъ, чтобы исповѣдывать Господа Іисуса и вѣровать въ Его смерть и воскресеніе, — какъ это далѣе и изъясняетъ Апостолъ (ст. 9); т. е. благодать, открывшаяся въ смерти и воскресеніи Христа, чрезъ вѣру усвояется самому сердцу вѣрующаго, и отсюда проявляется и во внѣшнемъ исповѣданіи. Но Христосъ во время Моисея еще не умиралъ, ни воскресалъ, а потому скрижали сердца еще не могли принять въ себя существеннаго начертанія самой благодати; сказать иначе: природа человѣческая не была еще ни въ комъ облагодатствована [1]). Законъ, «даемый въ мысляхъ и начертаемый на сердцахъ,» есть законъ завѣта новаго, какъ еще пророкъ Іеремія это предвозвѣстилъ (см. Евр. VIII, 8—10). Какимъ же образомъ законъ Моисея представляется у Моисея же *глаголомъ во*

---

[1]) Вотъ значеніе словъ въ евангеліи Іоанна: *не у бѣ Духъ Св., зане Іисусъ не у бѣ прославленъ.*

устахъ и въ сердцѣ Израиля, начертаннымъ слѣд. въ мысляхъ и на скрижаляхъ сердца? Не иначе уже, какъ такимъ образомъ: сердца израильтянъ, видно, еще не столько огрубѣли и утратили первобытную свѣжесть, чтобы законъ Моисеевъ, носящій въ себѣ живые образы грядущихъ Христовыхъ благъ, не отзывался въ глубинѣ ихъ сердецъ своимъ духовнымъ значеніемъ. Отсюда же, на сколько т. е. Моисеевъ, законъ, предъявляющій благодать, находилъ себѣ сочувствіе и соотвѣтствіе въ сердцахъ Израиля, хотя еще не облагодатствованныхъ, но за то и не во-все замершихъ духовно: на столько онъ предначертывался своимъ духомъ и живымъ значеніемъ въ самыхъ мысляхъ и сердцахъ Израиля, и слѣд. являлся *глаголомъ вѣры* во Христа, проповѣданной Апостолами, или благодатной правды, основанной на воплощеніи, смерти и воскресеніи Господа.

Что, съ одной стороны, духовная благодать предъявлялась въ ветхомъ завѣтѣ понятно, или только ощутительно для вѣры въ разныхъ чертахъ естественнаго и мірскаго, относящагося т. е. къ сему дольнему, доступному внѣшнимъ чувствамъ міру, — вотъ доказательства на это: законы вѣры оправдываются и тайны благодати представляются у Апостола дѣйствующими въ семейныхъ обстоятельствахъ Авраама и Сарры (Рим. Гал.), въ народныхъ событіяхъ Израиля (Евр. XI, 30 и слѣд.), въ родовомъ священствѣ, въ простой крови жертвенныхъ животныхъ, въ плотскомъ дѣйствіи обрѣзанія, и проч. и проч. (мно́жество у Апостола мѣстъ).

Но что, съ другой стороны, по грѣховности естественнаго и мірскаго, въ формахъ онаго долженъ былъ

болѣе и болѣе меркнуть свѣтъ предъявляемой благодати, Апостолъ и это раскрываетъ ясно. Такъ, въ начальныхъ ветхозавѣтныхъ свидѣтельствахъ оправдывающей вѣры онъ слѣдитъ и выставляетъ на видъ удивительную малосложность и простоту оныхъ: *вѣрою разумѣваемся* творепіе... *вѣрою* жертвоприношепіе Богоудно... *приходящему къ Богу подобаетъ вѣровати, яко есть, и взыскующимъ Его мздовоздаятель бываетъ.* Какъ изъяснить такую простоту сихъ первоначальныхъ свидѣтельствъ вѣры, по-видимому, едва выходящей изъ предѣловъ нынѣшняго натурализма и деизма? И въ самомъ дѣлѣ, не происходитъ ли это отъ скудости содержанія тогдашней вѣры, или не отъ недостатка ли оправдательныхъ и животворныхъ дѣйствій вѣры? Но въ такомъ случаѣ не было бы тутъ и никакого свидѣтельства о вѣрѣ оправдывающей. При томъ Авель, какъ говоритъ Апостолъ, *вѣрою и умерый глаголетъ;* также Енохъ своею *вѣрою преложенъ бысть*, говоритъ Апостолъ, *не видѣти смерти* (ст. 5. XI гл. Евр.). Это, очевидно, есть самое торжественное предъявленіе животворной благодати! Значитъ, простота и малосложность сихъ свидѣтельствъ вѣры происходила не отъ скудости ея содержанія, не отъ недостатка ея оправдывающей силы, но отъ того, что она могла достаточно созерцать и предусвоять животворную силу Божію еще самымъ простымъ способомъ, какъ-то: въ воззрѣніи на творенія Божіи, въ простотѣ жертвоприношеній безъ нужды въ великолѣпіи и разнообразіи принадлежностей храма, въ непосредственномъ ощущеніи самосущаго и живаго Бога, Которому не свойственно губить взыскающихъ Его. Въ послѣдствіи же, когда образы и сѣни бла-

годати такъ полно и разнообразно развились Духомъ Божіимъ чрезъ Моисея: въ то время изъ всего сонма израильскаго уже одинъ только Моисей могъ носить, отразившуюся въ его естествѣ, славу предъявляемой въ законѣ благодати, — и то на время, по причинѣ еще необлагодатствовавшаго естества, а природа прочихъ израильтянъ не можетъ уже выносить сего отраженія славы и въ чуждомъ лицѣ; почему Моисей и долженъ былъ носить на сіяющемъ славою лицѣ своемъ покрывало, такъ что для сыновъ Израиля уже въ то время закрывались славное значеніе и сила даннаго имъ завѣта (ст. 13, III. 2 Кор.). Отъ сего же въ законѣ Моисеевомъ для не проникающихъ въ его благодатный духъ раздается строгій голосъ внѣшней обязательности: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ; проклятъ, иже не пребудетъ во всѣхъ, писанныхъ въ книзѣ законнѣй* (Гал. III, 10. 12). Пр. Іеремія, какъ тоже выслѣдилъ апостолъ Павелъ, находилъ ветхій завѣтъ, нѣкогда еще возбуждавшій въ сердцахъ живое сочувствіе своему духу и потому служившій глаголомъ праведности благодатной, — находилъ столь уже бездѣйственнымъ для тѣхъ же сердецъ, что уже становилась особенно ощутительною потребность и близость новаго завѣта, начертаваемаго благодатію въ самыхъ мысляхъ и сердцахъ (Евр. VIII, 8—13). И наконецъ, во время свое Апостолъ раскрываетъ такое изветшаніе формъ ветхозавѣтныхъ, что Адамъ, образъ Христа, является уже въ такой противоположности своему первообразу, какъ растлѣнное грѣхомъ естество противоположно оправдывающей и животворящей благодати (Рим. V, 15—21); домостроительство подзаконное, указуя по своему суще-

ственному значенію на Христа и слѣд. будучи духовно, стало также противоположно, по своимъ формамъ, новозавѣтному домостроительству, какъ противоположна — мертвая и казнящая буква закона духу милующей и прощающей Христовой благодати, какъ противоположно временное и случайное существенному и не престающему (2 Кор. III, 6—11), какъ духъ боязни и рабства духовнаго противоположенъ духу благодатной свободы и сыноположенія (Рим.); крещеніе и омовеніе, по обрядовому закону, остались только съ плотскимъ значеніемъ (Евр.); обрѣзаніе, закона не совершающее, стало не болѣе, какъ *сѣченіемъ* или простымъ обрѣзомъ плоти (Филип. III, 2). И вообще всѣ эти ветхозавѣтныя формы отъ *стихій міра*, внятно для вѣры выражавшія нѣкогда грядущую благодать, стали пустыми и безжизненными,— *немощными и худыми* (Галат. и Колос.); и теперь держаться ихъ, столь необходимыхъ и спасительныхъ прежде,—значитъ поставлять собственную правду и отвергать правду Божію, отпадать отъ спасительной вѣры, отступать отъ Христа (Гал.). Отсюда въ самомъ законѣ, въ которомъ духъ благодатной правды и строгая обязательность не раздѣльны, теперь то и другое уже не только различаются, но и разсматриваются какъ чистыя противоположности: *яже отъ закона правда, сице глаголетъ: сотворивый та человѣкъ, живъ будетъ въ нихъ. А яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоемъ* и проч., тогда какъ и тотъ и другой голосъ принадлежитъ одному и тому же Моисееву закону. (Рим. X, 5—8. сн. Лев. XVIII, 15. Второз. XXX, 14). По такому ходу ветхозавѣтнаго порядка вещей, необходимо слѣдуетъ, и Апо-

столъ это также раскрываетъ: 1-е, поелику духъ благодатный, выражаемый въ ветхомъ завѣтѣ въ *стихіяхъ міра* или въ формахъ мірскихъ и чувственныхъ, съ продолженіемъ времени становился сокровеннѣе и неудоболовимѣе, и отсюда самыя формы становились безжизненными и служили только къ стѣсненію и осужденію несоблюдавшихъ ихъ въ ихъ существѣ и духѣ; то всѣ виды ветхозавѣтнаго устроенія церковнаго, будучи *благи и духовны* сами въ себѣ, вели только къ осужденію человѣка, къ большему и большему проявленію и обличенію грѣха; и потому болѣе раннее состояніе грѣховнаго человѣчества, въ отношеніи къ позднѣйшимъ, сравнительно представляется — какъ жизнь въ отношеніи къ смерти: *азъ живлхъ кромѣ закона иногда: пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ* (Рим. VII гл.); а наконецъ само же *писаніе*, содержащее обязанности и заповѣди правды, *затвори всѣхъ подъ грѣхомъ* (Гал. III, 22). 2) Поелику же въ семъ самомъ устройствѣ ветхозавѣтномъ, которое оказывалось служеніемъ буквы и осужденія, если разсматривать оное въ однѣхъ его преходящихъ формахъ, — тѣмъ не менѣе образно выражался духъ благодати, теперь явившейся, который и составлялъ самое существо и живое содержаніе ветхозавѣтныхъ формъ: то слѣдуетъ только войдти вѣрою въ духъ благодати, прямо открываемый въ новомъ завѣтѣ, и тогда — весь и ветхій завѣтъ раскроется въ живомъ и свѣтломъ значеніи своемъ, какъ откровеніе той же благодати: *даже до сего дне тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта* (для іудеевъ) *пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ. Но даже до днесь, вогда чтется Моисей, по-*

крывало на сердцѣ ихъ лежитъ: внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало и проч. (2 Кор. III, 14—16).

Такъ апостолъ Павелъ раскрываетъ и вѣчно живое значеніе или благодатный духъ ветхаго завѣта, изъясняя, какъ сей духъ и значеніе въ немъ выраженныя слѣд. какъ оныхъ доискиваться, и вмѣстѣ разъясняетъ изветшаніе и несовмѣстность съ благодатію буквы и формъ закопныхъ, взятыхъ самихъ по себѣ. Чрезъ это раскрывается и образъ устроенія новозавѣтнаго порядка, именно какъ отрѣшенія духа и истины отъ мертвой буквы и образа, — такъ мы и изъясняли оный; и вмѣстѣ — весь ветхій завѣтъ, отъ времени терявшій свое живое значеніе, весь вдругъ оживляется и является свѣтомъ вѣчно-спасительной истины, такъ что преходящія формы оной оказываются понятными по своему происхожденію и значенію, и въ высшей степени выразительными и знаменательными по разнообразію и послѣдовательности.

Что же касается до внѣшнихъ судебъ и видоизмѣненій Церкви, — у Апостола опредѣляются онѣ изъ самаго существа спасающей во Христѣ Божіей любви, въ смерти проявляющей жизнь, въ противленіи являющей торжество спасенія. Такъ, по словамъ его (въ посланіи къ Рим. XI гл.), нѣкогда воспротивились языки, и потому отдѣленъ отъ нихъ и избранъ былъ Богомъ благопокорный Израиль: по тому же закону теперь отвергаются противящіеся сыны Израиля, и избираются въ благодатное царство благопокорные языки. И на оборотъ, какъ Израиль, за невѣріе, отсѣченъ былъ отъ роднаго по обѣтованію древа Христовой благодати, а язычники, и чуж-

дые, привились къ оному чрезъ покорность вѣры: такъ и язычникамъ, по апостольскому слову, должна угрожать опасность за измѣну вѣрѣ, *да не како и ихъ Богъ не пощадитъ*, а Израилю предлежитъ непремѣнно привиться вѣрою къ родной маслинѣ — Церкви. И какъ, чрезъ обращеніе языковъ, — нѣкогда враждебный и отверженный міръ языческій приводится въ миръ съ Богомъ; такъ, чрезъ будущее обращеніе Израиля, послѣдуетъ для міра точно какъ жизнь изъ мертвыхъ. Наконецъ, какъ царство оправдывающей и прощающей благодати открылось при оказавшейся крайней враждебности и погибели равно языковъ и Израиля, за исключеніемъ избранныхъ чадъ Церкви (Рим. I—III гл.): такъ послѣдуетъ нѣкогда великое отступленіе въ мірѣ и преобладаніе антихриста, и тутъ же все враждебное потребится вторымъ пришествіемъ Христовымъ и открытіемъ царства славы (2 Сол.). Такъ вѣрующіе, и языки и Израиль, на всѣ времена, истиною Христовою поставляются въ должное отношеніе и взаимность другъ къ другу и къ благодати.

Вотъ какъ благопотребно и благоугодно было Духу истины опредѣлить и разъяснить новозавѣтную Христову истину! Въ сихъ откровеніяхъ точность и ясность суть необходимыя, къ удовлетворенію показанныхъ потребностей, принадлежности; ни притчамъ, ни вообще неопредѣленности, или колеблемости между ветхимъ и новымъ, неизбѣжной въ самомъ еще устроеніи новыхъ вещей, — здѣсь уже нѣтъ мѣста. Образы и иносказанія здѣсь нужны только развѣ къ уясненію и усиленію предмета.

Что теперь еще потребно для новозавѣтной Церкви и вѣры? Спасительная истина и благодать предложены,

нашли себѣ достойную и удобную область, въ точности опредѣлены и разъяснены во всѣхъ нужныхъ отношеніяхъ, такъ что и самый законъ или вообще ветхій завѣтъ оказался простертымъ къ вѣрующимъ во Христа руководствомъ спасительной Его истины и благодати. Оставалось вѣрѣ и Церкви идти въ полномъ свѣтѣ открывшагося солнца истины. Но для сего, въ предосторожность противъ опасныхъ претыновеній и затрудненій, требовалось обозначить самый путь, предлежащій вѣрѣ и Церкви до самаго конца земнаго ихъ странничества. И такимъ образомъ потребно новое откровеніе Духа благодати. Это четвертый и послѣдній степень въ ходѣ всеобщаго откровенія новаго завѣта! Вникнемъ глубже въ потребность сего новаго откровенія, чтобы яснѣе примѣтить составъ и значеніе самаго откровенія, именно какъ послѣдняго звѣна въ общемъ откровеніи.

И во-первыхъ, нужно взять здѣсь во вниманіе то, что, по силѣ раскрытой благодатной истины, вѣрѣ слѣдуетъ жить небеснымъ и на землѣ. Земные порядки природы и міра не разрушаются, а утверждаются и благоустрояются Христовою истиною; но теперь уроки и тайны благодати уже не заключены въ формахъ «стихій міра», но уже созерцаются и пріемлются въ отрѣшеніи отъ нихъ, въ духовной своей чистотѣ, въ свойственныхъ своей духовности и изъ нея опредѣляемыхъ формахъ. Теперь вѣра наслаждается благодатію и можетъ возвышаться до созерцанія самой ея славы, до вышесстественныхъ дѣйствій ея же силою, и не имѣетъ существенной нужды собственно въ мірской блистательной видимости. Это такъ! Но такое созерцаніе благодати и дѣйствованіе

силою ея — условливаются вѣрою и бываютъ даруемы по мѣрѣ вѣры. Также разные порядки мірскіе и естественные тогда благоустрояются благодатію, когда ей свободно подчиняются и въ ней ищутъ для себя опоры, или когда вѣра всеусильно стремится освѣтить эти порядки свѣтомъ Христовымъ. Что же было дѣлать Христовой Церкви, когда міръ, во всѣхъ своихъ порядкахъ, былъ чуждъ Христовой благодати, да и знать ея не хотѣлъ, и даже прямо шелъ противу нея (какъ это было во время Апостоловъ и вообще въ первое время христіанства)? Равно, что было дѣлать вѣрѣ, при внутреннемъ ея ослабленіи, т. е. при появленіи и умноженіи въ самой Церкви соблазновъ и заблужденій (что также уже начало обнаруживаться въ виду самыхъ Апостоловъ)? Свѣтозарность и сила спасительной истины и благодати должны становиться, по внутреннему свойству своему, менѣе доступны и открыты для разслабляющейся или уклоняющейся отъ ихъ свѣта вѣры; а враждебность и злокозненность міра ставятъ ее въ большія опасности и труднѣйшіе подвиги. И такимъ образомъ требовалось такое откровеніе, которое, съ одной стороны, предостерегало бы Церковь противъ опасностей и козней мірскихъ, такъ чтобы онѣ ни продолжительностію, ни качествомъ, ни количествомъ своимъ не поражали вѣры, какъ чѣмъ-то ей неизвѣстнымъ и для нея чрезвычайнымъ; и съ другой — возбуждало бы и ободряло самую вѣру, такъ чтобы она постоянно взирала къ небесному и во всякомъ своемъ положеніи слышала Господа, грядущаго (ἐρχόμενον — идущаго) открыть славу и торжество благодати надъ всѣмъ враждебнымъ.

Предшествовавшихъ, касающихся того же предмета, откровеній, какъ-то: пророчества Христова объ обстоятельствахъ разрушенія Іерусалима и кончины міра, и Павлова пророчества о времени антихриста, не только нельзя признать достаточными къ удовлетворенію показанныхъ нуждъ вѣры, напротивъ они-то наиболѣе и могутъ уяснить потребность въ новомъ откровеніи. Возьмите во вниманіе пророчество Христово: въ немъ, какъ уже извѣстно намъ, предрекаемы были Христомъ обстоятельства разрушенія Іерусалима, тогда еще представлявшаго въ себѣ область благодати — Церковь, а посему не раздѣльно съ тѣмъ предрекаются обстоятельства рѣшительнаго перехода Церкви въ славу; два по предмету своему пророчества являются на одной картинѣ, входя одно въ другое по свойству и взаимному отношенію своихъ предметовъ. *Егда видите сія бывающа*, сказано въ заключеніе сего пророчества, *восклоните главы свои, яко приближися избавленіе ваше.* И вотъ Іудея и Іерусалимъ вскорѣ, по владычественно-пророческому слову Христову, пали. Не свойственно ли теперь было вѣрующимъ приподнять главу, по заповѣди Христовой, въ чаяніи сейчасъ-же готоваго открыться торжества рѣшительнаго своего избавленія и вѣчной славы? До страданій Спасителя свойственна была эта внутренняя связь двухъ пророчествъ, по продолжающейся еще живой связи ихъ предметовъ; но послѣ — въ духовной области христіанства — безъ сомнѣнія, самимъ органамъ божественной истины и благодати — св. Апостоламъ была понятна эта связь и было удобно разграниченіе двухъ пророчествъ. Что же касается до прочихъ христіанъ, мы собственнымъ

опытомъ должны удостовѣриться, что задача сей связи и разграниченія двухъ пророчествъ не вдругъ удоборазрѣшима и доступна даже для самой науки. Итакъ, самымъ исполненіемъ пророчества Христова о Іерусалимѣ и Іудеи не поставлялась ли вѣра Церкви въ крайнія недоразумѣнія и затрудненія, когда, вмѣсто рѣшительнаго избавленія, слѣдовали столь жестокія гоненія христіанъ язычниками? Такимъ образомъ книга судебъ Божіихъ, очевидно, не одною печатію была запечатлѣна.

Павлово пророчество о времени антихриста таково, что, если вѣра на основаніи онаго будетъ представлять только отдаленность пришествія Христова, то она будетъ въ опасности измѣнить своему существенному характеру и долгу — созерцать и чаять грядущаго и не коснящаго Господа, и если, на основаніи уже дѣйствующей тайны беззакопія, будетъ представлять, что *держай* или не допускающій полнаго раскрытія сей темной тайны,— кто бы онъ ни былъ, — каждую минуту можетъ перестать удерживать: то весь рядъ предшествующихъ явленію антихриста опасностей будетъ неожиданнымъ для вѣры, и она будетъ въ опасности предаваться ежечасно толкамъ, не наступило ли уже время антихриста.

Такъ именно и настоятельно требовалось обстоятельное откровеніе о грядущихъ судьбахъ Церкви и міра.

Но во-вторыхъ, не достаточно того одного, чтобы предувѣдомить вѣру о предстоящихъ опасностяхъ и предписать ей на случай каждой опасности вѣрное отъ нея избавленіе силою грядущаго въ славѣ Спасителя. Въ ветхомъ завѣтѣ на всякой случай, когда вѣра поставлялась въ затрудненіе и опасное искушеніе, не мед-

лила простираться къ ней Вышняя Десница, непосредственно руководящая и правящая, какъ благопотребно было въ семъ случаѣ. Теперь въ этомъ не будетъ нужды; ибо истина Христова вполнѣ уже открыта новымъ завѣтомъ и самый ветхій завѣтъ, подъ которымъ вѣра совершила полный кругъ своего теченія въ сѣни благодати — отъ райскаго ея блеска до совершеннаго затемнѣнія, — открылся для вѣры въ духовномъ значеніи вѣчно-живаго руководства и на все новозавѣтное ея поприще. Ибо различіе между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ поприщами вѣры одно: тамъ сѣнь, здѣсь самая духовная существенность; но существо дѣлъ и тамъ и здѣсь одно, и слѣдовательно если вполнѣ открыть духъ сѣновной буквы ветхаго завѣта, то въ семъ самомъ завѣтѣ уже дано вѣрѣ руководство и на всѣ частныя затрудненія и опасности новозавѣтнаго времени. Это прямой выводъ изъ извѣстнаго уже намъ ученія апостола Павла, касательно ветхаго завѣта. Для вѣры требовалось только утвержденіе и разкрытіе этой столь важной и необходимой для нея истины — словомъ Божіимъ, дабы она ни въ какихъ затрудненіяхъ и не чувствовала нужды въ новомъ откровеніи, а подвизалась на всякій частный случай великой опасности открыть себѣ божественное руководство, данное для нея уже въ прежнія времена; на случай же особенно тяжкихъ опасностей и затрудненій даже и наведена была на то, гдѣ именно найдти ей потребное руководство, относительно этихъ самыхъ затрудненій и опасностей. Безъ такого особеннаго откровенія новозавѣтная вѣра, и съ готовымъ божественнымъ руководствомъ, могла бы не примѣтить

или не довѣрить себѣ, что вѣрно примѣтила руководящую божественную Десницу, простертую именно къ разрѣшенію ея извѣстныхъ затрудненій; и слѣдовательно не все еще потребное къ ея успокоенію и просвѣщенію было бы сдѣлано Духомъ благодати.

Откровеніе, удовлетворяющее симъ, — очевидно уже послѣднимъ потребностямъ вѣры въ непосредственномъ всеобщемъ откровеніи, — есть именно Апокалипсисъ. Не остановимся и здѣсь на одномъ голословномъ указаніи на такое значеніе сего послѣдняго откровенія, чтобы послѣ имѣть уже рѣшительно — неоспоримое право утверждать законченную цѣлость новаго завѣта, такъ что, по заключительнымъ словамъ апокалипсиса, ни прибавлять, ни убавлять ничего нельзя было бы.

Что, во-первыхъ, апокалипсисъ дѣйствительно есть такое откровеніе, въ которомъ указываются вѣрѣ и Церкви опасныя затрудненія и искушенія, въ предосторожность или къ безопасности отъ оныхъ, и самая вѣра поставляется въ непрерывное созерцаніе Грядущаго открыть вѣчное спасеніе, — въ этомъ скоро можно удостовѣриться разсмотрѣніемъ самой книги.

Послѣ вступительнаго посланія къ седми церквамъ (первыя три главы), въ которомъ представляется дающимъ откровеніе именно *Грядущій со облаки* (I, 4. 5. 7), и каждая изъ седми церквей остерегается отъ своихъ частныхъ опасностей (II и III гл.), — смотрите сначала, какія здѣсь указаны вѣрѣ опасности и затрудненія для нея (почему аллегорически онѣ представлены, объяснится далѣе).

Первоначальное затрудненіе для вѣры представляетъ

книга грядущихъ судебъ, запечатлѣнная седмью печатями, о запечатлѣніи которой такъ много плакалъ Іоаннъ (V гл.), и явленіе точно кончины міра: *солнце мрачно бысть... и луна бысть яко кровь. И звѣзды небесныя падоша... и небо отлучися яко свитокъ* и пр. (VI гл.).

Слѣдующія, по апокалипсису, опасности вѣрѣ (VII гл.) суть кровавыя скорби (ст. 14) опредѣленнаго числа избранныхъ изъ сыновъ израилевыхъ (4—8) и безчисленнаго множества отъ всякаго языка и колѣна (9 ст.).

Далѣе за казнями враговъ (VIII и IX) и за свѣтлымъ зрѣлищемъ Ангела съ раскрытою книжицею (X), и открытаго и измѣряемаго храма съ двумя такими пророками, которыхъ власть простерта была на весь составъ міра, и которые громили непокорныхъ небесными и земными казнями,—является звѣрь, выходящій изъ бездны, сражается съ сими двумя вселенскими и какъбы всемощными пророками, побѣждаетъ и убиваетъ ихъ (XI гл.).

Еще далѣе (XII гл.), на самомъ небѣ явился змій, слѣдящій за родами облеченной въ солнце жены, готовой разрѣшиться сыномъ, *иже имать упасти вся языки жезломъ желѣзнымъ* (3. 5),—такой змій, который борется съ силами небесными (7), который, и по низверженіи своемъ съ неба, устремляется за разрѣшившеюся уже женою въ пустыню, противъ ея пускаетъ изъ своего зѣва цѣлую рѣку, *да ю въ рѣцѣ потопитъ* (ст. 15), и наконецъ, обращаетъ ярость свою на остатокъ ея сѣмени (ст. 17).

Слѣдуютъ, по апокалипсису, новыя (гл. XIII), еще тягчайшія опасности: появляются одинъ за другимъ два страшныхъ звѣря; первый имѣлъ *уста глаголюща ве-*

лика и хульна, и отверзе уста своя въ хуленіе къ Богу, хулити имя Его, и селеніе Его, и живущія на небеси. И дано бысть ему счастливо для него *брань творити со святыми* (ст. 5—8). Другой звѣрь дѣйствуетъ властію перваго звѣря, разными знаменіями заставляетъ всю землю кланяться первому звѣрю (т. е. звѣрю съ гордыми и хульными устами), сдѣлать образъ сего звѣря, самый сей образъ перваго звѣря одушевляетъ, а на его поклонникахъ кладетъ начертаніе — или *на десный руцѣ ихъ*, орудіи дѣятельности внѣшней, или *на челахъ ихъ*, сѣдалищѣ мысли (ст. 16).

Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ, для вѣры благопріятныхъ и грозныхъ невѣрію, видовъ (XIV—XVI), представляется зрѣлище новаго жесточайшаго искушенія вѣры, поразившее и Тайнозрителя изумленіемъ (XVII и XVIII): въ пустыни — на водахъ многихъ, знаменующихъ, какъ истолковано Тайнозрителемъ, *людей и народы, племена и языки*, является жена блудная, сѣдящая на звѣрѣ, преисполненномъ именами богохульными, держащая чашу въ рукѣ, наполненную мерзостями и нечистотами блудодѣянія, упившаяся кровію святыхъ (ст. 6), любодѣйствовавшая со всѣми народами и царями земными. И далѣе (XIX), прежній, сопутствуемый лжепророкомъ, звѣрь съ царями земными и воинствами ихъ, выходитъ на брань съ самимъ Господомъ господей и Царемъ царей, Словомъ Божіимъ и Его небеснымъ воинствомъ (XIX, 19. гл. XVII, 14).

И наконецъ, связанный — было, сатана *разрѣшенъ будетъ, и изыдетъ прельстити языки, сущія на четырехъ углахъ земли... собрати ихъ на брань, ихже число яко не-*

сокъ морскій. И взыдоша на широту земли, и обыдоша святыхъ станъ и градъ возлюбленный (XX, 7—9).

Таковы, по апокалипсису, страшныя опасности и искушенія для Церкви и вѣры! Подлинно, вѣрѣ нельзя уже изумиться или поколебаться ни предъ какимъ искушеніемъ, какъбы для нея не ожиданнымъ, или такимъ, относительно котораго она ни мало не была бы предупреждена и предостережена. Но показанъ и свѣтлый выходъ вѣры изъ подъ каждаго изъ сихъ искушеній, торжество Церкви надъ каждою такою опасностію, и при томъ постоянно слышанъ самъ грядущій Побѣдитель всего враждебнаго, потрясающій и небо и землю, въ избавленіи своихъ избранныхъ.

Такъ книга освобождается отъ печатей Агнцемъ и явленіе за тѣмъ зрѣлища какъбы кончины міра уже по свойству своему таково, что поражаемые Агнцемъ враги Церкви вопіютъ горамъ и каменію: *падите на ны, и покрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца: яко пріиде день великій гнѣва его, и кто можетъ стати* (16 и 17 въ VI гл.)?

Далѣе, состояніе избранныхъ отъ Израиля и отъ всякаго языка, которые *пріидоша отъ скорби великія, исправъ ризы своя*, — таково (VII, 15—17), что они суть предъ престоломъ Божіимъ, *не взалчутъ ктому, ниже вжаждутъ* и пр. Состояніе вѣчнаго блаженства! Между тѣмъ, за ихъ исключеніемъ, всѣхъ прочихъ человѣковъ поражаютъ, одна за другой, казни, хотя они не каются отъ дѣлъ своихъ, *да не поклонятся демономъ, ни идоломъ* и пр. (IX, 20 ст.).

Далѣе (XI гл.), на зрѣлищѣ измѣряемаго внутри

храма, пораженные и умерщвленные два вселенскихъ пророка оживаютъ, и въ виду всѣхъ враждебныхъ берутся на небо; *и отверзеся храмъ Божій на небеси, и явися кивотъ завѣта Его въ храмѣ Его* (ст. 19); и предъ Богомъ воспѣвается пѣснь: *хвалимъ Тя... яко пріялъ еси силу Твою великую, и воцарился еси, и языцы* разсвирѣпѣли, *и пріиде гнѣвъ Твой, и время мертвымъ судъ пріяти, и дати мзду рабомъ Твоимъ...* Опять пѣснь готоваго открыться вѣчнаго торжества!

По низверженіи съ неба змія, искавшаго потребить новорождаемаго сына жены, облеченной въ солнцѣ, слышанъ былъ на небеси *гласъ великій: нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего, и область Христа Его* (ст. 10 въ XII гл.), и змій наконецъ обращается отъ безуспѣшно преслѣдуемой имъ солнценосной жены только уже къ нѣкоему остатку ея сѣмени.

За зрѣлищемъ двухъ звѣрей, свою смертоносную силу и дѣйствіе простирающихъ на весь міръ, представляется зрѣлище стоящаго на горѣ Сіонской Агнца, и избранные воспѣваютъ пѣснь нову предъ престоломъ; слышанъ гласъ Ангела, проносящаго евангеліе во весь міръ: *убойтеся Бога... ибо пришелъ часъ суда Его;* и другаго Ангела: «ежели кто покланяется звѣрю и образу его... то и тотъ *имать пити отъ вина ярости Божія... И дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ;* являются серпы, пожинающіе землю и виноградъ земный, который и влагается въ точило ярости Божіей (XVI); за тѣмъ, слышится воспѣваемая пѣснь Моисея раба Божія и пѣснь Агнца: *великія и дивна дѣла Твоя, Господи...* кто *не убоится Тебе?... вси языцы пріидутъ и поклонятся*

предъ Тобою: яко оправданія Твоя явишася (XV гл. 3. 4), — и между послѣдующими казнями нечестивыхъ раздается гласъ: *се гряду, яко тать* (XVI, 15)...

За явленіемъ блудницы, слѣдуетъ и гибель ея. *И слышахъ*, говоритъ Тайнозритель, *яко гласъ народа многа, и яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ громовъ крѣпкихъ, глаголющихъ, аллилуя: яко воцарися Господь Богъ Вседержитель. Радуимся и веселимся, и дадимъ славу Ему: яко пріиде бракъ Агнчій, и жена его уготовила есть себе. И дано бысть ей облещися въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: виссонъ бо оправданія святыхъ* (XIX, ст. 6—8). А изъ собравшихся творити брань съ Словомъ Божіимъ — вожди ихъ, именно звѣрь и лжепророкъ, живые бросаются *въ езеро огненное, а прочіи убіени быша оружіемъ, изшедшимъ изъ устъ* Царя Царей — Слова (XIX, 20. 21).

И наконецъ, за окруженіемъ безчисленными врагами града возлюбленнаго, слѣдуетъ гибель ихъ, всемірный судъ, всеобщее воскресеніе и явленіе новаго Іерусалима подъ новымъ небомъ, на новой землѣ (гл. XX—XXII).

Се гряду скоро, заключается книга такими словами (XXII, 20). *Амінь. Ей, гряди, Господи Іисусе*...

Такъ, на каждомъ пути новозавѣтной Церкви слышанъ грядущій Господь! И вѣра постоянно поставляется въ созерцаніе вѣчнаго торжества, потрясающаго и небо и землю, къ рѣшительному избавленію избранныхъ. И потому только развѣ о сбывшейся части сего великаго пророчества можно, — и то не иначе, какъ на такихъ же твердыхъ герменевтическихъ основаніяхъ, на какихъ обыкновенно ведется изъясненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ,— можно сказать, что здѣсь представлены преемственныя

судьбы новозавѣтной Церкви, а касательно не сбывшейся еще части пророчествъ — вѣрѣ можетъ быть ясно изъ нихъ одно, что грядетъ Избавитель въ славѣ, изимая избранныхъ отъ всякихъ враговъ и опасностей. Для сего-то и нужно было именно аллегорическое представленіе предстоящихъ опасностей, а иначе самая послѣдовательность и точность великихъ судебъ Церкви отводили бы вѣру отъ непрерывнаго созерцанія и слышанія Грядущаго. «Еще многое, сказали бы мы, должно совершиться и слѣд. еще коснитъ Господь, — еще не вдругъ пріидетъ, а не есть уже Грядый»...

Во-вторыхъ, указаніе Десницы Божіей, которая, въ руководство для новозавѣтной вѣры на весь ея путь и на всякое частное ея опасное искушеніе, простерта уже изъ ветхаго завѣта, видно изъ того, что новозавѣтныя судьбы или прямо означаются обстоятельствами и чертами ветхаго завѣта, или представляются очевидно сходными съ сими послѣдними. Можно примѣтить, что въ видѣніяхъ апокалипсическихъ отображенъ весь послѣдовательный порядокъ или ходъ ветхаго завѣта. Посмотримъ въ самой книгѣ. Искупленные, какъ они себя сами называютъ, и слѣд. Христіанская Церковь, является сначала въ видѣ 24-хъ старцевъ, присѣдящихъ открытому престолу Божію, — царей и вмѣстѣ іереевъ, какъ они себя называютъ (V, 9. 10); по числу, по возрасту, по достоинству, по открытому для нихъ Богоявленію, они не подобны ли ветхозавѣтнымъ Патріархамъ — этимъ многовѣковымъ старцамъ, царямъ и іереямъ вмѣстѣ, ходившимъ во свѣтѣ столь удободоступныхъ и открытыхъ для нихъ Богоявленій, и продолжавшимся отъ

Адама до родоначальническихъ колѣнъ избраннаго народа — именно чрезъ 24 рода, и столькихъ же представителей оныхъ? Положимъ пока, что это еще догадка, подтверждаемая впрочемъ мнѣніемъ и древнихъ церковныхъ учителей [1]).

Далѣе, *рабы Бога нашего* (VII, 3), и слѣд. такъ же Церковь представляется въ извѣстномъ числѣ запечатлѣваемыхъ изъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ и потомъ (ст. 9) является *народомъ многимъ отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ*. Не прямо ли соотвѣтствуютъ сему какъ 12-ть колѣнъ израилевыхъ, такъ и размноженіе сего избраннаго рода въ *народъ многъ*, отдѣленный дѣйствительно *отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ?* Ужели и это — случайное сходство и только догадка? Продолжимъ разсмотрѣніе; ибо загадка таинственной книги не вдругъ можетъ быть раскрываема съ ясностію.

Далѣе, Церковь же, безъ сомнѣнія, является въ видѣ храма Божія съ жертвенникомъ (XI, 1), съ чудными и живыми свѣщниками (3), съ кивотомъ завѣта (19 ст.), съ поклонниками (1 ст.), со внѣшнимъ дворомъ, попираемымъ язычниками. Здѣсь явно, что храмъ представленъ по образу, видѣнному на горѣ Законодателемъ и Вождемъ избраннаго народа и послѣ осуществленному въ скиніи и іерусалимскомъ храмѣ. — Продолжимъ.

Въ слѣдъ за симъ, Церковь является свѣтозарною и вѣнценосною, слѣд. *царственною*, женою, но долженству-

---

[1]) Мнѣніе это указывается въ толкованіи на Апокал. Андрея Кесарійскаго.

ющею вскорѣ парить *въ пустыню въ мьсто свое* (гл. XIV). Такъ и ветхозавѣтная Церковь явилась нѣкогда (при Давидѣ и Соломонѣ) въ царственномъ блескѣ и величіи, но вскорѣ должна была проходить пустынею плачевнаго раздѣленія Израиля на два царства.

Смотрите, какъ дальнѣйшія явленія апокалипсиса соотвѣтственны и сообразны дальнѣйшимъ судьбамъ ветхозавѣтной ѳеократіи.

Ветхозавѣтная ѳеократія, при дальнѣйшихъ царяхъ, какъ внутренно растлѣвалась духомъ язычества, такъ и внѣшно была насилуема его преобладателями; въ тоже время сонмы пророковъ, стоя на стражѣ Сіона или ветхозавѣтной Церкви, отрѣшась отъ житейскихъ связей, грозно гремѣли противъ нечестія истинно *гласомъ водъ многихъ или гласомъ грома велика* и сладостно звучали къ утѣшенію благочестія *гласомъ гуслей гудущихъ;* они часто евангельски указывали на грядущую благодать, простирая свою проповѣдь и къ язычникамъ; они провидѣли уже и паденіе Вавилона, только еще грозящаго Іерусалиму разрушеніемъ; они изрекали грозные суды Божіи на весь міръ и предначертывали всюду пути бѣдствіямъ и опустошеніямъ; и между тѣмъ какъ для избранныхъ, и съ Моисеевымъ подзаконнымъ церковнымъ устройствомъ, отверзалось духовное святилище тайнъ и давалось прозрѣвать грядущую славу благодати, казни начинались отъ святилища (по видѣніямъ Іезекіиля). Эту картину ветхозавѣтной ѳеократіи, столь живо представляющую время отъ раздѣленія царства до плѣненія вавилонскаго, мы изображали въ чертахъ, взятыхъ съ тѣхъ видѣній Тайнозрителя, въ которыхъ представлено

усилившееся въ высшей степени преобладаніе міродержца-змія (XIII гл.). На Сіонѣ однако же стоятъ безпорочные дѣвственники, и раздается съ неба *гласъ водъ многихъ* или *грома велика*, и также *гуслей гудущихъ*, — а Ангелы проносятъ евангеліе всюду и провозглашаютъ уже совершившимся паденіе Вавилона, которое однако, какъ и самый Вавилонъ, еще послѣ увидитъ Тайнозритель (XIV) и проч.; и между тѣмъ какъ слышится пѣснь Моисея и Агнца и отверзается храмъ Скиніи свидѣтельства, исполненный славы (XV гл.), — въ самомъ семъ святилищѣ преподаются фіалы, исполненные ярости Бога, живущаго во вѣки вѣковъ.

Далѣе, за страшными язвами, изливаемыми изъ чашей ярости Божіей (Апок. XVI), напоминающихъ чашу гнѣва же Божія, которая нѣкогда подносима была чрезъ царя Вавилонскаго разнымъ народамъ (по созерцанію Іереміи), *и самъ Вавилонъ великій поляновенъ бысть предъ Богомъ*. Вотъ онъ и представляется Тайнозрителю во всей своей гнусной украшенности и величавости, во всемъ своемъ чудовищномъ видѣ (гл XVII); и падаетъ при всеобщемъ плачѣ его чтителей и съ торжественнымъ славословіемъ неба (XVIII и XIX гл.). Однако же какъ пророкъ Даніилъ видѣлъ Церковь еще подъ преобладаніемъ царства звѣрей, и подвизающихся за нее самыхъ небожителей, — такъ и новозавѣтный Тайнозритель видѣлъ *звѣря и царей земныхъ, и воинства ихъ собраны сотворити брань* (с. 19, XIX гл.), но долженствующія быть низложены отъ небеснаго Царя царей съ небесными Его воинствами (ст. 12 — 21).

Наконецъ, за возникновеніемъ ветхозавѣтнаго «воз-

любленнаго града» изъ развалинъ, послѣ плѣна вавилонскаго, и за тѣмъ воскресеніемъ ветхозавѣтныхъ избранныхъ, когда на краткое время послѣ Антіоха Епифана открылось благодействіе Израиля подъ управленіемъ первосвященниками, слѣдовало открытіе уже благодатнаго Іерусалима, въ жизнь и спасеніе котораго и вступили достойные, а прочіе отринуты. Тайнозритель въ новозавѣтныя времена провидитъ также какое-то *первое воскресеніе;* видитъ *станъ и градъ возлюбленный,* однакоже окруженный враждебными языками, сущими на четырехъ углѣхъ земли; и за тѣмъ уже наконецъ, созерцаетъ сходящій съ новаго неба на новую землю новый препрославленный Іерусалимъ, чѣмъ окончательно и рѣшены судьбы міра и Церкви.

Итакъ, судьбы новозавѣтной Церкви, въ откровеніи, дѣйствительно представлены отъ начала до конца своего — именно такъ, чтобы можно было видѣть и читать ихъ въ самомъ уже ветхомъ завѣтѣ. Всякой конечно согласится, что столь и глубокая и разносторонняя сообразность новозавѣтныхъ судебъ съ ветхозавѣтными, идущая чрезъ весь ходъ тѣхъ и другихъ, представлена въ апокалипсисѣ не случайно, и изыскана нами не просто по гаданіямъ; она же при томъ не только видна изъ сличенія апокалипсиса съ новымъ завѣтомъ, но часто указывается въ самомъ апокалипсисѣ прямо — напр. въ видѣ храма, въ предварительныхъ еще указаніяхъ на Вавилонъ, въ представленіи самаго Вавилона въ его величіи и паденіи, и т. п. Такимъ образомъ здѣсь ясно выражена та великая истина, что въ ветхомъ завѣтѣ уже оттѣнены были судьбы Церкви новозавѣтной, и слѣдствен-

но приготовлено для вѣры новозавѣтной руководство на всякія искушенія.

Болѣе сего уже и нечего было желать для вѣры.

Итакъ, по изслѣдованію объ апокалипсисѣ, онъ оказывается такимъ откровеніемъ, въ которомъ, съ одной стороны, раскрыты для вѣры какъ опасности и затрудненія, предлежащія ей на всемъ странническомъ поприщѣ Церкви, такъ и всегда торжествующая надъ врагами и опасностями Церкви сила грядущаго въ славѣ Господа; а съ другой—всѣ такія судьбы подвиговъ и побѣдъ новозавѣтной Церкви явлены предначертанными уже въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ непосредственно самъ Богъ, какъбы за руку маловозрастнаго сына, держалъ вѣрующаго, предостерегая отъ опасностей, выводя изъ затрудненій, направляя къ истинѣ и т. д. Такое откровеніе, очевидно, уже не оставляетъ нужды въ новомъ откровеніи для вѣры Церкви вселенской. Встрѣтится ли затрудненіе, опасность и проч., Божественное вѣчно-живое руководство уже готово на всякую потребность, имѣющую открыться. И потому, апокалипсисъ есть послѣднее великое звено не только новозавѣтныхъ, но и ветхозавѣтныхъ Божественныхъ откровеній.

Таковы обстоятельства, потребности и вообще порядокъ во всеобщемъ открытіи новаго завѣта! Господь сначала благоволилъ Самъ лично устроить новозавѣтный порядокъ, отрѣшая истину и благодать отъ ветхозавѣтной сѣновности; потомъ, во вторыхъ, чрезъ Апостоловъ открылъ новоустросный порядокъ въ свойственной ему формѣ и ввелъ въ соотвѣтственную ему область; и при семъ, въ третьихъ, чрезъ Апостоловъ же какъ опредѣ-

лилось самое существо новоустроеннаго и новооткрытаго порядка, такъ и разъяснился оный во всѣхъ отношеніяхъ; и наконецъ—открыто, какъ и доколѣ будетъ въ дѣйствіи сей благодатный порядокъ, какимъ путемъ и съ какимъ руководствомъ ведетъ онъ Церковь въ славу.

ПОРЯДОКЪ НАЧЕРТАНІЯ НОВОЗАВѢТНЫХЪ ОТКРОВЕНІЙ ВЪ ПИСЬМЕНАХЪ ЧРЕЗЪ ИЗВѢСТНЫХЪ СВ. ПИСАТЕЛЕЙ, СЪ ИЗВѢСТНЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ, СОДЕРЖАНІЕМЪ И ЗНАЧЕНІЕМЪ КНИГЪ НОВАГО ЗАВѢТА.

Нужда всѣ сіи виды новозавѣтныхъ откровеній заключить въ письмена, и самый порядокъ письменнаго начертанія оныхъ изъясняются также изъ обстоятельствъ устроенія и открытія новаго завѣта. Встрѣчались ли вы съ вопросомъ: почему Господь не благоволилъ Самъ лично (а только чрезъ Апостоловъ) начертать во внѣшнихъ письменахъ законы и тайны устрояемаго Имъ новаго завѣта? Вопросъ этотъ—не пустой. Моисей, ходатай подзаконнаго устройства Церкви, самъ излагалъ въ писаніи законы и обстоятельства сего устройства; и Господь, Самъ благодатію начертывая въ духѣ нашемъ Свои духовные законы, почему и во внѣшнихъ письменахъ не изложилъ эти законы Самъ лично, какъ законодатель новаго завѣта? Описаніе имъ Самимъ ученія и дѣлъ Его, какъ основныхъ въ новомъ завѣтѣ, получило бы, казалось, полную цѣлость и единство — безъ повто-

реній и кажущихся разностей; и чрезъ это удобнѣе, повидимому, было бы углубляться въ божественную премудрость дѣла, Имъ совершеннаго. Итакъ, почему же не самимъ Господомъ лично въ одномъ видѣ, а Его же благодатію чрезъ Апостоловъ и при томъ въ нѣсколькихъ видахъ изображены законодательныя для новаго завѣта дѣла и ученіе Его? Основаніемъ къ рѣшенію сего вопроса, на которомъ останавливаемся для глубочайшаго раскрытія премудрости Божіей въ порядкѣ открытія новаго завѣта, служитъ эта общая истина: откровенія — словесныя или письменныя — даются не иначе, какъ подъ условіемъ пріемлемости къ нимъ и потребности въ нихъ. Моисей избранъ былъ къ устроенію Церкви на началахъ, уже готовыхъ и довольно развитыхъ; ему слѣдовало только семейныя и родовыя начала церковнаго устройства, по внушенію и распоряженію Духа Божія, приложить къ быту народному и гражданскому, — отъ чего и была необходимость излагать законы въ письменахъ. Самъ народъ приходилъ къ нему и требовалъ положительнаго и опредѣленнаго суда Божія въ своихъ дѣлахъ. Совсѣмъ иное было въ великомъ служеніи Господа Іисуса. Онъ Своимъ искупительнымъ служеніемъ и ученіемъ еще только полагалъ начала новозавѣтнаго порядка, и притомъ самыми существенными основаніями онаго — должны быть Его смерть и воскресеніе; вѣру только Онъ совершалъ и велъ къ полному пріятію и усвоенію благодати. Слѣдовательно, существенною потребностію Его служенія были только — самыя обстоятельства Его Боговоплощенія, искупительныя Его дѣла и словесное ученіе. Что же касается до упроченія новозавѣтнаго до-

мостроительства письменами, — касательно сего довольно сказать, что, съ одной стороны, само сіе домостроительство еще только раскрывалось и совершалось по самую смерть Христову и Его воскресеніе и превознесеніе; а съ другой, и ученики Христовы думали не о томъ, чтобы всякое Его слово и дѣло увѣковѣчить для себя писаніемъ, а о томъ, кому изъ нихъ быть ближе къ Господу и всегда наслаждаться непосредственно Его бесѣдою. Нельзя было давать письменное откровеніе, когда вовсе не было простертой руки къ пріятію онаго. Безвременно было давать откровеніе въ письменахъ, когда вѣра еще смѣшала бы оное съ омертвѣвшимъ письменемъ ветхаго завѣта (такъ какъ повый завѣтъ еще не совершился окончательно, и вѣра не введена во всѣ его тайны). И вотъ изъясненіе того, почему Законодателю и Создателю новозавѣтной Церкви не благоугодно было свое духовное домостроительство Самому же упрочить и утвердить, писаніемъ (какъ то сдѣлалъ Моисей)! Такъ, а не иначе должно быть по самому внутреннему порядку дѣла Христова и состоянію Его послѣдователей.

Свойство дѣла Христова и нужды Его послѣдователей требовали именно того, чтобы не въ одномъ видѣ изобразили служеніе Христово сами Апостолы. Почему же такъ? Дѣло Христово въ его полнотѣ, объемля въ себѣ и воплощеніе Его, и земную жизнь, и ученіе, и смерть, и востаніе въ славѣ, — содержитъ, такимъ образомъ, всѣ тайны спасительной истины и благодати. Но только Самому Господу и Духу Его, Самому по себѣ естественно и просто объять всеобъемлющую истину и благодать — вдругъ, во всей полнотѣ. Что же касается до откровенія

таинъ людямъ, — самимъ органамъ Духа Святаго, *воспомянувшаго вся, яже* изрекъ и сотворилъ Господь: потребны были случаи и поводы къ раскрытію той или другой стороны Христовой истины. Такъ, хотя Господь говорилъ Апостоламъ объ отношеніи Своемъ и къ іудеямъ и язычникамъ, но для нихъ нужны были обстоятельства къ уясненію и опредѣленію сего отношенія (какъ мы видѣли при разсмотрѣніи того, гдѣ и какъ водворилась новозавѣтная Церковь). А для прочихъ членовъ Церкви тѣмъ необходимѣе постепенность и случаи къ уразумѣнію истины Христовой. Отсюда уже легко изъяснить разные виды и порядокъ евангелій.

Когда царство благодати предлагалось первоначально и съ такимъ усиліемъ Израилю, хотя съ доступностію и для стремящихся въ него язычниковъ: то была нужда и удобность обозрѣть и изобразить дѣло Христово главнымъ образомъ въ отношеніи къ Израилю. И соотвѣтственно такой точкѣ зрѣнія многія стороны служенія Христова требовалось раскрыть во всей глубинѣ, а иныя слегка только могли быть обозначены, или вовсе не тронуты, — судя по тому, какое значеніе онѣ имѣли въ отношеніи къ Израилю. И вотъ — первое изъ евангелій (отъ Матѳея).

Когда язычники предвосхищали у Израиля благодатное царство, то для нихъ потребенъ былъ другой видъ евангелія, болѣе упрощенный и доступный для этого дитяти вѣры, какимъ былъ новообращенный язычникъ. Что̀ для вѣрующаго Израиля было нужно и доступно, то могло быть выше мѣры пріемлемости новообращеннаго язычника. Примѣра къ оправданію сего искать не далеко.

Извѣстная заповѣдь Христова ученикамъ, чтобы они не ходили и на дороги языческія съ проповѣдію о *приближившемся* царствіи небесномъ, — вѣрующему еврею должна быть понятна въ истинномъ своемъ значеніи: пока приближалось, а еще не открылось искупительною смертію Господа царствіе небесное, Израиль былъ единственнымъ его обладателемъ, а язычники въ отношеніи къ сему царствію были еще «внѣшними, или, по слову самого Христа, «псами.» Столько ли просто это было для новопросвѣщеннаго язычника, которому сказано отъ благовѣстниковъ мира, что онъ на равныхъ съ Израилемъ правахъ вѣры вступаетъ въ царство Христово? Итакъ, требовалось изобразить и раскрыть служеніе Христово, сколько можно проще и доступнѣе для вѣры и сего отрочати — язычника, не знакомаго съ ветхозавѣтнымъ порядкомъ. При семъ ясно должѐнъ выставиться на видъ тотъ оттѣнокъ, или лучше, тотъ прекрасный и вожделѣнный для вѣры цвѣтъ дѣла Христова, какъ Господь простъ и доступенъ былъ въ отношеніи къ благопріемлющимъ Его и особенно дѣтямъ; какъ иные сами отчуждались отъ простертыхъ объятій Его благодати, а не Онъ являлся недоступно высокимъ для нихъ по божественному величію, хотя прочія стороны Христова служенія были бы только слегка раскрыты. Вотъ второе евангеліе (отъ Марка).

Когда начались вопросы и недоразумѣнія касательно обращенія язычниковъ, отношенія ихъ къ Израилю, и вообще ветхаго завѣта къ новому и под., — то открылось удобство и нужда выставить на видъ такой порядокъ дѣла Христова и первоначальнаго открытія новаго за-

вѣта, по которому удобно разрѣшались бы оные вопросы и недоразумѣнія. Это тѣмъ болѣе, что, въ начавшемся движеніи умовъ, *мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ*, но не всѣ съ достаточно-точнымъ знаніемъ дѣла. И такимъ образомъ долженъ былъ произойти третій видъ письменнаго евангелія (отъ Луки), и въ связи съ нею книга дѣяній Апостольскихъ. Въ семъ видѣ евангелія должна обозначиться особенно та сторона дѣла Христова, по которой благодатное домостроительство какъбы само собою выходило изъ области ветхаго завѣта съ собственною самостоятельностію, и Самимъ Господомъ полагались основанія къ призванію и принятію языковъ и пр. подоб.

Когда же тайна Христовой благодати, и въ своихъ основаніяхъ, и въ своемъ существѣ, и въ своемъ историческомъ осуществленіи, была достаточно опредѣлена и разъяснена: то открылись и нужда и удобство къ изображенію и той самой горней стороны дѣла Христова, когда Онъ Самъ и въ своемъ ученіи и особенныхъ дѣйствіяхъ раскрываетъ неизслѣдимыя основанія и внутреннюю глубину таинъ новаго завѣта, и притомъ обыкновенно по поводу понятій, направленія и желаній современнаго іудейства. Удобно это; потому что для вѣрующихъ существо и основанія христіанства уже были опредѣлены и разъяснены. Напримѣръ, ученіе Христово объ Евхаристіи, начатое съ отрицанія мертваго іудейскаго понятія ветхозавѣтной священной исторіи, — могло уже быть не только вѣрою принято, но и вѣрою понято послѣ ученія (словеснаго, если еще не письменнаго), самого Іоанна о духѣ и сущности Христовой истины, и Павлова — о ея от-

ношеніи къ ветхому завѣту. Нужно было для того, чтобы изъ самаго дѣла и ученія Христова оправдать ученіе апостольское, также какъ на оборотъ изъ ученія апостольскаго раскрыть всю глубину дѣла и слова Христова. Первое видно изъ словъ Іоанна въ 1-мъ посланіи: *еже видѣхомъ и слышахомъ о словеси животнѣмъ... повѣдаемъ вамъ;* другое — изъ его вступленій и пояснительныхъ замѣчаній въ евангеліи. Такъ произошло четвертое евангеліе (отъ Іоанна).

Изобразить все дѣло, совершенное Христомъ, и съ точки зрѣнія вѣрующаго Израиля, и для вѣры новообращеннаго язычника, и въ отношеніи ко взаимному столкновенію того и другаго, равно какъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ понятій и формъ, и наконецъ во внутренней безотносительной глубинѣ самаго дѣла Христова, — значило изобразить оное со всѣхъ существенныхъ его сторонъ: ибо Господь жилъ и училъ среди дома *Израилева*, но какъ Пастырь, имѣвшій овецъ и отъ инаго, чуждаго еще тогда, двора — *языковъ*, и для сего устроившій союзъ тѣхъ и другихъ во едино стадо, и именно въ области на всѣхъ простертой и вся благая дарующей любви Тріединаго Божества. Такимъ образомъ въ четвероевангеліи благодать Божія раскрыла дѣло Христово въ обнимающей всѣ его стороны и совершенно достаточной для вѣры полнотѣ и цѣлости.

Также изъ уясненныхъ нами обстоятельствъ происхожденія евангелія въ четырехъ видахъ удобно объясняются и самыя разности сихъ евангелій, при единствѣ ихъ во всемъ существенномъ. Не будемъ здѣсь говорить уже о томъ, что въ этихъ разностяхъ можетъ быть

понятно само собою изъ вышесказаннаго (понятно, напримѣръ, само собою, почему въ евангеліи Матѳея, писанномъ для вѣрующихъ іудеевъ, родословіе Христово начинается съ Авраама; а въ евангеліи Луки, выясняющемъ и тайну призванія язычниковъ, возводится оно до общаго всему человѣчеству родоначальника Адама и самого Бога). Но для примѣра укажемъ и разберемъ хотя одну неудобо-объяснимую разность. Почему воскрешеніе Лазаря, это особенно торжественное и открытое для самаго іудейства чудо, ни даже намекомъ не указано въ первыхъ трехъ евангеліяхъ, а такъ обстоятельно, однакожъ, описано въ евангеліи Іоанна? Въ этомъ чрезвычайномъ событіи Самъ Господь указывалъ раскрытіе той глубочайшей тайны Своего Лица, что Онъ есть самоисточная жизнь и источникъ жизни для другихъ (Іоан. XI, 25); въ самомъ совершеніи сего чуда Онъ открывалъ, что внѣшнія Его дѣйствія раскрываются изъ внутренняго, недовѣдомаго міру, сыновняго Его собесѣдованія съ единосущнымъ Отцемъ (ст. 41 и 43). Событіе съ такимъ значеніемъ и совершеніемъ онаго, очевидно, идетъ къ духу только такого евангелія, которое раскрываетъ непзслѣдимыя основанія и глубину новаго завѣта. Равно, по тому же происхожденію четырехъ видовъ евангелія, объясняется, что и одни и тѣже событія и части ученія получаютъ, въ разныхъ евангеліяхъ особое значеніе — въ каждомъ. Такъ, напримѣръ, принятіе Господомъ дѣтей, приводимыхъ къ Нему, или указаніе Его на одно изъ такихъ отрочатъ, — по св. Матѳею, служитъ для Израиля однимъ изъ способовъ къ возвышенію понятій надъ мечтами его о плотскомъ величіи и видимости; въ

евангеліи Марка тѣ же обстоятельства представляются новообращенному язычнику, этому дитяти вѣры, однимъ изъ умилительныхъ случаевъ проявившейся въ Господѣ удобоприступности и простоты къ дѣтской простотѣ, отъ чего въ евангеліи Марковомъ обозначена та особенность, что Господь *обнималъ* приводимыхъ дѣтей и также то отроча, на которое Самъ указывалъ (Мар. IX, 36. X, 16). Описаніе усѣкновенія Іоанна Предтечи, по евангелію Матѳея, указуетъ главнымъ образомъ на то, что время ветхозавѣтное рѣшительно отходитъ съ послѣднимъ его пророкомъ — Предтечею новаго завѣта; а у Марка событіе смерти Предтечи, раскрытое съ особенною обстоятельностію, проявляетъ новообращенному язычнику спасительную Десницу Вышняго, столь удобоприступную и для Ирода, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ незамѣтно отрѣваемую и наконецъ столь несчатно и рѣшительно отвергнутую этимъ грѣхолюбивымъ человѣкомъ (Марк. VI, 17—28). Также изгнаніе изъ храма продавцевъ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе у Іоанна, нежели у другихъ Евангелистовъ: у него оно раскрыто въ самой внутренней глубинѣ своего основанія — *разорите церковь сію, и тремя днями воздвигну ю;* тогда какъ въ евангеліи Луки это обстоятельство служитъ къ поясненію отверженія плотскаго Израиля, почему описаніе онаго и поставлено въ-слѣдъ за приговоромъ отверженія его (Лук. XIX, 45. сн. 42—44). У Матѳея же это событіе — служитъ проявленіемъ Благодати, простертой къ Израилю, какъ ея наслѣднику, но не находящей въ іудеяхъ истиннаго соотвѣтствія своему къ нимъ стремленію, — что̀ видно изъ сопоставленія сего обстоятельства прямо

съ торжествомъ входа Христова во Іерусалимъ (XXI, 12 и сл. сп. 9—11). А у Марка тоже событіе служитъ къ раскрытію того, какъ несносны и нестерпимы злоупотребленіе и пренебреженіе спасительными дарами и учрежденіями и для самаго столь благаго и столь просто доступнаго Спасителя, — почему сіе событіе поставлено у него въ совершенной отдѣльности отъ обстоятельствъ входа во Іерусалимъ (XI, 10. 11—15 и д.), и соединено съ другимъ случаемъ, символически тоже самое представляющимъ (сп. 13 и д.), — случаемъ, въ объясненіи коего указано только на силу вѣры и на долгъ незлобія ко всѣмъ (23—26). Слѣд. четырекратное повтореніе одного и того же событія — есть не просто повтореніе, а вмѣстѣ и раскрытіе онаго съ разныхъ сторонъ. Оттуда же, т. е. изъ тѣхъ же указанныхъ обстоятельствъ происхожденія евангелія въ четырехъ видахъ, наконецъ, изъясняется просто и то, почему первые три евангелія сходны, и наиболѣе различно отъ нихъ евангеліе Іоанново. Когда бы язычнику указали совершенно на иныя обстоятельства жизни и части ученія Христова, нежели еврею, и въ объясненіе взаимныхъ ихъ недоразумѣній указаны были также совершенно новыя обстоятельства и части служенія Христова: то при взаимномъ ихъ соотношеніи (ибо тотъ и другой входили въ одну Церковь) недоразумѣніе и раздѣленіе между ними поддерживалось бы и усиливалось бы самымъ евангеліемъ. Это очевидно само по себѣ. Поэтому Евангелисты, писавшіе для вѣрующаго еврея, язычника и къ устраненію взаимныхъ между ними недоразумѣній,—при всѣхъ особенностяхъ каждаго, оказываются, при сличеніи ихъ, особенно между собою сход-

ными [1]). Совсѣмъ иное дѣло — такое евангеліе, которое слѣдитъ и раскрываетъ въ дѣлѣ Христовомъ собственно внутреннія безотносительныя глубины тайны Христовой или домостроительства нашего спасенія: здѣсь по необходимости дѣло должно касаться совершенно — новыхъ сторонъ служенія Христова, которыя по своей выспренней высотѣ были недоступны для новообращенныхъ — и евреевъ и язычниковъ, и могли бы подвергнуться взаимнымъ ихъ пререканіямъ, и которыя удобно и нужно было выставить на видъ, какъ мы видѣли, уже по достаточномъ разъясненіи тайны Христовой и устраненіи взаимныхъ между іудеями и язычниками недоразумѣній. И такимъ образомъ евангеліе Іоанново является столь своеобразнымъ (оригинальнымъ) по порядку и выбору предметовъ.

Случаи и нужда къ написанію откровеній, служащихъ къ опредѣленію и разъясненію устроеннаго Господомъ и открытаго новаго завѣта, очень естественны, когда органы Христовой истины и благодати чужды были свойствъ повсюднаго и всегдашняго сопричастія съ вѣрными. Случаи и нужды въ откровеніяхъ такого рода открывались иногда вдругъ въ разныхъ мѣстахъ, и притомъ такихъ, отъ которыхъ далекъ былъ Боговдохновенный руководитель ихъ вѣры, или совсѣмъ готовъ былъ удалиться *чрезъ отложеніе тьмы сея* (2 Петр.). Рука вѣры была не только простерта къ пріятію, но и требовала руководительныхъ откровеній. И вотъ Богопос-

---

[1]) Въ ученыхъ толковательныхъ сочиненіяхъ на Западѣ первые три Евангелиста обыкновенно и называются *Синоптиками*.

ланные и Боговдохновенные благовѣстники, въ сознаніи ли скорости отложенія своего тѣлеси, по выраженію Петрову, или по невозможности къ личному соприсутствію — ведутъ письменныя бесѣды съ своими чадами.

Необходимость изложить въ писаніи откровеніе о всемъ пути, предлежащемъ новозавѣтной вѣрѣ и Церкви, открывается изъ того, что это откровеніемъ могло быть изъясняемо главнымъ образомъ не иначе, какъ чрезъ событія, и потому не упроченное въ писаніи, оно и не могло удержаться въ своей чистотѣ и цѣлости и, потому же въ началѣ сего откровенія сказано: *яже видиши, напиши въ книгу...* и еще: *напиши, яже видѣлъ еси, и яже суть и имъ же подобаетъ быти по сихъ* (I гл. Апокалипсиса).

Кто теперь и каковы были избранные служители и органы сихъ письменныхъ откровеній? Всѣ они были первоначально питомцы ветхаго завѣта, обладаемаго іудеями, но вмѣстѣ основные во Христѣ камни и первые распространители Церкви новозавѣтной, открытой всему міру [1]).

Но болѣе всего должно остановить насъ на новозавѣтныхъ писателяхъ самое внутреннее состояніе и свойство новозавѣтныхъ писателей, когда они излагали въ писаніи откровенія новаго завѣта. Этотъ внутренній и существенный ихъ характеръ опредѣленъ самимъ Господомъ, когда Онъ на прощальной бесѣдѣ говорилъ уче-

[1]) Послѣднее не сомнѣнно для вѣры, а первое подлежитъ отчасти пререканіямъ касательно главнымъ образомъ Луки. Впрочемъ и самыя пререканія такого рода, что его признаютъ однакоже прозелитомъ іудейскимъ; а этого пока и довольно для насъ къ утвержденію той истины, что всѣ писатели новаго завѣта имѣли первоначально нравственное воспитаніе собственно на ветхозавѣтныхъ началахъ.

никамъ: *не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV, 15). Правда, здѣсь не всѣ изъ новозавѣтныхъ писателей были съ Господомъ, но собственно двенадесять Его учениковъ. Но въ приведенныхъ словахъ Господа представляется характеръ Его избранныхъ, именно какъ наученныхъ отъ Господа познанію всей воли и совѣта Отца небеснаго о человѣческомъ спасеніи; а это могло быть собственностію и не двухънадесяти только Апостоловъ, какъ апостолъ Павелъ именно говоритъ о себѣ: я получилъ оное (евангеліе) не отъ человѣкъ, но чрезъ откровеніе Іисусъ Христа (Гал. I, 12). Симъ и отличаются новозавѣтные Богодухновенные проповѣдники отъ ветхозавѣтныхъ, что тѣмъ только предъявляемъ былъ совѣтъ Божій о спасеніи человѣка, и что они еще усиливались, и то иногда напрасно, испытать и изслѣдовать, на что именно, на какія и какихъ временъ событія указуетъ имъ Духъ Святый (1 Петр. I, 10—12); слѣдовательно они еще были болѣе рабами, нежели друзьями Благодателя, какими явились св. Апостолы, введенные въ благодать, вполнѣ открытую. И совѣтъ спасающей насъ Благодати имъ открытъ былъ, какъ живымъ духовнымъ органамъ, уже вполнѣ облагодатствованнымъ, такъ что они имѣли *умъ Христовъ*, жили *утробою* или сердцемъ Іисуса Христа, какъ говоритъ апостолъ Павелъ (Кор. Филип.). Посему-то они и не дожидались всякій разъ внѣшняго призванія Божія къ удовлетворенію тѣхъ или другихъ, выше указанныхъ, нуждъ Церкви, но сами имъ въ силѣ Св. Духа сочувствовали, и ихъ пред-

упреждали, и вообще возвѣщали Церкви Божію волю, какъ довѣренные, свободно и дерзновенно дѣйствующіе во Св. Духѣ, друзья Христовы и свободные соработники у Бога. Петръ самъ, какъ всегда сообщный Св. Духу и Имъ движимый, нашелъ должнымъ и необходимымъ *возставляти* вѣрныхъ письменнымъ воспоминаніемъ, *вѣдый, яко скоро есть отложеніе тѣлесе моего: праведно бо мню, донелѣже есмь въ семъ тѣлеси, возставляти васъ воспоминаніемъ* (2 Петр. I, 13. 14). У Павла не въ буквенныхъ только начертаніяхъ, но и многими слезами изливалась благодатная во Св. Духѣ попечительность о чадахъ, требующая письменной бесѣды съ ними: *многими слезами писахъ вамъ*. Тайнозритель много плачется, увидѣвъ таинственную книгу, печати которой разрѣшить и самую ее развить никто не могъ, — доколѣ не привлекъ къ себѣ утѣшительнаго откровенія: *не плачися: се побѣдилъ есть левъ, иже сый отъ колѣна іудова* (V, 3. 4. 5). Такъ прямо по указаннымъ потребностямъ св. писатели или излагали въ письмени готовыя и вѣчно — живыя въ нихъ духѣ откровенія Св. Духа, или и принимали опыя вновь (какъ Тайнозритель), къ начертанію сихъ въ письменахъ. Такъ и произошелъ новый завѣтъ, съ понятнымъ уже теперь намъ содержаніемъ, характеромъ и значеніемъ.

Въ немъ раскрыты тайны и уроки спасительнаго во Христѣ совѣта Божія — уже во всецѣлой своей духовной чистотѣ и отрѣшеніи отъ совершенно-изветшавшихъ формъ ветхозавѣтнаго порядка вещей, и съ прояснѣніемъ вѣчно-свѣтлаго и живаго значенія и духа сего послѣдняго. И именно: 1) въ четвероевангеліи со всѣхъ существенныхъ сторонъ раскрывается то дѣло Христово,

какъ Онъ устроялъ новый завѣтъ, чрезъ отрѣшеніе благодати отъ мертвой буквы ветхозавѣтнаго устроенія Церкви, и съ возведеніемъ вѣры отъ видимости и сѣновности въ самый духъ и истину. 2) Въ дѣяніяхъ апостольскихъ раскрывается, какъ новоустроенная Церковь духа вполнѣ открытой благодати введена въ свойственное ей положеніе и внѣшнюю область. 3) Въ посланіяхъ—тайны и уроки новаго завѣта и опредѣлены уже въ своей отрѣшенной чистотѣ — это въ соборныхъ посланіяхъ, и разъяснены во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что прояснилось вполнѣ и благодатное значеніе прежняго порядка, съ отмѣненіемъ мертвыхъ уже его формъ, и настоящій порядокъ новаго завѣта разъясненъ и въ своихъ основаніяхъ, и въ раскрытіи своемъ и т. д. Это—въ Павловыхъ посланіяхъ. 4) Указанъ и весь путь новозавѣтной Церкви до открытія ея въ торжествѣ и славѣ, такъ что свѣтъ сего откровенія отражается и на всемъ ветхомъ завѣтѣ, открывая существенныя его отношенія къ судьбамъ Церкви новозавѣтной, какъ руководство для нея во всѣхъ частныхъ случаяхъ,—понятнаго уже при полной открытости спасительной истины и благодати въ новомъ завѣтѣ. И такимъ образомъ новый завѣтъ, какъ и ветхій, является въ полной и законченной цѣлости; и, по указанному сейчасъ значенію апокалипсиса, уже необходимо ко всему составу писанія отнести это заключительное свидѣтельство Тайнозрителя: *сосвидѣтельствую всякому слышащему словеса пророчества книги сея: аще кто приложитъ къ симъ, наложитъ Богъ на него язвы, написанныхъ въ книзѣ сей: и аще кто отъиметъ отъ словесъ книги пророчествія сего, отъиметъ Богъ часть отъ книги его*

животныя, и отъ града святаго, и написанныхъ въ книзѣ сей (XXII, 18. 19). То есть: прибавлять или убавлять что отъ книги сея, сокращенно и знаменательно представляющей въ себѣ и ветхій завѣтъ и указующей на раскрытіе онаго въ новомъ завѣтѣ, слѣдовательно прибавлять и убавлять отъ всей библіи, въ силѣ Св. Духа выражающей въ себѣ любовь во Христѣ Отца небеснаго къ человѣкамъ,—значитъ извращать спасительное Божественное руководство для насъ, съ непремѣннымъ послѣдствіемъ сего — утраты вѣчнаго спасенія.

Такъ полно и цѣлостно въ своемъ составѣ св. писаніе! Новый завѣтъ образовался и сталъ полнымъ, не какъ шкафъ библіотечный, въ которомъ помѣщены книги по мѣрѣ внѣшняго его объема и во внѣшнемъ правильномъ порядкѣ. Нѣтъ, это—живой и цѣлый организмъ, какъ развивающійся, такъ и законченный по своему внутреннему порядку—изъ внутреннихъ началъ и законовъ. Скажутъ ли еще: да неужели и не могло утратиться или прибавиться что либо, какъ напр., малый палецъ отъ организма нашего тѣла и т. п.? Теперь мы въ—правѣ съ твердостію отразить такое сопоставленіе, безъ опасенія быть перетолкованными. Что намъ до возможностей, когда въ дѣйствительномъ тѣлѣ видна полнота и законченная цѣлость, и когда въ дѣйствительно живомъ тѣлѣ и одинъ, отдѣленный отъ онаго, перстъ лишилъ бы уже тѣло естественной его цѣлости и полноты? Мы слѣдили дѣло Божіе, въ откровеніи новаго завѣта, по его общему внутреннему порядку; при чемъ шага не дѣлали мы безъ основанія, требовавшаго иногда продолжительныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій. И видѣли, что какъ всецѣ-

лый составъ новаго завѣта произошелъ по коренному и всеобщему закону Божественныхъ откровеній — раскрывать тайны и уроки спасенія въ ихъ духовномъ значеніи по мѣрѣ того, какъ затемнялось образное и предначинательное ихъ выраженіе; такъ и главные отдѣлы онаго не только въ общемъ своемъ видѣ, но и въ такихъ частяхъ, каковы напр., посланія Іуды, III-е Іоанново—обозначались сами собою по внутренней послѣдовательности сего дѣла Божія. То самое, что новозавѣтныя откровенія заключены въ письменахъ въ разныя времена и по частнымъ случаямъ, и особенно евангеліе не въ одномъ и томъ же видѣ,—раскрыто также изъ внутренняго порядка и свойства откровеній. Сего достаточно для нашего удостовѣренія, что частные внѣшніе случаи къ написанію книгъ новозавѣтныхъ отнюдь не сообщаютъ происхожденію и составу новозавѣтныхъ книгъ свойства внѣшней случайности (т. е. не потому столько и такихъ книгъ новаго завѣта, что столько и такихъ требовалось и сохранилось по чисто—случайнымъ обстоятельствамъ), но напротивъ самые сіи случаи къ написанію были въ преднамѣренномъ виду и распоряженіи Духа Божія, осуществлявшаго въ откровеніи новаго завѣта свою Божественную мысль, по собственнымъ ея началамъ и предначертаніямъ относительно Церкви вселенской (и слѣдовательно потому оказалось столько и такихъ частныхъ случаевъ къ написанію новозавѣтныхъ книгъ, что такіе случаи и столько они подошли къ мысли Духа Святаго, осуществившейся въ откровеніи и написаніи новаго завѣта). Такъ, а не иначе, должно разсуждать о св. писаніи уже потому, чтобы не оскорбить достоинства его,

и не поставить дѣла Божія ниже многихъ дѣлъ человѣческихъ; ибо и люди порядочные обыкновенно дѣлаютъ свои дѣла — не какъ попало и случалось по внѣшнимъ обстоятельствамъ, а напротивъ случайныя обстоятельства подчиняютъ себѣ. И такой достойный слова Божія взглядъ на новый завѣтъ у насъ хотя отчасти — столько, сколько можно въ настоящее время и съ нашими силами и способами, — оправданъ и доказанъ чрезъ разсмотрѣніе самого новаго завѣта.

Характеръ новозавѣтныхъ св. книгъ опредѣляется изъ обстоятельствъ и свойствъ новозавѣтныхъ органовъ духа истины и благодати. Отъ того обстоятельства, что новозавѣтные писатели принадлежали къ первенствующимъ и по значенію столько же, какъ по времени, членамъ и распространителямъ всемірной Христовой Церкви, произошли естественно разныя особенности новозавѣтныхъ книгъ. И, во-первыхъ, отсюда произошло то высокое выраженіе новаго завѣта, — и прямо высказываемое иногда въ новозавѣтныхъ книгахъ, и вообще видное въ ихъ тонѣ, — что въ нихъ изображается новое не только для вѣковъ и родовъ земли, но и для самихъ Ангеловъ. Это свойство самобытнаго и первоначальнаго откровенія благодати, во всей ея полнотѣ и опредѣленности, отпечатлѣно и въ такихъ писаніяхъ, въ которыхъ указывается или на авторитетъ другихъ Апостоловъ, или на сдѣланные уже и другими опыты подобныхъ писаній. Такъ, евангелистъ Лука, указавшій на опыты многихъ дѣписателей, тѣмъ не менѣе излагаетъ евангельскія событія съ самостоятельнымъ духоноснымъ испытаніемъ всего. Или: ап. Павелъ въ по-

сланіи къ Евреямъ, указавъ на свидѣтельство о евангеліи непосредственныхъ слушателей Христовыхъ (II, 3),— поспѣшаетъ къ совершенству слова и властительно руководитъ Евреевъ, какъ еще только отнимаемыхъ отъ млека, къ принятію малоизвѣстной еще имъ твердой пищи, хотя они и прежде другихъ приняли вѣру (V, 13. 14. VI, 1). А Іуда, по намѣренію и предмету своего посланія, признаетъ и утверждаетъ авторитетъ Апостоловъ, предавшихъ вѣру святымъ единою; но не само слово Божіе, въ его посланіи, основывается на семъ авторитетѣ,— какъ можете видѣть въ самомъ посланіи. Во-вторыхъ, что касается рѣчи новозавѣтныхъ писателей, какъ всемірныхъ первенствующихъ проповѣдниковъ, — въ новозавѣтныхъ книгахъ общій первопачальный языкъ есть общеупотребительный въ то время греческій; само евангеліе отъ Матѳея, какъ писанное для Евреевъ, по свидѣтельству Папія на еврейскомъ или арамейскомъ нарѣчіи, отъ апостольскихъ же временъ существуетъ на греческомъ, а по изысканіямъ нѣкоторыхъ, и первоначально писано на греческомъ же [1]). Въ-третьихъ, и въ воззрѣніяхъ и въ рѣчи новозавѣтныхъ писателей, какъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства, необходимо дол-

---

[1]) см. Güerik. И при томъ это такой діалектъ греческаго, въ которомъ, въ слѣдствіе обобщенія самой Греціи и эллинизаціи міра Александромъ, смѣшены разные частные греческіе діалекты, съ преобладаніемъ впрочемъ аттическаго діалекта, какъ болѣе обработаннаго и употребительнаго,— который, при томъ, чрезъ всемірное преобладаніе Римлянъ принялъ въ себя, вмѣстѣ съ римскими понятіями, нѣкоторыя и слова латинскія: наприм. *преторія, легіонъ, кустодія* и проч. Словомъ: въ новомъ завѣтѣ — діалектъ греческій, какой естественно былъ въ общемъ употребленіи того времени.

жны были появиться и новыя нѣкоторыя понятія, свойственныя христіанству, и изъ него только изъясняемыя, и новыя слова и выраженія сихъ понятій и словъ: плоть, духъ, пакибытіе и пр.

Далѣе, отъ того обстоятельства новозавѣтныхъ св. писателей, что они были питомцы ветхаго завѣта и іудейства, произошло то свойство ихъ писаній, что въ звукахъ сихъ органовъ Духа слышны всюду отголоски ветхаго завѣта и іудейства. Такъ, новый завѣтъ весь испещренъ ветхозавѣтными цитатами и образами, воспроизводимыми Духомъ Божіимъ, какъ родными, такъ сказать, самимъ писателямъ. Какъ введенные въ новозавѣтную истину и благодать изъ іудейства, они явились потому самыми благопотребными органами Духа къ тому, чтобы и чрезъ нихъ выставить на видъ самыя тонкія черты перехода отъ ветхаго къ новому завѣту и раскрыть все глубокое соотношеніе между тѣмъ и другимъ. Не то, чтобы нужны были для Боговдохновенныхъ Апостоловъ прежнія ихъ іудейскія свѣдѣнія и понятія; но наприм. Павелъ, бывшій пламенный ревнитель мертваго іудейства, изникнувъ изъ онаго въ свѣтъ благодати и истины Христовой, — чрезъ это и поставленъ былъ Духомъ Божіимъ въ созерцаніе живой тайны самаго ветхаго завѣта. Отсюда и въ рѣчи новозавѣтныхъ св. писаній встрѣчаются слова и обороты еврейскіе и сирохалдейскіе [1]). Вообще: поелику греческій языкъ для іу-

---

[1]) Таковы слова, только буквами греческими написанныя въ новомъ завѣтѣ: *авва, аллилуія, аминь, осанна* и проч. Обороты, имѣющіе сочетаніе и значеніе фразъ еврейскихъ: *утвердить лице,* въ значеніи вознамѣриться (Лук. IX, 5. ср. Іезек. XXII, 10. Іез. VI), условная

деевъ долженъ былъ получить новый оттѣнокъ чрезъ переводъ на оный ветхаго завѣта LXX-ти толковниковъ: то греческій языкъ новаго завѣта оказывается сроднымъ переводу LXX-ти.

Наконецъ, изъ тѣхъ обстоятельствъ, что новозавѣтные писатели принадлежали къ іудеямъ по религіи прежней, и явились представителями и вождями христіанства, не совмѣстнаго съ обветшавшимъ іудействомъ, изъясняется и та частность новозавѣтныхъ книгъ: иногда въ нихъ писатель отдѣляетъ себя отъ языковъ вѣрующихъ, (напр. см. 3 Іоан. 7. Еф. II, 1. 3 и пр.); а иногда именемъ *іудеевъ* обозначаетъ вообще членовъ и особенно представителей современнаго, враждебнаго благодати, іудейства: въ такомъ смыслѣ евангелистъ Іоаннъ такъ часто употребляетъ имя *іудеевъ* въ своемъ евангеліи. (*Рече Господь ко пришедшимъ іудеомъ*, какъ будто сами ученики Господа были не изъ іудеевъ).

Это — особенности новозавѣтныхъ писаній, изъясняемыя изъ обстоятельствъ новозавѣтныхъ писателей.

Поелику же св. новозавѣтные писатели, по своему внутреннему состоянію, обладали полнымъ откровеніемъ спасительной воли Отца небеснаго: то отсюда произошли новыя особенности новозавѣтныхъ книгъ. И во-первыхъ, въ сихъ книгахъ уже нѣтъ той сокровенности ветхаго завѣта, по которой тайна благодати или созерцается въ

рѣчь въ значеніи совершеннаго отрицанія, наприм.: *аще дастся роду сему знаменіе... сице вниду̀тъ въ покой Мой* (Мар. VIII, 12. Евр. III, 11. сл. Быт. XIV, 23. Псал. XCIV, 113); *отвѣща же* тотъ или другой въ томъ значеніи, что «продолжаетъ или только еще начинаетъ рѣчь» (Мат. XI, 25. VII, 4. Втор. XXVI, 5. Ис. XXI, 51) и др.

образахъ, такъ что только самые образы и выставляются на видъ, или раскрывается въ неразрывной связи съ образными представленіями; въ новозавѣтныхъ книгахъ, напротивъ, существо дѣла — существо истины и благодати всегда или высказывается прямо, или удобоопредѣлимо. Не говоря о посланіяхъ, въ которыхъ собственно опредѣляется и разъясняется существо Христовой истины, и въ которыхъ потому *неудобь разумное* встрѣчается развѣ по свойству предметовъ глубокихъ, — возмемъ во вниманіе евангеліе и апокалипсисъ. Въ евангеліи притчи, наприм., принадлежатъ къ способамъ раскрытія истины, не прямаго и точнаго; есть приточныя и загадочныя выраженія Спасителя, сами по себѣ не удоборѣшимыя. Но или самъ Евангелистъ въ такихъ случаяхъ замѣчаетъ, о чемъ именно *сія рече Іисусъ*, какъ это дѣлаетъ ев. Іоаннъ (а Матѳей даетъ понять и общій смыслъ и намѣреніе приточной рѣчи, относя притчи къ одному роду съ гадательными и образными откровеніями ветхаго завѣта),—или мысль о царствіи небесномъ, какъ царствѣ благодати и спасающей милости Божіей, уже сама по себѣ не есть въ новомъ завѣтѣ сокровенная еще въ своемъ духѣ тайна для вѣрующаго, и потому разливаетъ свѣтъ на всѣ частныя черты притчи. Или: когда Господь изрекаетъ, что Онъ пришелъ не разорить, а исполнить законъ и пророки, и за тѣмъ однако отмѣняетъ и повидимому разоряетъ букву закона: то симъ прямо внушаетъ слушателю или читателю углубляться въ самое существо, намѣреніе и духъ отмѣняемаго закона. Въ апокалипсисѣ существо дѣла — именно враждебность міра и торжество надъ нимъ грядущаго во славѣ

Господа – вездѣ ясно представляются читателю; не говорю о томъ, какъ могутъ быть ясны и самыя частныя черты исполнившихся пророчествъ сей книги, если стать на должной точкѣ зрѣнія въ отношеніи къ нимъ.

Во-вторыхъ, въ новозавѣтныхъ книгахъ нѣтъ и того вдохновеннаго какъбы изступленія (разрѣшающагося такимъ обиліемъ пламенѣющихъ чувствъ и рѣчи, или же, при своей сосредоточенности, едва выносимаго избраннымъ), какому предаются не рѣдко ветхозавѣтные пророки.

Въ новомъ завѣтѣ, гдѣ вся область спасающей любви открыта избранному, — онъ или въ простотѣ и спокойствіи созерцаетъ ея тайны (какъ особенно Іоаннъ), или воодушевляется и восхищается, но только прямо тѣмъ, что̀—самое существо раскрываемой имъ истины и благодати, — есть сама жизнь и самая торжественная, восхитительная красота (какъ видно въ посланіяхъ Павла). Посему, что̀ слово въ такой одушевленной рѣчи, то особая, точно выраженная, мысль, стоящая въ логической связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ.

Въ-третьихъ, и противъ всего враждебнаго благодати, при совершившейся тайнѣ Христова торжества надъ зломъ, — новозавѣтные писатели не вооружаются всею силою гнѣва и суда, чтобы, смягчивъ жестоковыйное естество, открыть человѣку нѣкоторую часть свѣтлаго лица-благодати, какъ въ ветхомъ завѣтѣ. Напротивъ, въ новомъ завѣтѣ или съ рѣзкою опредѣленностію выражается, что враждебные благодати уже заранѣе предувѣдѣны и отвержены, какъ сыны погибели, — или къ отраженію лжи и вообще зла употребляется и со всею силою направ-

ляется оружіе не суда, прикровенно обращаемое спасающею же Десницею, по самой, прямо открытой, Христовой любви, *болѣзнующей снова о своихъ чадахъ, дондеже вообразится въ нихъ Христосъ.*

Наконецъ, поелику новозавѣтные писатели были органами Святаго Духа не по пріемлемости къ тому, оставшейся отъ первобытнаго состоянія, но какъ вполнѣ облагодатствованные въ своемъ духѣ, имѣющіе умъ Христовъ, сердце Христово и проч.; — то отсюда произошла та особенность новаго завѣта, что писатель новозавѣтный представляется, истинно, не рабомъ, провозвѣстникомъ воли Господа: *тако глаголетъ Господь;* по— другомъ, изслѣдующимъ обстоятельства и тайны благодати *вся испытно*, — разсуждающимъ, предполагающимъ и т. д. Если и употребляетъ онъ въ особенныхъ случаяхъ формулу: *глаголемъ словомъ Господнимъ*, то это не для сообщенія особенной Божественной важности нѣкоторымъ только частямъ своего ученія, но для рѣшительнаго успокоенія вѣры и для обозначенія истиннаго источника вообще всѣхъ своихъ рѣчей. Если и отличаетъ *повелѣнія Господни* отъ своихъ *совѣтовъ:* то первыя разумѣетъ, какъ относящіяся къ законодательному устроенію Господомъ новаго завѣта, взятому въ смыслѣ историческомъ, а послѣдніе изрекаетъ — съ указаніемъ на внушеніе самому себѣ Духа же Божія: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор.).

Духъ благодати и истины выразился въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, какъ проявившійся и навсегда вселившійся въ сосудахъ человѣческаго естества, — отсюда и самыя неизбѣжныя ограниченія человѣческаго существа, —

въ новозавѣтныхъ писателяхъ являются свѣтлыми чертами вполнѣ снизшедшей къ человѣку благодати.

Значеніе новаго завѣта, какъ Божественно-непреложнаго руководства намъ ко спасенію, — къ достиженію истиннаго назначенія человѣческаго во всѣхъ отношеніяхъ, должно быть понятно изъ содержанія и характера новаго завѣта. И потому удобно раскрыть спасительное значеніе новозавѣтныхъ св. книгъ какъ въ общемъ ихъ составѣ, такъ и въ главныхъ отдѣлахъ.

И прежде всего, поелику вообще въ новомъ завѣтѣ открыты тайны и уроки спасающей насъ благодати вполнѣ, съ отрѣшеніемъ оныхъ отъ изветшавшихъ формъ ветхозавѣтныхъ и съ проясненіемъ вѣчно-живаго и спасительнаго значенія самаго ветхаго завѣта: то понятно, что въ новомъ завѣтѣ преподаны уже послѣдніе, рѣшительно Божественные уроки зрѣлой духовной жизни. Такъ, достигшему возмужанія наслѣднику поручается сполна отеческое наслѣдіе и раскрывается окончательно отеческая воля, чѣмъ разрѣшается задача и всего воспитанія, и является онъ полнымъ домохозяиномъ, свободнораспорядительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ по мысли своего отца. Св. Апостолы и изъ нихъ въ частности новозавѣтные св. писатели оказываются воздвигнутыми отъ Бога представителями и вождями зрѣлой благодатной жизни. Отсюда же понятно, сколь необходимо Божественное руководство новаго завѣта на пути спасенія, проходящемъ чрезъ всѣ обстоятельства настоящей жизни, — въ дѣлѣ духовно-христіанскаго образованія, основнаго для всѣхъ видовъ образованія. Безъ сего спасительнаго руководства, и самое чтеніе ветхаго завѣта будетъ или

мертвою работою надъ отжившими историческими памятниками, или даже поведетъ къ ложнымъ воззрѣніямъ на ветхозавѣтныя откровенія, къ вреднымъ приложеніямъ; потому что сущность дѣла, значеніе и духъ ветхаго завѣта разрѣшаются въ новомъ завѣтѣ, — въ семъ послѣднемъ разъясняется, почему и какъ благодать предъявлялась облеченною въ извѣстныя преходящія формы, открывая духовно спасительные законы, дѣйствующіе и въ плотскихъ, съ виду, отношеніяхъ и обстоятельствахъ, — и даже внимательнаго наводя на частнѣйшія отношенія разныхъ ветхозавѣтныхъ откровеній къ разнымъ новозавѣтнымъ временамъ и обстоятельствамъ. Безъ вниманія къ тайнамъ и урокамъ спасительной истины не только невѣжда долженъ оставаться въ осязаемой тьмѣ своего невѣжества; но безъ озаренія Христовымъ свѣтомъ всякихъ предметовъ вѣдѣнія, и съ любознаніемъ, можно пріобрѣсть развѣ скелетъ истины, мертвыя свѣдѣнія, но не саму животворную истину; ибо эта животворная истина, во всей своей духовности и животворной сущности, предлагается именно въ новомъ завѣтѣ. Потому, новый завѣтъ долженъ быть самымъ любимымъ и главнымъ предметомъ чтенія или слышанія всякаго христіанина, — чтеніемъ по преимуществу не только предъ всякимъ мірскимъ чтеніемъ, но и чтеніемъ самыхъ ветхозавѣтныхъ откровеній и тѣмъ паче другихъ духовныхъ книгъ: Церковь ясно это выражаетъ, ежедневно полагая чтенія новаго завѣта въ самой торжественной части общественнаго служенія (Литургіи), и предлагая оныя особенно торжественнымъ образомъ (чтеніе Апостола и Евангелія). Свойства новаго завѣта оправдываютъ такое его значеніе.

Руководящая и спасающая насъ благодать представляется здѣсь столь снисходящею къ человѣческому естеству, и столь ему усвоенною! Не только сами чрезвычайные служители и орудія Святаго Духа — св. Апостолы являются носящими такую чрезвычайную благодать въ скудельныхъ сосудахъ человѣческаго существа, предаются движеніямъ Христовой любви, Христова сердца, какъ своего собственнаго сердца, проявляютъ созерцанія и мысли Христова ума, ставшія собственными ихъ разсужденіями и т. д., глаголютъ словомъ Господнимъ, истинно какъ други и присные Господу; но и Самъ исполненный благодати и истины Господь является въ образѣ человѣческаго невѣдѣнія, немощи, спасается, напр., отъ Ирода бѣгствомъ въ Египетъ, идетъ къ смоковницѣ, не найдетъ ли на ней плода, алчетъ, страждетъ и пр. Что̀ можетъ быть вожделѣннѣе и ближе къ намъ сего Божественнаго руководства? И при томъ, Христова благодатная истина не вооружается здѣсь оружіемъ грозной и безпощадной правды и симъ грознымъ выраженіемъ не скрываетъ свѣтлой своей благостности и радостнотворности; напротивъ, и бія преступныхъ, открыто является отеческою любовію, милующею виновныхъ, — и отвергая упорныхъ, только показываетъ, что никакое противленіе и упорство не вредитъ ей, напротивъ уже предусмотрѣно и служитъ какъ средство къ выполненію ея цѣлей и опредѣленій. Она предлагается вѣрнымъ, истинно, какъ сынамъ: въ невозмутимомъ спокойствіи, хотя и со всею готовностію и искренностію Христовой любви; она открываетъ предъ ними свои тайны и уроки, не понуждая, не увлекая впечатлѣніями, движа только внут-

реннею своею силою, какъ силою самой истины и благодати. И будучи сама въ себѣ глубока до неизслѣдимости, съ продолженіемъ времени, по самую вѣчность имѣющая раскрываться болѣе и болѣе, Христова истина въ новомъ завѣтѣ ясна, въ существѣ дѣла, и самымъ дѣтямъ; потому что Христосъ, въ которомъ и есть самое существо спасительной истины и благодати, чрезъ все продолженіе новаго завѣта сіяетъ, какъ солнце. Можемъ не понимать премудрости Его дѣйствій, всѣхъ глубинъ и оттѣнковъ Его ученія (и кто можетъ исчерпать умъ Господень?); но вездѣ открытъ Онъ Самъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возлюбившій насъ до пріятія всѣхъ нашихъ немощей и самой смерти и вознесшій человѣческое естество до славы Божественной. Входитъ ли Онъ въ Іерусалимъ столь торжественно и вмѣстѣ столь таинственно, вводитъ ли своего избраннаго въ видѣнія своихъ неиспытанныхъ судебъ: какъ Царь благодати, какъ Господь славы, торжествующій надъ всѣмъ враждебнымъ, Онъ явенъ и ощутителенъ. На семъ-то свойствѣ отсутствія ветхозавѣтной сокровенности (но не вообще сокровенности),—свойствѣ ясности существа дѣла,—основывается правило духовнаго практическаго образованія: читать новый завѣтъ — съ любовію, въ простотѣ разумѣнія, не смущаясь встрѣчающеюся непонятностію и въ терпѣніи ждать прояспенія себѣ и не понятнаго. Взирая духовнымъ зрѣніемъ вѣры и любви къ открытому въ новомъ завѣтѣ самому солнцу истины — Христу, свойственно болѣе и болѣе озаряться Его свѣтомъ и уразумѣвать непримѣтное или неудоборазумѣваемое пре-

жде: это обыкновенный фактъ дѣятельнаго духовнаго образованія.

Если взять во вниманіе и тѣ свойства новаго завѣта, которыя произошли отъ особенныхъ обстоятельствъ жизни и чрезвычайнаго служенія св. писателей: то и онѣ подобно свойствамъ, опредѣляемымъ внутреннимъ ихъ отношеніемъ къ Христовой истинѣ и благодати, приноровлены къ значенію новаго завѣта, какъ особенно необходимаго и употребительнаго для вѣры Божественнаго руководства. Эта оригинальность, по которой и древнія заповѣди и откровенія являются какъ новыя, имѣетъ то дѣйствіе на внимательно читающаго или слушающаго новый завѣтъ, что̀ какъбы обновляетъ для него живое значеніе христіанскаго порядка вещей. Многое въ учрежденіяхъ Церкви, въ отношеніяхъ ея членовъ, въ правѣ и правдѣ христіанской — по привычкѣ ли, обыкновенно убивающей свѣжесть и занимательность новости, или по нашему невниманію и злоупотребленіямъ, — кажется инымъ уже чѣмъ-то пожившимъ свою силу, или не замѣчается въ своей живой силѣ; но при чтеніи новаго завѣта, гдѣ весь порядокъ христіанства является во всѣхъ первоначальныхъ основаніяхъ, въ своемъ живомъ духѣ— духѣ самой благодати и любви Христовой, и при томъ представляющей въ своемъ открытомъ свѣтѣ чрезвычайную новость и для неба, не только что для земли, — привычное, почитаемое уже *общимъ мѣстомъ*, неожиданно иногда получаетъ свѣтлое и живое значеніе, — и предъ тѣмъ же *общимъ мѣстомъ* истины, обычая, учрежденія христіанскаго оказывается иногда и образованный человѣкъ какъ невѣжда предъ внезапною доброю и про-

свѣтительною новостію. И наконецъ, самый языкъ и вообще образъ рѣчи, имѣетъ и свою занимательность по разнообразію, по стройному соединенію въ себѣ ветхаго и новаго, и доступность не только научному изысканію, но и простому разумѣнію, и особенно, духовную назидательность по снисхожденію самого Бога Слова до выраженія своихъ таинъ и истинъ на общеупотребительномъ человѣческомъ словѣ.

Потомъ, — что касается въ частности до главныхъ отдѣловъ новаго завѣта, — евангеліе, какъ самое основаніе и законъ благодати, имѣетъ потому и особенно-важное значеніе для вѣры: въ каждомъ словѣ, дѣлѣ и обстоятельствахъ Христа закополагается и совершается спасеніе наше; это — такъ говоритъ, проходитъ разныя состоянія Божественный Ходатай или представитель всѣхъ насъ, предъ Своимъ Отцомъ, приводящій насъ въ Его любовь въ Себѣ Самомъ. Посему-то евангеліе изъ всѣхъ книгъ самаго новаго завѣта отъ вѣрующихъ окружается особеннымъ благоговѣніемъ и честію, — какъ-то съ дѣтства извѣстно очамъ и слуху всякаго православнаго. Тѣ евангельскія изображенія, гдѣ самъ Христосъ блюдетъ неприкосновенность еще даже и ветхозавѣтнаго церковнаго порядка, внушаютъ намъ, какъ священна и непреложна всякая черта новозавѣтнаго церковнаго устройства. Тѣ мѣста въ ученіи и жизни Господа, гдѣ Онъ съ толикою властію и ревностію небеснаго свидѣтеля и законодателя истины отрѣшаетъ духъ благодати отъ извѣтшавшей и ставшей ему враждебною ветхозавѣтной буквы и формы, — представляютъ намъ, чего ждать за невниманіе къ духу и силѣ открытой вполнѣ истины и

благодати, — не открытаго ли уже огня Божественной ревности, готоваго пожрать сопротивныхъ; ибо законъ и ревность небеснаго свидѣтеля истины — всегда одни и тѣ же, и ни для кого не преложны. Притчи Христовы, при поясненной уже тайнѣ благодатнаго домостроительства, благодатно поставляютъ насъ и въ настоящемъ чувственномъ мірѣ и въ житейской области, какъ въ Эдемѣ; ибо открываютъ духовный свѣтъ спасительной истины не только въ явленіяхъ духовныхъ, но и въ предметахъ природы, въ дѣйствіяхъ даже *сыновъ вѣка сего*. Посему-то великому Антонію и не требовалось никакой книги, кромѣ книги природы, состоящей изъ двухъ листовъ—неба и земли; по тому же евангельскому настроенію, и нашъ святитель Тихонъ собиралъ духовное сокровище всюду въ мірѣ. Но кромѣ сего, приточная и образная рѣчь, какъ благопотребная и премудрая метода учительства Христова, намъ, изучающимъ истину,—внушаетъ ту важную истину, что должно изыскивать и употреблять для себя и для другихъ методу ученія, именно благопотребную къ извѣстному времени и обстоятельствамъ, но что и наилучшая и пригоднѣйшая къ предмету и времени метода, — при недостаткѣ духовнаго вниманія, вѣрности и любви къ спасительной истинѣ, при чуждомъ Христову человѣколюбивому духу направленіи, — оставитъ насъ изучающихъ не при чемъ, какъ нѣкогда большую часть іудеевъ и Христова метода притчей. Іудействующіе и въ христіанствѣ, по своимъ жосткимъ понятіямъ и ревности болѣе по буквѣ, чѣмъ по духу и силѣ христіанства, пусть въ самомъ евангеліи найдутъ для себя нужное для нихъ вразумленіе.

Открытый книгою Дѣяній въ самомъ дѣйствіи — законъ спасающей любви, вѣрной своему существу и стремленію—миловать и прощать, своими залогами и дарами не обманывающей, но противленіемъ вынуждаемой отринуть непокорныхъ, хотя бы они были и наслѣдники благодати, — этотъ законъ, по которому область спасенія перешла отъ плотскаго Израиля къ намъ — въ міръ языковъ, внушаетъ намъ такой великій урокъ, который именно для вѣрующихъ языковъ протолкованъ Апостоломъ языковъ: *не высоко мудрствуй, но бойся, да не и ты отсѣченъ будеши* (Рим.).

Посланія апостольскія, какъ опредѣляющія и раскрывающія все домостроительство спасенія, говорятъ сами за себя о своемъ руководственномъ значеніи. Въ особенности Павловы посланія да вразумляютъ христіанъ, по язычески держащихся разныхъ идей не по Христу, какъ Христовою истиною, безъ стѣснительнаго духа прозелитизма іудейскаго, съ раскрытіемъ благороднаго духа благодатной сыновней свободы, озаряются и оживляются всѣ среды жизни и знанія, всѣ области небеснаго и земнаго, возглавляясь въ человѣколюбцѣ Христѣ, который для насъ человѣковъ Самъ въ Себѣ лично соединилъ съ Божествомъ все человѣческое.

Апокалипсисъ, и при сокровенности своей, да возбуждаетъ нашу вѣру отъ безпечности и отъ уныній, въ предосторожность нашу отъ пасти какого либо страшнаго и хульнаго звѣря, въ предосторожность отъ убійственнаго его знамени на орудіяхъ мысли и дѣятельности— на челѣ или на десницѣ, — въ побужденіе къ борьбѣ и побѣдѣ надъ сими врагами, поставляющей въ созерцаніе

Христовой истины, и влагающее во уста нѣкоторую пѣснь *Моисея — человѣка Божія и пѣснь Іисуса*, сливающіяся въ одну гармонію: *кто не убоится Тебе... яко оправданія Твоя открышася* и пр., и опять въ предосторожность, чтобы, въ противномъ случаѣ, и отъ самаго алтаря — сокровищницы милости и благодати — не вынесены были фіалы ярости Божіей, производящей болѣзненность струповъ въ человѣкахъ, отнимающей свѣжесть и жизнь въ самой области вѣчно-подвижной стихіи, въ предметахъ, назначенныхъ къ освѣженію и ободренію человѣка, — сообщающей самому обилію просвѣщенія только изнурительное и изсушающее дѣйствіе жара...

Сколько въ особенности должно пользоваться новымъ завѣтомъ къ просвѣщенію и спасенію въ наше время, имѣющее характеръ переходнаго въ разныхъ отношеніяхъ,— это можетъ выясняться изъ того соображенія, на сколько въ этомъ времени есть духа древняго іудейства или древняго язычества для выхода изъ-подъ этого пагубнаго духа въ истинный благодатный свѣтъ и духъ новаго завѣта. Въ этомъ отношеніи особенно много можно было бы сказать о приложеніи порядка открытія новаго завѣта къ нашему времени, для руководства сего послѣдняго къ возвышенію особенно надъ духовнымъ іудействомъ, чтобы привлечь къ Христовой истинѣ и духовно-язычествующихъ. Но это требуетъ болѣе собственнаго вниманія и размышленія духовнаго отъ насъ, по особенному положенію и нуждамъ каждаго изъ насъ. Для настоящаго общаго раскрытія порядка, состава и смысла новаго завѣта — довольно и сказаннаго.

КОНЕЦЪ.

2007097162